

ЯКОВ РЕЙТЕНФЕЛЬС

СКАЗАНИЯ СВЕТЛЕЙШЕМУ ГЕРЦОГУ ТОСКАНСКОМУ КОЗЬМЕ ТРЕТЬЕМУ О МОСКОВИИ

DE REBUS MOSCHOVITICIS AD SERENISSIMUM MAGNUM DUCEM COSMUM TERTIUM

Текст воспроизведен по изданию: Утверждение династии. М. Фонд Сергея Дубова. 1997

Книга первая

О происхождении московитов и обзор царствований

Глава 1. Откуда и когда появились мосхи в России

Подобно тому, как все в подлунном мире изменяется, следуя закону превращения, ежедневно нами по великой книге опыта замечаемому, но не постигаемому, точно такому же круговороту подвержены также и судьбы народов, на море и на суше, так что мы не видим ни достаточно долговечных жилищ, ни какого-либо постоянного языка, ни неизменяющихся нравов, которые бы долго продержались. Одни народы, которые еще не так-то давно совсем отвыкли на севере от дневного света, переменив местожительство, обитают ныне на ясном востоке и юге, другие, которых некогда чуть не первых озаряло восходящее солнце, ныне погружены в почти постоянный мрак. А вследствие военных набегов и дружелюбных сношений все до того смешались, что в настоящее время тщетно было бы искать какой-либо народ на тех же самых землях, которые он обрабатывал в начале истории. Поэтому нам, отыскивающим сокрытую колыбель рода московитов, нужно будет до тех пор тесно связывать историю с землею и ее обладателями и изучать последовательный ход различных переселений, пока мы не доберемся, идя по их следам, начиная с их выхода из Азии, до нынешнего отечества их, хотя иноплеменные народы гораздо менее тревожили север своими вторжениями, нежели остальную часть земного шара. Всякий, нимало не задумываясь, скажет совершенно определенно, что Мозоху, сыну Иафета, принадлежали в качестве первых поселений (колоний) в мире Каппадокия и вся область Трапезунтская и Колхида, ибо Иосиф Еврей утверждает, что Каппадокия некогда называлась Мосхой, и всякий ясно видит из свидетельств Геродота, Плиния, Страбона, Птоломея и других, достоверных и надежных древних писателей, что мосхи, мосхины и мосинокки занимали как Каппадокию, так и известные кавказские ущелья близ Черного моря. Первоначально свободные, но вскоре порабощенные другими, они, испытав также изменчивость судьбы, не только подпали под власть Дария Гистаспа и вошли в состав войска Ксеркса (имея в руках короткие дротики с длинными наконечниками и деревянные шлемы на голове), но совершенно, в конце концов, слились с племенем каппадокийцев. Из разных свидетельств Св. Писания об них наиболее достойны внимания слова Иезекииля, гл. 27 и 38, где богодухновенный пророк говорит: "Греция, Мозох и Фубал принесли рабов и медные сосуды народу твоему", и далее; "начальника Роса, Мозоха и Фубала". Затем они же, теснимые могущественными ассирийцами, или же потому, что туземные жители, умножаясь, расширяли свои владения, достигли северного берега Черного моря, пространствовавши по Кавказским и Мосхийским

горам, и пришли к р. Танаису, а отсюда постепенно расселялись по всей Руси, двигаясь преимущественно по следам гомеритов. Последние же, хотя занимали раньше эти места, благодушно приняли пришельцев или даже добровольно перенесли свои жилища дальше, так как пред ними с каждым днем открывались все более и более обширные земли и они жили разбросанно, на большом расстоянии друг от друга. Продолжая таким образом двигаться все дальше, они, около 1900 года от сотворения мира и 300 года после потопа, страшно увеличили своим присоединением к нему Сарматское государство, образовавшееся раньше из потомков Магога и Фубала и части гомеритов. Относительно этого вполне сходятся отрывочное известие Катона, утверждающего, что северные страны были заселены на 108 лет ранее, нежели Италия, и показание Бероза, говорящего, что Мозох основал две колонии. Как бы ни было, но имя мосхов, сохранившееся в названии одного древнейшего божества и реки Москвы в небольшом уголке Европы, начало в позднейшие века после долгого забвения все шире и шире распространяться, ибо моксами стали уже называться народы за Казанью, и поэт Лукан, равно и Плиний и Страбон называют мосхов соседями сарматов; а ранее сего преобладали сарматы. Сарматское государство стояло незыблемо ровно 3000 лет, и даже сам Александр Великий как-то, за верную их помощь в войне, не столько даровал им, а скорее подтвердил (если только он мог сделать и это) за ними преимущественное право селиться навеки на пространстве земли, ограниченном Ледовитым, Балтийским и Адриатическим морями. Нынешние чехи и далматы - я думаю, впрочем, похвальбы только ради - уверяют, что это подтверждение, начертанное золотыми буквами, и в настоящее время еще хранится в архивах Турции. Это Сарматское государство имело всегда, вследствие обширности и разнообразия страны, многих совершенно самостоятельных князей, причем, однако, один был главенствующим над прочими, и на стороне его были остальные соплеменники в силу договора о вечном союзе. Этот обычай, без сомнения, сохранился от вышеназванных первых устроителей рода человеческого, которые, заполняя собою период времени в несколько веков, постоянно удерживали за собою верховную власть над потомками.

Переднею частью государства и древнейшим местопребыванием всех народов сарматского или скифского происхождения были, по единодушному свидетельству историков, Кавказ и Аракс, откуда, как из Троянского коня, вышли, ужас народов, люди в железных доспехах, и куда они, как в свое средоточие, сносили такое множество величайших и на весь мир знаменитых побед и неувядаемую за них награду - славу. Кто же, стало быть, не заключит отсюда, и вполне основательно, что сарматские племена получили свое название от этой самой родины их! Этими крайне дикими племенами постоянно пользовались как наемниками с большим успехом в своих войнах ассирийцы, персы, мидяне, Александр, Митридат и сами римляне, властители вселенной. Семь раз они нарушили спокойствие Азии своими набегами, Европу же они тревожили еще большее число раз.

Тем временем мосхи, распространяя все шире да шире свои владения и становясь все более известными под различными именами сопредельным народам, стали все сильнее и сильнее сталкиваться враждебно с ними, хотя первоначально никто, конечно, не счел бы выгодным делать на них нападения, ибо они долее всех придерживались своего старинного, скромного и невзыскательного образа жизни, да и затруднительные пути сообщения и доблесть их крайне не располагали их недругов к войне. Но потом, полагаю, с течением времени, у них несомненно произошли междуусобицы и разного рода раздоры, пока наконец, благодаря передвижению остальных северных потомков Иафета, т. е. кимиров и готов, мосхи не были вынуждены начать войну. Ибо с последними у них постоянно происходили вследствие захватов, с той и другой стороны, земли кровопролитные сечи, как это будет яснее видно из рассказа о царях московских. Шаг за шагом оттесняя врагов, они под именем славян вскоре покорили себе всю землю до реки Ельбы и положили там начало полякам и чехам. Не меньшее пространство земли они заняли потом под именем болгар, причем тотчас же за ними, как бы на смену своим родоначальникам, пришли в Московию из общей их родины новые народы. Греки, также по Черному морю приехавшие, урезали некогда их владения

(fines corum a Graecis... sunt, accisi [Пределы их... урезаны греками -

лат.]), и они могли бы легко перенять греческий образ жизни, если бы не были столь привержены к собственным нравам. Наконец дикие гунны и татары, последние народы Скифии, рядом новых набегов так стеснили их, что у них произошло замешательство, кажется, хуже вавилонского. Впрочем, в настоящее время обстоятельства изменились в их пользу: они совершенно покорили их и полновластно помыкают ими.

Глава 2. О разных названиях московских племен

Хотя все ныне называемое Московией государство заключает в себе, и до сей поры, народы, ведущие свое начало от потомков Мозоха и Магога, т. е. мосхов, готов и скифов, как бы сросшихся в одно целое, тем не менее они, то все в совокупности, то лишь некоторые из них, были в разное время известны остальному миру под различными именами. У древнейших греков, которым мы почти исключительно обязаны древнейшими о них известиями, они сперва назывались гипербореями и киммерийцами, затем скифами и сарматами, а также и скифоготами, и многими еще другими именами. Киммерийцами, или кимврами, называлось то племя, которое с незапамятных времен, раньше других, занимало большую часть России. Я не сомневаюсь, что эти же самые потомки Гомера, раньше остальных, были родоначальниками германцев, направившиеся сюда на пути своем в дальнейшие страны. Ибо говорят, что они, быв прогнаны из своих местожительств готами и сарматами, неоднократными вторжениями через Фракию, Месию и Паннонию достигли наконец Норики; раньше же они, по словам Плиния и Страбона, разбойничали, не имея постоянного местопребывания, вдоль Меотидского моря и научились, по свидетельству Берозия, у скифов, чрез страну коих они проходили, располагать свои повозки лагерем. Скифы, перешедшие с реки Аракса или Араса, около которой Магог некогда впервые расположился на житье и оставил, у евреев, всему племени название магогов, на другую сторону Кавказа, Танаиса и океана, назывались ранее сего по имени царя Сколота сколотами, что означает - одетые в железные доспехи и звериные шкуры. Вследствие сего Берозий в пятой книге передает, что Арасс, отправившись с сыном Скифом из Армении на запад, занял земли вплоть до европейской Сарматии. Геродот приписывает это Геркулесу, который, по его рассказу, от женщины, получеловека, полузеи, имел сыновей Агафирса, Гелона и Скифа, и что от них-то имена и перешли к племенам. А потому уж и все племена около Босфора, Киммерии, Борисфена, Истра, Меотидского озера и Танаиса были греками и римлянами прозваны скифами. Некоторые полагают, что и готское слово "скюте", т. е. стрелок из лука, происходит от того же корня, так как скифы преимущественно славились искусством стрелять из лука. Что происхождение скифов относится к глубочайшей древности - с этим согласны даже те, которые ревниво отстаивают древность египтян, халдеев и финикиян. Из племен, обитающих близ Понта, они поэтому считались наиболее развитыми и справедливыми, но и наиболее жестокими. Умерших царей своих они ради поклонения возили с необычайной пышностью по всем областям до р. Герра близ источников Борисфена, где действительно находятся огромные курганы, места их погребения. Дружеский союз они скрепляли тем, что почиталось делом обычным и ежедневно повторяющимся, - пить кровь убитых врагов, одеваться в их кожу, как в плащ, и употреблять человеческие черепа вместо чаш. Скифские готы, одного происхождения, от Магога, со скифами, бродившими по Московии, поселились, наконец, в Швеции, где они, ведя постоянные войны с германцами, или с кимврами, или с датчанами, постепенно, кажется, совершенно смешались с ними. Отсюда они, в 2593 году от сотворения мира, побуждаемые своим воинственным духом и недостатком земли, перешли под предводительством царя Бериха чрез Балтийское море и, как бы желая, с другой стороны, снова завоевать свое первоначальное отчество, покорили себе следующие народы: эстонцев, куретов и улмеругов, т. е. ливонцев, курляндцев и пруссов, или генетов, и вандалов. Когда же у готов при царе Балте или Галте вспыхнули междуусобицы, то от них ушли на новые места около Валахии гепиды, которые впоследствии напали на готов, поддерживающие вандалами и скифами, но были побеждены, причем Гадарик, царь готов,

объявлял вандалов союзниками, а скифов - рабами. Скифы снова попытались освободиться, но были снова покорены Филимером, вплоть до Меотидского озера; Филимер же, перекинув мост через Меотидское озеро, перевел среднюю часть войска отсюда и дошел, сражаясь со скифами, называемыми спалями, до Понта. Они проникли даже во Фракию, по языку некогда родственную готам, и отчасти в Грецию, под названием понтийских готов, и сражались во время Троянской войны против греков вместе с амазонками. Об этом свидетельствуют до сих пор многочисленные громадные каменные столпы, воздвигнутые в Швеции в честь готских героев, храбро сражавшихся за пределами отечества. Ибо Швеция, как гласят готские законы, есть постоянное и неизменное местопребывание готов. Когда Овидий жил изгнаником в Понте, то они владели Томоном и другими местами до самого левого берега реки Истра, и даже до времен перекопских ханов там еще существовали их вожди, происходящие от завоевателей. История этого народа в скором времени, надеюсь, будет весьма разъяснена, когда будут объяснены всему миру древние руны, высеченные на столпах и на скалах и которые списываются и исследуются в Упсале ученейшими мужами. Впрочем, готы уже издревле должны были быть довольно развитым народом, ибо они верили, подобно скифам, в бессмертие души и приводили в восхищение мудрейших философов. Позднее их имя было кой-где слегка изменено в прозвание "геты"; геты, живущие по Борисфену, утверждали, что их покойники уходят к демону Замолксису или Гевелейсу и там становятся причастными всяких благ. От тех же готов, которые некогда отправились из московских областей в Италию, Испанию и еще куда-то, отделились, говорит предание, парфяне, положившие первое основание могущественнейшему Парфянскому государству. Впоследствии то весь народ мосхов, то отдельные племена из его состава назывались многими различными именами, подробный перечень которых впервые составлен греческими писателями. Из него можно до известной степени выяснить себе древнейший их быт и простые нравы. Ибо все они носят название, приноровленное к местожительству каждого из них: темноволосые агафирсы в пестрых одеждах, получившие свое название от сына Геркулеса, соседи азиатских скифов, которые, говорят, владели большим количеством золота и не скучны и не завистливы. Это, несомненно, обитатели нынешней Черкасии. Гелузы, т. е. строящие жилища в болотах, на озерах, так как они населяют землю, чрезмерно болотистую, и которые представлены у Тацита в его древней Германии как нечто баснословное по причине их необыкновенной одежды. Гелузы и оксионы, говорит именно этот писатель, имеют голову и лицо - человечьи, туловище же, руки и ноги - звериные (это подобно тому, что говорят про нынешних лапландцев и пермяков). Гиппофаги, питающиеся кониной, которую татары и поныне употребляют в пищу; борисфениты, живущие по р. Борисфену, т. е. северной, и приносящие жертвы по греческому обряду и хвастающие своим происхождением от милезийцев; невры, также близ реки живущие, зовутся так от слова "нерва", т. е. ременная плетка. Вблизи находятся гелоны, происшедшие, как говорят, от Гелона, сына Геркулеса. Равным образом занимали некогда немалую часть Московии туссогеты или тиссагеты, тирсагеты и массагеты - народы гетского происхождения. Аланы, т. е. бродячие, кочевали около Меотидского озера и болот, пока не слились в одно с готами; агриппеи, знаменитые своею справедливостью, говорят, процветали в том же самом месте, где и абии, жившие у реки Оби, после того как месы заняли Месию у Гема. О них говорит Гомер в 5-й песне Илиады, обращаясь к Борею: "Там находятся воинственное племя фракийцев, любящие войну месы, доблестное племя гиппомолгов и пожирающие молоко аби, справедливее коих нет народа". Царские скифы, которые вследствие какой-то, неизвестной мне, знатности считают прочих скифов своими рабами; меланхлены, ибо они носили темную одежду, как это делается и сейчас, в Червонной Руси. Будины или бодины, рыжеволосые и голубоглазые, которые некогда двинулись в Подолию, где великое изобилие выдр и бобров. Номады, ведущие пастушеский образ жизни и бродящие по полям и лесам, не имея постоянного места жительства; георги, усердно занимавшиеся обработкою земли, у которых и женщины были обучены военному искусству; от них, кажется, еще уцелело племя грузинов, часть коего принадлежит мосхам. Далее - аорсы и аrimаспы, историю которых, как утверждают некоторые, некогда изложил Аристей, учитель Гомера, в эпической поэме. Тот же Аристей свидетельствует, что аrimаспами были прогнаны иссидоны, скифы - иссидонами, а

киммерийцы, тревожимые скифами, покинули страну у южного моря. Гамаксоны и иссилоны, имеющие обыкновение возить повсюду свои жилища на повозках, что и поныне делают калмыцкие татары. Рифаки, получившие название, быть может, от Рифата, сына Гомера, или от сильных ветров и Рифейских гор. Циги, близ Меотидского озера, получили название от легко раскалывающегося дерева, клена и багрового цвета коры. В соседстве с ними Плинт и Страбон полагают сербов или сирбов, которые впоследствии переселились в Сербию, страну близ Константинополя. Также отступила вначале, через Каспийские ворота, с целью захватить государство на востоке и часть турок, главным образом из тех частей Татарии и Черкасии, которые ныне подчинены Московии. Равным же образом весьма заслуживают упоминания здесь и амазонки (ибо они главная домашняя гордость русских). Эти савроматиды или савропатиды и эопарти, т. е. женщины-мужеубийцы, ведут свое происхождение от тех скифов, которые владели громадной частью Азии, вплоть до воцарения ассирийского царя Нина, когда они, перебив уцелевших от вражеских мечей мужей своих, сперва заняли пустынную страну у реки Фермадонта, наследственное достояние древних потомков Мозоха. В этом месте расположили свои жилища изгнанные из своей родины аристократической партией Филос и Сколопитас с большим числом скифской молодежи, но, будучи окружены разного рода преследованиями, они уступили владения женам, которые впоследствии помогали троянцам против греков и, в свою очередь, получили в помощь от скифского царя Сагилла громадный отряд конницы под предводительством князя Печагора, но тем не менее были побеждены греками; когда же те везли их по морю, то они перебили всех корабельщиков на судах и ушли в скалы у Меотидского озера. Делая отсюда набеги на владения скифов, они были признаны за женщин, и скифы, пренебрегая ими, предоставили своим юношам бороться с амазонками, которые, выйдя за них замуж, поселились по реке Танаису на расстоянии трех дней пути от Меотидского озера, и здесь, говорят, имя и храбрость амазонок были в большой славе вплоть до времен Юлия Цезаря. Наконец, особенно выдаются между теми племенами, коих имена и доныне еще сохранились, московские племена болгар, славян и русских. Кому не ясно, что болгаре или, вернее, волгаре получили свое имя от реки Волги, откуда они появились и распространили свое владычество и свой язык до самой Греции включительно. Часть их, прозванная на варварском наречии уннобундоголгарами или контра-готами, поселилась у северных берегов Евксинского Понта и у Меотидского озера. Кроме того, из этого же племени, как бы из колчана, явились, по свидетельству Свиды и других, славяне, отличающиеся, как уже одно их название указывает, доблестью и которые впоследствии, под именем также булгар и венетов, заняли на громадном пространстве все свободные земли вандалов. Поэтому-то летописи мосхов и утверждают, что мосхи - славянское племя из колена Иафетова. Здесь должно обратить внимание на то, что эти славяне впервые привели две дружины в Польшу и в Богемию, большую часть коих до того занимали вандалы. Имя же "русские", присвоенное ныне московитами себе, происходит от славянского слова "рассеяние" и обозначало уже в древности людей, живущих не кучно, а на большом расстоянии друг от друга, вследствие чего греки и называли их славянами, антами и спориями, т. е. "разбросанными".

В древние времена рутенами, россами, роксанами и роксоланами у Плинния, Тацита и Страбона, в разных местах их сочинений, назывались народы, занимавшие большую часть Европейской Сарматии и которым нанес ужасное поражение Митридат Седьмой.

Другие производили это название от греческого слова "рус", обозначающего "течение", или от слова "риссейя", что на арамейском наречии значит "рассеяние". Не буду здесь распространяться о словах пророка Иезекииля "князья Росс, Мозох и Фубал", так как св. Иероним сомневается - было ли "Росс" собственно имя народа, или же оно обозначало только вождя.

Каковым бы истинное значение этого слова ни оказалось, но пророк, кажется, имеет в виду провинцию Аракс, так как речка Аракс по-арабски называется Рос, и Иосиф Бенгорион отводит место россам у реки Кир, которая сливается с Араксом еще до впадения его в

Грузинское, или Каспийское, море. А около этих рек Скифское государство как бы начало, сплотившись, крепнуть. Перейдя отсюда через Аракс, россы заняли Таврику, которая также стала называться по их имени. Это вполне подтверждает и Цецес в своих исторических летописях, говоря, что тавры были племя, называемое россами. Некоторые, оспаривая это, по моему мнению, неосновательно утверждают, что Россия называлась у готов "Русланд", т. е. страною великанов, ибо это чудовищное потомство Энака по преданию некогда владело всем севером. Поэтому у древних германцев она называлась "Гунеланд или Гунеград", т. е. страна гуннов или великанов, а также и "Остроград", т. е. восточное государство, ибо гунны, так же как и угры, вышли из местностей, ныне подчиненных мосхам. Во времена императоров Юстиниана и Маврикия они, для внушения громким именем большого страха народам, выдавали себя при первом своем царе Хагане за абарцев, иначе называемых аварами, хунами, сарфатами и сабирами. Дело в том, что в 568 году по Р. Х. эти гунны, облеченные во взъерошенные шкуры зверей, вторглись в Паннонию, называя себя аварцами по имени вождя Авара, которому наследовал Хаган. Поэтому Константин Багрянородный назвал славян аварами, ибо, конечно, они подчинили себе много славянских или русских племен, прежде чем стали тревожить греков своими набегами- Иордан Равенский и римский сенатор Аблавий говорят, что первые гунны произошли от ведьм и скифов. Одни из них, называемые евталитами, по словам Прокопия, совершенно не похожи на прочих и не имеют никаких сношений с ними, но живут рядом с персами по направлению к северу. Главный город их называется Горги, и они одни из всех гуннов обладают белым цветом кожи и не безобразной наружностью. Это, кажется, нынешние грузины и черкесы. Обхожу здесь молчанием племена хозаров, боранов, азаниев, влахов, бастарнов, печенегов и половцев и многие другие, кои некогда занимали ту или другую часть Московии, и память о которых еще свежа. Впрочем, те половцы, которые жили первоначально близ Волги, т. е. готовланы и сарматоготы, остатки готов, были истреблены татарами при их нашествии на Московию в 1202 году. В настоящее время все племена, подчиненные московскому царю, носят без различия одно общее название русских или московитов, отличаясь одно от другого разве лишь языком, верою и нравами. Для того же, чтобы еще яснее стало, что все выше перечисленные разнообразные, дошедшие до нас от глубокой древности, имена народов действительно принадлежат стране русских, достаточно взглянуть на теперешние ее границы, ибо она широко захватила собою большую часть европейских Сарматии и Скифии, всю азиатскую Сарматию и немалую часть азиатской Скифии.

Глава 3. О местопребываниях царей в России

Не только одни скифы, но и многие другие народы в первобытные, суровые времена проводили счастливо жизнь не в дворцах, искусно построенных согласно требованиям нашей изнеженности, или в укрепленных городах, но в малых шалаших, крытых повозках, кожаных шатрах и под открытым небом. Быть может, сам Господь незримо внушал им это, чтобы они, таким образом, меняя по возможности чаще места своего пребывания, двигались бы все вперед с тем, чтобы, в свою очередь, легко уступить впоследствии свою землю другим, не удерживаемые дорогими постройками, и заселяли бы весь шар земной. Народы, занимающиеся скотоводством, проводили тогда большую часть времени, кочуя по пастбищам, и равным образом даже и те, которые владычествовали над другими, не основывались прочно и надолго на каком-либо определенном месте, но предпочитали вместе с подчиненными отыскивать новые пастбища и бродить там и сям, пока, наконец, не решались избрать себе постоянное местожительство, как вследствие ослабления страсти к бродяжничеству, так и потому, что царство их становилось, вследствие величины своей, неудобопередвигаемым. Я бы полагал, что во времена скифского владычества наши мосхи имели весьма мало городов, так как из свидетельств Плиния, Геродота и других видно, что сами скифы, даже гораздо позднее, занимали один или два города - не более. Готские летописи упоминают, под самыми ранними годами, о русском городе Ротуле и некоторых других с славянскими именами в Карелии и Эстонии; Птоломей считает древнейшим городом Ольвию или Ольвиополь, т. е. блаженный город (он же назывался и Борисфеном),

расположенный не то чтобы далеко от племени герров, в стране которых находились древние царские могилы в виде громадных земляных насыпей. В этом месте теперь воздвигнут на покрытом рощами берегу реки город Страпен. Следующим за ним городом был второй Борисфен, построенный близ устья реки Борисфена, называемый также Милетополем, так как основание ему положила Милетийская колония в 3300 году от сотворения мира.

Полагают, что это - нынешний Очаков, которому император Антонин Благочестивый посыпал помощь против тавро斯基дов. Русские летописи говорят, что Московскому государству было положено начало позднее близ Новгорода Великого, Белой Церкви и Изборска братьями варягами - Рюриком, Синеусом и Трувором. Из них Рюрик избрал местопребыванием царя город Ладогу и Ладожское озеро, Святослав же перенес отсюда столицу всего государства в Переяславль. Впрочем, далеко не безосновательно мнение, что этим городам предшествовал Киев, так как мосхи не припомнят никакого другого города, более древнего. Пусть Кий, царствовавший, по словам Кромера, в 800 году, считается, как это вообще принято, его основателем, - по-видимому, он существовал еще задолго до него, но после того как Кий чрезвычайно украсил его, он очень долго был местопребыванием первых русских князей, хотя с некоторым перерывом, когда находился последовательно во власти литовцев и поляков. Высится этот город над Борисфеном на расстоянии 30 миллиарииев от Понта и блаженствует от обилия рыбы и богатых урожаев плодов - полевых и древесных. Жители его некогда были до того привержены к утехам любви, что девочки на восьмом году жизни уже бесстыдно занимались прелюбодеянием. В настоящее время они исправились от этого порока и усердно предаются плаванию, рыболовству и гребле веслами. О том, что Киев служил местопребыванием царей, свидетельствуют множество преданий, могильных памятников, а также и остатков храмов и дворцов. Он делится на старый и новый город; последний, весьма мало населенный, расположен на верху горы, подошву которой омывает Борисфен, и, кажется, те сухие поля, что находятся внизу, были некогда морем, ибо местами на них находят якори. Новый город заключает в себе следующие замечательные древние храмы: храм св. Софии, знаменитый своими мозаиками и царскими надгробиями; св. Василия с греческими надписями, вырезанными на мраморе 1400 лет тому назад, но все-таки еще не вполне стершимися от времени, и св. Михаила Златоверхого, названного так от позолоченных железных листов, в котором поклоняются мощам св. Варвары, покоящимся здесь, по словам русских, со времен Никомидийской войны. Из прочих древностей города заслуживают вполне упоминания громадные подземные ходы, которые кроме того, что стоили громадных трудов, еще, как говорят, достойны удивления потому, что действительно сохраняют внутри себя человеческие тела, нисколько от времени не потерпевшие. На некоторые из них, превышающие человеческие размеры, нельзя смотреть без ужаса: это, вероятно, либо исполины, либо образцовые представители племени. Особенно же славится громадными пещерами, искусственно ли или природою созданными, это не решено окончательно, гора, находящаяся на расстоянии полукилометра от города, близ Печерского монастыря. Здесь находятся тела св. Елены, или Ольги, монаха св. Иоанна и других знаменитых людей, совершенно сохранившиеся и как бы поныне еще дышащие. На расстоянии шести дней пути от этого места, говорят, поляки во времена Стефана Батория, по расследованию Войнусского, мужа, отлично знающего многие языки, нашли надгробный памятник Овидия со следующей надписью: "Здесь покоится веций певец, которому разгневанный Цезарь Август приказал покинуть землю Лациума. Часто, несчастный, желал он почить на родных нивах, но тщетно! Рок ему здесь приготовил место".

В другом же, близлежащем городе они видели сочинение Цицерона о государстве к Аттику, написанное золотыми буквами. Меж тем около 930 года, как мы уже упомянули выше, Святослав Игоревич перенес княжеский престол из Киева в Переяславль, знаменитый своею рыбой, которую переяславцы и поныне имеют обыкновение по странной привычке представлять к царскому столу во время венчания на царство. Немного лет после сего Владимир, первый христианский князь на Руси, построил город с своим именем - Владимир, и определил ему быть царским местопребыванием, находя, что здесь - средоточие всего царства и земля богата плодами всякого рода, хотя в 1001 году при Ярославе царский Двор

снова, как бы после временного изгнания, вернулся в Киев. Наконец, с 1300 года. и до настоящего времени Москва сделалась и пребывает, благодаря заботам и попечению великого князя Ивана Даниловича, блестящим местом жительства царей. Более подробному рассказу о ней нам еще представится ниже обширнейшее поприще.

Глава 4. О войнах и о царях русских до Р. Х.

О древнейших царях и событиях у вышеназванных народов, занимающих столь обширное пространство земли, до нас не дошло ни одного почти известия за весь древний период, или, по меньшей мере, эти известия не ясны и не достоверны. Поэтому и мы, не желая прибегать к каким-либо измышлениям, будем продолжать рассказ, употребляя названия то готов, то русских, то скотов и другие, обильно сообщаемые современными летописцами-очевидцами, до тех пор пока не достигнем времен, уже более близких к нам, когда все это получает более прочное основание, яснее видна последовательность событий, и когда мы будем следить исключительно только за тем, что действительно может касаться Московского государства и его древних повелителей. Но так как все его области в древности были различно разделены, и границы их были разно означены, причем не сохранилось остатков каждой в отдельности, то я счел достаточным подробно изложить то событие у восточных племен, то у западных, то какого-либо племени отдельно, то события, касающиеся их всех вместе, и назову имена князей, дабы по крайней мере последовательно обнаружилось бы, что за столь долгий промежуток времени совершила та или другая часть русских, нередко на славу другим племенам. Первоначально же сталкивались враждебно готовы и русские, главным образом, однако, так, что чаще первые были принуждены признать власть последних.

В 2400 году от сотворения мира, не касаясь здесь событий более отдаленных и затемненных, отчасти вымыслом, отчасти же отсутствием показаний в готовских летописях, упоминается некий Веспасан, царь западных россиян, который, говорят, имел пребывания в городе Ротоле и вел войны со скандинавами. В 2418 году от сотворения мира, во времена Моисея и Девкалиона, Свафурлам, царь русских, лишился дочери Ливоры, хищнически увезенной царем упсальским в Ингрию. В 2493 году от сотворения мира Берих, царь шведов, впервые привел войска через море на противоположный берег и, разбив ульмеругов, куретов и эстов, угрожал оружием даже русским. С 2620 года от сотворения мира русские начали понемногу смешиваться с гепидами, частью готов, отделившейся от прочих и поселившейся в Валахии. В 2640 году от сотворения мира Гадарик, царь готов, одержав победу над гепидами, обратил скотов в рабов, а вандалов - в союзников за то, что те помогали гепидам. В 2660 году от сотворения мира Филимер, царь готов, прогнав киммерийцев с их места жительства, привел войска к Меотидскому озеру и, переправив их по средине озера через него, покорил спалов, скотов. В 2747 году от сотворения мира Танаузий или Таргитай, царь гетоскифов, сын Юпитера и дочери реки Борисфена, прогнал Везора, египетского царя из Скифии, до самого Нила, и хотя египетские болота помешали ему идти дальше, однако он в течение многих лет заставлял большую часть Азии платить ему дань. Сыновья этого Танавзия, Липоксайс, Арпоксайс и Колаксайс, разделили царство между собой, и во время их царствования, говорят, упали с неба золотые воспламеняющиеся плуг, секира и чаша, которые впоследствии постоянно глубоко чтились у скотов. В это же приблизительно время, когда тщетные усилия Троянской войны и безрассудный поход аргонавтов неустанно волновали честолюбивою борьбою столь многих племен, говорят, готовскифские цари близ Понта, Сагилл или Апенон, Пенаксагор, Телеф и Евтифил вместе с амазонками оказывали помощь Трое. Тогда же, говорят, в Скифии начальником готов был философ Зевт, преемником коего в деле преподавания наук был несколько времени спустя Дикиней. Кроме того, в это же приблизительно время, говорят, и Агафирс, Гелон и Скиф, сыновья Геркулеса, основали колонию в Сарматии и знаменитая волшебница Цирце вышла замуж за некоего сарматского царя, но так как она извела своего мужа ядом и жестоко обращалась с своими подданными, то была лишена власти и бежала в Италию. В 2866 году от сотворения мира скоты снова вторглись в Азию, и их примеру последовали фракийцы, месы, геты и бобрики и заняли в

2978 году почти всю Вифинию, поселив в Азии военные поселения. В 3031 году от сотворения мира Регнер, царь Швеции, делал разбойнические морские набеги на владения западных рутенов. В 3132 году от сотворения мира Готеброт, царь готов, царствовал на всем протяжении от Эльбы до Танаиса. В 3174 году от сотворения мира Боус, начальник рутенов, успешно воевал с Готером, царем шведским, и вся Финляндия тогда перешла к русским, но Родерик, сын Готера, снова подчинил русских себе. В 3200 году от сотворения мира скифы предприняли поход против ионийцев. В это время скифами повелевал, кажется, Ариант, который с целью узнать количество своих воинов велел каждому из них принести по наконечнику стрелы, из которых слили медный котел, вмещающий в себе 600 амфор, поставленный им, на память о себе потомству, между Борисфеном и Гипанисом. В 3300 году от сотворения мира, в царствование Проботита, отца Мадия, над скифами, построен город Борисфен милетийцами в Понте у реки того же имени. В 3315 году от сотворения мира во времена Киаксара Мидянина скифский царь Мадий, двинувшись вдруг от Борисфена и преследуя киммерийцев, племя у Меотидского озера, захватил на 28 лет в свои руки власть над Азией, но затем б 243льшая часть скифов, сильно напоенная вином, была обманным образом предана Галиартом, царем лидийским, и умерщвлена этим же Киаксаром. Кажется, об этом избиении упоминает пророк Иезекииль в 32-й главе, стих 26. Во время пребывания в Азии скифы сильно стремились перейти в Египет, но царь египетский Псамметих, в 3220 году от сотворения мира, мольбами и деньгами склонил их к возвращению в Скифию. Когда остатки их направились домой, в 3344 году от сотворения мира, их рабы, вступившие тем временем в брак с женами своих господ, препретили им путь, выкопав ров между Кавказом и Меотидским озером, пока, наконец, не были, благодаря рабским свойствам своего духа, побеждены дубинами (оружием ничего нельзя было сделать) и снова подчинены прежней власти. В 3380 году от сотворения мира в области Гиляя, близ Ахиллова Бега особенно, пред остальными, упоминается скифский царь Савлий, пронзивший стрелою Анахарзиса, скифского философа, по его возвращении из ученого путешествия домой, за то, что он тайно у себя совершил жертвоприношение по греческому образцу. Об этом Анахарзисе весьма подробно и много говорят Гомер и другие писатели, что он переполнил скифские законы в стихи и в Афинах славился у Солона своею ученостью. Между многими учеными его изречениями по справедливости достопримечательно то, что форум по его определению есть место, назначенное для обмана и способствующее склонности, а также и то, что виноградная лоза приносит тройной плод: вожделение, пьянство и печаль. В 3387 году от сотворения мира упоминается о Кальвиде, царе скифов, когда Абарида, гиперборейский жрец Аполлона, прибыл по поручению своего народа в Грецию, дабы исполнить обет, данный его отечеством за избавление от чумы. Почитая здесь Пифагора за Аполлона, он ему принес чудодейственную стрелу, благодаря которой он переплывал реки и освобождал города от чумы и делал много другого чудесного, по словам Геродота. В 3421 году от сотворения мира царица Томирида (сына которой Спаргапита персы убили раньше) разбила Кира, отправившегося с войском против скифов, живших по Волге, и у обоих морей, и по реке Оксу, и бросила голову его в кожаный мех, наполненный кровью. Отправившись отсюда в часть Мизии, она выстроила там город Тамер и назвала всю эту область Малой Скифию. В 3427 году от сотворения мира Камбиз, сын Кира, отправился против скифов, к которым на помощь пришли жители города Борисфена, через Босфор и Дунай, построив через каждый из них по мосту, при неблагоприятных предзнаменованиях. В 3493 году от сотворения мира Дарий Гистасп, не получив в жены дочь готовскифского царя Янкира, или Идантира, или, как другие сообщают, Антина или Индатирса, был завлечен с войском восемью скифскими царями в пустыню и там совершенно обезоружен голодом и утомительными переходами. Поэтому он с немногими из своих вернулся из Скифии во Фракию по прошествии 60 дней и терпя нужду во всем. Между прочими, говорят, присоединились к войску Индатирса в этой войне Таксакис, предводитель скифов или массагетов, и Скопасис, начальник савроматов. Немного времени спустя Скила, царь скифов, был лишен царства и жизни братом своим Октомасадом за то, что принял греческие верования. Этот Скила, обученный греческому языку и нравам своею материю-истрианкою, повел войско на город борисфенитов, где и сам подготовил себе гибель, принимая, в противность обычаю предков, участие в вакхических празднествах в

своем великолепном дворце из белого камня, окруженном изображениями сфинксов и грифов. Он же написал полезное для здоровья наставление на своих изображениях: должно обуздывать язык, чрево и срамные части. В 3500 году от сотворения мира готовскифы изгнали из Скифии франков, или германцев, число коих было почти невероятно. В 3600 году от сотворения мира Атей или Антей, царь скифов, хорошо знающий Фракию, отправившись с Филиппом, сыном Аминты, был побежден обманным образом. Он же сам утверждал, что ему кажется более приятным резкое ржание кровного коня, нежели музыка флейтистки из Фив, так что послы, отправленные Филиппом, сообщали, что Антей в конюшне чистит, убирает и накрывает попоной лошадей и занимается этим неподобающим царям делом на глазах у всех. В это время Медампа, дочь Готилы, царя готовскифского, вышла замуж за Филиппа. В 3621 году от сотворения мира, когда Александр Великий отправился против парфян и в Гирканию, Зопирион, начальник над Понтом, и все войско его погибли от скифского оружия. Александр потом хоть и видел, но не победил их, отправившись уже за Вакховы грани. Тогда же и Фалестрис, царица амазонок, желанная гостья, явилась к нему, а он, преследуя Бесса, едва не был засыпан кавказскими снегами. Отправившись отсюда к Танаису (по мнению других, это была Волга), он построил город Александрию. Царь скифов, владения которого находились тогда по ту сторону Танаиса, послал своего брата Харкасина разрушить этот город. Здесь, когда во время сражения с небольшим отрядом врагов Александр потерял своего коня Буцефала, скифы, чрезвычайно устрашенные его угрозами, возвратили ему его. Раньше же всего этого пришли в Бактриану двенадцать скифских послов, начальник которых обратился к македонянину с изящною и убедительной речью: "В лице нас, - сказал он, - ты имеешь сторожей Азии и Европы. Если бы Танаис не отделял нас, то мы бы соприкасались с Бактрой, а по ту сторону Танаиса мы населяем землю вплоть до Фракии". Когда же Александр немного спустя возвратился в город Мараканд (нынешний Самарканд), то Бердес, посланный им к скифам, живущим выше Борисфена, вернулся с послами от этого народа, предлагающими Александру в супруги дочь их царя. Отсюда явствует, что по всей Руси и Скифии, уже в то время, слава об Александре была весьма распространена, хотя он сам поставил как бы предел себе на границе этих стран. В 3600 году от сотворения мира готы, занимающие часть Скифии, взяли в плен преемника Александра, Пердикку, побежденного царем Ситалком, но несколько времени спустя с честью отпустили его домой, вновь начали войну и опустошили всю Македонию. За Ситалком в ряде царей следовал Танабонт, а за ним Бороист, во времена которого Дикиней-философ преподавал физику и законоведение у готов и оставил потомству некое сочинение, называемое "Биллагинес", ибо он в одно и то же время был избран царем и верховным жрецом готов, каковой род сановников они называли зарабасами, тереосами, т. е. героями, а также и "носящими войлочные шапки", и к таковым, говорят, принадлежали Етеспомат, Ганала, Фридигерд, Видикул и др. Над восточными скифами в это время, кажется, владычествовал царь Скилур, который, будучи отцом восьмидесяти сыновей, в виду близкой своей кончины показал им на связанном пучке копий (которые, будучи взяты каждое порознь, так же легко ломались, насколько не было возможности переломить их, когда они были связаны вместе), что согласие есть самая прочная опора власти. В 3740 году от сотворения мира эстонцы в соединении с русскими сражались на море с Линдормом, царем готов, который, по словам Корнелия, Плинния и др., отоспал индийских купцов, попавших через Ледовитый океан в Германию, к Целеру Метеллу, наместнику обеих Галлий. В 3760 году от сотворения мира Фротон, царь Дании, покорил Дорниона и Траннона, царей куретов и русских, и подчинил себе русские города Ротолу и Палтиссу. В 3775 году от сотворения мира Персей, царь македонский, призвал бастарнов, дабы истребить дарданов. В 3888 году от сотворения мира скифы с самого Борисфена помогали Митридату, царю понтийскому, против римлян, ибо Аппиан говорит, что царские скифы, язиги, кораллы, фракийцы, а также и все потомки Пелопса, живущие по Танаису, Истру и Меотидскому озеру, были дружны с ним и его союзниками; к ним Страбон прибавляет еще именно мосхов и кирkitов, или черкесов. Из тех же скифов, которые сражались против вождей митридатовых, более всего прославились роксоланы, которым другой скифский царь, Палак, послал помочь под начальством Тазия, хотя в конце концов Митридат, убив из них 50000, победил их через своего посланного, Диофонта. Фарнаку же, сыну Митридата, в 3917

году от сотворения мира подал помощь Спадин, царь аорсов, живущих у Танаиса, коему современником был Абеан, царек ситаков и бродячих скифов. Около этого же времени и Асандер, царь этих народов, укрепил Херсонесский перешеек у Меотидского озера стеною в 360 стадий.

Глава 5. О войнах и царях русских от Р. Х. до времен царицы Ольги

Между тем готы, проникая постепенно в Грецию из Скифии, приготовили вместе с тем как бы путь и прочим скифским народам. Ибо последние, тревожимые до сей поры различными внутренними междуусобицами, стали вдруг, как бы с некоего рокового согласия, высыпать бесчисленные вереницы войск против римлян и греков. В первые годы по рождении Спасителя рода человеческого, при императоре Августе, далматы с сарматами и бастарнами (против коих успешно воевал Красс) безбожно терзали Римскую империю, хотя, по словам Флора, скоро затем скифы и сарматы, а равно и геты и индийцы, живущие на самом юге, отправили послов к Августу, прося о дружбе. По свидетельству Светония, Август Цезарь просватал дочь свою Юлию за Коммозита, царя гетов, а сам, в свою очередь, просил у него руки его дочери; вследствие этого союза готы отступили из области Транссистрана во Фракию на 50 миллиариев. Тем временем Фротон Третий, царь Дании, одержал победу над западными руссами и гуннами. По словам Саксона, уже в первый день битвы русские были наполнены трупами так, что по ним можно было удобно пройти, как по мосту. Бой продолжался семь дней, и во время его было убито сто семьдесят мелких царьков гуннских или союзных с ними. Посему Фридлев, сын этого Фротона, некоторое время властвовал над русскими. Между тем на Русь напал кулачный боец Старкатель и, победив царя Флока, отнял у него много сокровищ. В 72 году по Р. Х., в то время как роксоланы при Веспасиане опустошали Мизию, Гервиг, царь западных руссов, был разбит в страшно кровопролитной битве Филмером из Швеции с помощью самогитов, ульмеругов и куретов. Дело в том, что готы, по совету героя Старкатера надев деревянные сандалии, обезопасили себя совершенно от тех колючек, которые были разбросаны русскими, а Старкатель победил Визинна, кулачного бойца русских в единоборстве. Но по смерти Филмера Гервиг, в свою очередь, свергнул сына его Нордиана и подчинил себе при этом большую часть Швеции, откуда, впрочем, немного времени спустя Гервиг Младший был снова изгнан. В 85 году Гапт или Дорпаней, по прозванию Анз или Полубог, царь готов, принудил императора Домициана платить ему дань и умертвил его послы Фуска со всем легионом. В 119 году император Адриан, предприняв поход на Мизию против роксоланов и сарматов, одержал над ними верх благодаря коннице из батавов, которую он имел при себе и которая их весьма устрашала. В 179 году они снова восстали, и император Марк Аврелий также успешно победил их. В 242 году готы и сарматы, живущие между Танаисом, Евксинским Понтом и Данубием, стали тревожить окраины империи и тем принудили императора Гордиана платить им ежегодную дань. Когда же император Филипп, более храбрый, отказал им в ней, то они в 248 году вторглись в Мизию и Паннонию; особенно славился тогда царь скифов Аргунт. В 254 году, после того как в болоте погиб сражавшийся против готов и скифов император Деций, римский народ, дабы заключить мир, обязался уплатить врагам двести тысяч драхм. Тем не менее они подвергли Фракию, Дарданию и Македонию жестокому опустошению, между тем как западные руссы вели упорную войну с Аттилою Третьим, королем шведским. Мало того: отсюда готы нанесли страшное поражение и всяческий урон Понту и Азии, расхитили сокровища храма Дианы Ефесской, обратили его в пепел и вернулись домой с богатейшей добычей. В 269 году при императоре Клавдии они, проходя мимо Византии, разграбили Халкедонию, Никомидию, Никулю и другие города. Тогда именно - говорит Свида - у реки Тира собралось до 320 тысяч скифов, к коим присоединились герулы, певчесты и готы; с 900 кораблями они явились в Понте и сперва тщетно пытались взять города Томень и Марционополис, попав же в тесный пролив Пропонтиды, корабли их разбились о скалы, и б 243льшая часть их погибла. Остальные же, доплыv до Кизика и обогнув гору Афон на исправленных судах, тщетно осадили Кассандрию и Фессалонику. Отсюда они спустились в Средиземное море, все порассеялись и различным образом погибли. Уцелевшие же

примкнули к римлянам и обратились к земледелию. В 379 году Ерманарик, царь готов, победивший герулов и славинов, будучи уже стариоком 110 лет, был убит ударами кинжала в бок двумя братьями Саром и Аммием из гуннского рода Россоманов, мстящими ему за сестру. Ибо Ерманарик, покоривший, как передает история Швеции, себе скифов, герулов, около Меотидского озера, венетов, вандалов и эстонцев, незадолго до сего приказал растерзать лошадьми Суниель, женщину благородного происхождения, но развратную, муж которой тайно перешел на сторону гуннов. В 280 году император Проб победил в битве сперва сарматов, бастарнов и других варваров, вторгшихся в Иллирию, а вскоре после сего переселил 100 000 из них на римскую землю. В 319 году Константин Великий, разбив царя сарматов Равзимода, заключил мир с врагом с тем условием, чтобы 40 000 сарматов воевали бы за императора каждый раз, когда в этом будет нужда. Вследствие сего они, нуждаясь дома в воинах, так как скифы угрожали им войною, вооружили своих рабов, которые потом обратили оружие на них самих (что, говорят, у этого народа производилось неоднократно) и присвоили себе даже в отсутствие своих господ их жен и дочерей. Когда герои возвращались домой, то они их не пустили туда, и те, прогнанные дубинами, обратились в количестве 300000 человек к Константину Великому, который и расселил их по Скифии, Фракии, Македонии и Италии. Здесь, кажется, будет уместно привести рассказ из новгородских летописей, излагающий событие, совершенно схожее с этим, ибо - говорит летопись - в то время в Угличе, одном из княжеств России, часть рабов возмутилась, и немедленно выстроился город Хлопий-град, т. е. город рабов, существующий и поныне. В 341 году Дагер Второй, король шведский, также покорил руссов, убив Ретона, их морского разбойника, а также и данов; когда же первые снова восстали, то Аларих и Ингемар, наследники Дагера, снова подчинили их себе. В 369 году император Валент купил за деньги мир у Атанаира, царя остроготов, после трехлетней войны. В 376 году гунны, живущие по ту сторону Меотидского озера, напали на аланов, заселивших пустые места у скифов, но, будучи ими отброшены, проникли через Истр в те области, откуда бежали готы. Тогда Винитарий, царь готов, прозванный скифами Аланом, т.е. собакою, был побежден Валамиром, царем гуннов, и убит им же. Император же Валент, сторонник учения Ария, как предсказал ему св. Исаакий, был осажден в Константинополе теми готовами, коим он разрешил поселиться во Фракии, и заживо сожжен в сельской хижине, в которой он заперся. Силы гуннов между тем все росли, и в 395 году часть их впервые двинулась чрез Кавказские ворота от Танаиса и Меотидского озера в Армению, другая же часть с каждым днем все шире и шире захватывала часть Европы, меж тем как готы, которые до тех пор занимали большую часть России, аланы, гунны и гепиды вели кровопролитнейшие войны между собою. В этих и других войнах многим из московских племен неизбежно пришлось также участвовать, между тем как весь скифо-сарматский север управлялся бесчисленными мелкими царьками, как это всем, конечно, известно. В 409 году, когда гунны овладели большую частью московских областей, Гульдин и Сар, предводители гуннов и гепидов, просили помочь у римлян против Радагайса, самого жестокого из всех готов. В 437 году подчинил себе руссов в незначительной и некровопролитной битве Ингемар Второй, король Швеции, вождь, пользующийся громадною славою безупречности, так что даже враги бывали рады попасть под его власть. В 451 году после поражения Аттилы на Каталаунской равнине (против него тогда сражались вожди: Сангибан - аланов, Валамир - остроготов и Ардариц - гепидов, вместе с римлянами) северные племена, как бы совершенно сбросив с себя всякие оковы и цепи, снова стали захватывать прежние свои владения. В 460 году, по смерти Аттилы, Дуридий, предводитель гуннов, разбитый остроготами Валамиром и Феодемиром, бежал в Скифию с остатками гуннов. Так как в 489 году большая часть народов уже освободилась от страха перед гуннами, то, равным образом, и гепиды, булгары и те из остроготов, которые двинулись из Месии к землям Италии, мало-помалу сбросили с себя это иго. В 499 году булгары из северных стран, племя раньше неизвестное, проникли вплоть до Фракии, но умилостивленные дарами императора Анастасия, немного отступили, имея в виду снова вернуться впоследствии. В 522 году, пока гунны владычествовали над Херсонисом, славяне, также скифское племя, напали на Истрию, булгары же в 539 году - на Месию. В это же самое время братья Лех и Чех, отделившись от славян, с двумя дружинами, ради занятия новых земель, положили, как говорят, основание

двум знаменитым королевствам - Польскому и Чешскому, которые до тех пор были густо заселены вандалами, ведущими свое начало от германцев. В 552 году руссы вспоминают в своих летописях, что они выступили против императора Юстиниана в качестве союзников царя Тотилы вместе с соседями - готами из Скандинавии, что подтверждает и Димитрий, посол московский к папе Клименту VII, прибавляя, что готы и скифы тогда жестоко обращались с своими врагами, истязая их таким образом, что прогоняли сквозь растянутое тело их колья, пока наконец Нарзес в последнем и кровопролитнейшем сражении, где особенно храбро вели себя лангобарды, не победил Тотилу. В 582 году, между тем как Хаган, царь аваров, вместе с славянами сильно тревожил Фракию, значительная часть руссов сделалась данниками Алгота Второго, короля шведского, победившего их вождя Ротера. Этот же Алгот присоединил к своему владению и меннингов, или живущих на севере сатиров или пигмеев, т. е. лапландцев. В 608 году Артус, король шведский, встревожил мосхов тяжелой войной. В 679 году булгары снова тронулись на запад из северных прибрежий Евксинского Понта и, пройдя с победоносным оружием в руках громадное пространство, заставили императора Константина заключить против желания мир с уплатою дани, причем император отдал им для поселения Малую Месию, где ныне находятся Сербия и Болгария. В 685 году Бюргер, король Швеции, выстроил Выборг, сильное укрепление против руссов, и отнял у них Карелию с частью Финляндии (называемую финнами Веная, т. е. как бы страна венедов). В 703 году булгары, поселившиеся в Месии, подкрепленные новыми силами из московской родины, вывезли снова богатую добычу из Фракии. В 728 году, при греческом императоре Льве Исаакии, впервые упоминаются в русских преимущественно источниках, конечно, насколько сами русские смогли припомнить столь отдаленные, дошедшие до них сведения, первые князья русские, три брата Кий, Щек и Хорев с сестрою Лебедью. Из них Кий либо впервые основал, либо устроил Киев, Щек - Щековицу, Хорев - Хоревицу, впоследствии прозванную Вышеградом, и, наконец, Лебедь, на одноименной с нею реке Лебеде, - город Лыбедь, каждый совершенно самостоятельно. В те времена руссы держали вождей прочих мелких народов у себя в подчинении. По имени Хорева, без сомнения, на древнем вандальском языке, и поныне еще употребляемом крестьянами у нас в Курляндии, мосхи и до сей поры зовутся кревингами, а Россия - Креваземьем. Засим в 744 году полчища гуннов снова вторглись в Паннонию на пастбища римлян, причем нельзя отрицать того, что с ними вместе пришло немало людей из областей, ныне подчиненных Московии, так как под иго гуннов раньше подпали многие русские племена. В 810 году император греческий Михаил Куропалат вел с переменным успехом войну с болгарами, поддерживаемыми русскими. Те же русские помогали Крунну, царю болгарскому, при взятии им богатейшего города Мезембрии, когда он нанес императору страшное поражение. В 840 году Витзерк, сын датского короля Регнера и вместе с тем царь Востока, т. е. Руси, отвоевал многое у шведов, был под конец сожжен Даксоном, другим князем русским. В это же время Инго, король шведский, отеснил русских, ищущих новых земель на севере. Остальные же русские у озера Ильменя просили совета относительно выбора вождя у Гостомысла, который тогда уже сильно возвысил свою родину, город Новгород, давно прославившийся могуществом и судопроизводством. Не имея потомства мужского пола, последний, обладая необыкновенным умом и благородством души, посоветовал русским избрать себе князей из чужестранцев. Таким образом, были через посланных от народа призваны приблизительно в 860 году для управления западной Русью братья Рюрик, Синиеv или Синав и Трувор, родом варяги, т.е. князья вандальские или венетские из области Вария, коих Гостомысл знал за соединяющих в себе мудрость с ловким обращением; в южной Руси же владычествовали в это время Аскольд и Дир. При этом Рюрик, положивший в России начало царскому роду, называемому Беальным или, вернее, Биальным, взял в свое управление Новгород и основал свою царскую столицу на Ладожском озере; Синиеv или Синав основал город на острове в озере Белоцеркве; Трувор, взяв себе Псков, сел в Изборске. Братья, как говорят, вели свой род от римских императоров. В то же время, по словам Цедрена, восточные руссы от самых Таврических гор осадили Константинополь на бесчисленных кораблях, большая часть коих была, однако, уничтожена бурями. Немного же спустя, вероятно в 867 году, император Василий Македонянин отправил архиепископа для обращения русских в христианскую веру, но эта попытка не имела успеха. По смерти же

братьев Рюрик распределил перед собственною кончиною все области между своими военачальниками, однако так, что предоставил главную власть все-таки сыну своему Игорю.

Глава 6. Об Игоре, Ольге, Святославе и Владимире Великом

Игорь Рюрикович сосредоточил в своих руках власть, до сего разделенную меж многими, именно: по совету Олега, опекуна своего, и благодаря его стараниям, он призвал Аскольда и Дира, князей южной Руси, из Киева, как будто бы для мирного совещания, злокозненно умертвил их и завладел городом и дворцом царским. Чтобы еще лучше закрепить за собою власть, он в 904 году взял себе в супруги Ольгу, внучку Гостомысла, благороднейший отпрыск благородного корня. В 941 году он, совершив много других славных дел, соединившись с некоторыми скифскими царьками, сильно встревожил Константинополь большим флотом, откуда направил оружие на Гераклею и даже на Никомидию, после того как Роман, император восточный, у Византии уничтожил его корабли метанием в них греческого огня. Но, обложив древлян, народ, платящий ему дани, чрезмерно тяжелыми сборами, он был предательски убит их князем Малом, оставив малолетнего сына Святослава на попечении Ольги, благоразумнейшей из матерей.

Ольга, пока подрастал сын, отдавалась всецело с великим рвением делу не только утверждения власти, но и увеличению ее как можно более. Так она в начале своего вдовства, намереваясь, вполне справедливо, отметить древлянам и принести успокоительную жертву душе мужа, приказала зарыть живыми в землю послов, отправленных к ней, когда Мал посватался к ней, и, хитро скрывая свои планы, отвечала через послов, что она исполнит желание князя, но с тем условием, чтобы к ней были присланы от них самые знатные люди, с которыми она и переговорит. Когда же пришло 50 человек, самых знатных, то она, пригласив их под лицо гостеприимства и согласно с обычаями своего народа в баню, сожгла их там всех до одного.

Одновременно с этим она обещала прибыть скоро вместе с послами и потребовала, чтобы к ее приезду подготовили как можно больше меду. Но когда она с отрядом избраннейших воинов своих прибыла в область древлян, то она перебила вышедших к ней навстречу с медом и другими дарами 5000 знатнейших мужей, напоив их пьяными (своим же она перед этим запретила пить что-либо). Затем она объявила, что намерена уйти от города их Коростеня, все это время ею осаждаемого, и потребовала, чтоб каждый житель принес ей три голубя и столько же воробьев, как бы в вознаграждение за отступление. Получив птиц, она привязала к их перьям зажженные светильни с напитанным серою сухим древесным трутом; когда птицам была дана свобода лететь, то они направились каждая к своему гнезду, и во всем городе единовременно вспыхнули бесчисленные пожары. В это самое время Ольга напала на Коростень, объятый пламенем и дымом, и легко овладела им, ибо немногие были готовы оказать сопротивление. Как в этом, так и во многом другом она выказалась вполне свой проницательный ум, легче, нежели парус, приоравливающийся [к обстоятельствам]. В 958 году она, отправившись с богатыми дарами в Константинополь к императору Константину, сыну Льва, возбудила благороднейшую страсть к себе в Иоанне Цимисхии, бывшем тогда главным начальником войска, и, дабы не показаться доблестному влюбленному чересчур жестокою, она упросила его сперва, согласно собственной доброй воле, посвятить ее в тайны христианской веры. Когда же Иоанн по крещении ее, в котором она приняла святое имя Елены, потребовал себе награды за свои труды, то она, ссылаясь на духовное родство (ибо он был ее крестным отцом), остроумнейшим отказом отклонила от себя цепи супружества, так что сам Цимисхий вынужден был сказать:

“Я опускаю руки, побежденные достохвальной хитростью твою”. Эта же героиня немного времени спустя отправила послов к императору Оттону Великому, прося прислать епископов для наставления в вере дикого своего народа, кои через несколько лет и прибыли в Россию. После долгих, но тщетных стараний утвердить христианскую веру в своем отечестве и, особенно, обратить в нее сына своего Святослава, Ольга, предсказав свою кончину, умерла в

Киеве и была там погребена; в следующем же веке, при Владимире, она была причислена к лику святых.

Святослав Игоревич, отправившись в 971 году против греков, очутился в столь худом положении, что был вынужден заключить против желания мир. Ибо русские, все чаще и чаще делавшие еще до того набеги, опять явились в Болгарию с войском в 380000 чел., намереваясь там прочно основаться, но, по крайней мере, как свидетельствует о том Цедрен, были силою оружия побеждены при Иоанне Цимисхие, тогда уже императоре, Вардою, стоящим во главе войск, и почти вытеснены из пределов Болгарии. Впрочем, им была уступлена область, некогда населенная трибаллами, и мир заключен на следующих условиях: Святославу предоставлялось возвратиться домой в совершенной невредимости, а тавроскифам беспрепятственно торговать с римлянами, - наконец, чтобы они были приняты в число союзников римлян. В этой войне в высшей степени блестяще проявилась храбрость Варды, военачальника греков: он рассек мечом надвое некоего скифа, великана, и тем внушил прочим немалый страх. Когда император Иоанн под городом Доростолом звал Святослава на поединок, то тот, не надеясь на сомнительный необеспеченный славный исход, отвечал, что он лучше врага своего знает, сколько ему надо прожить и его воинам. По окончании войны император с торжеством возвратился в Константинополь и в торжественном шествии провез через весь город образ Пресвятой Девы, поставленный на колесницах, запряженных четырьмя лошадьми и наполненных добычею, отнятой у болгар, с следующей надписью золотыми коваными буквами: "Иисус Христос, Царь Царей". Святослав после сего перенес свою столицу из Киева в Переяславль, говоря: "Пусть будет мое местопребывание посреди моих владений, ибо из Греции мне сюда привозится золото, серебро, вина и разные плоды; из Венгрии (Угрии) - серебро и кони; из России - кожи, воск, мед и рабы". Отняв все-таки у болгар по Дунаю 80 крепостей, он снова, в лице сына своего Владимира, храбро сразился с греческим императором. Около 978 года он разбил печенегов, варварское племя, и в настоящее время тревожащее Киев набегами. Кажется, они назывались так от острова Певка на реке Истре, ибо в то время они жили там и близ устьев Дуная. Но в другой раз, взяв Святослава в сражении в плен, Куря, князь печенежский и боссинский, предал его смерти и сделал себе из его черепа чашу (что точно так же сделал Крунн, царь болгар, с головою императора Никифора) с следующей надписью: "Ища чужого, потерял свое собственное". Таким образом, храбрый князь и по смерти как бы советовал врагу умеренность, ибо дал ему костяную чашу, вместо золотой. Нет сомнения, что Святослав отличался сильной любовью к крайне суровому образу жизни, так как он, весьма сведущий в военном искусстве, очень благоразумно усилил как бы стальными законами у себя военную дисциплину, благодаря которой поддерживалось и всегда будет поддерживаться благосостояние народов. Так, он лишил воинов котлов для варки пищи, постелей и мягких подстилок, как способствующих изнеженности. Мало того, он сам как-то из драгоценнейших даров греческого императора выбрал себе лишь грубую одежду и оружие. Свое царство он разделил между сыновьями на три части так, что Ярополку достался Киев, Олегу - древляне и Переяславль, Владимиру же - Новгород.

Владимир Святославович, уступая сначала могуществу Ярополка (убившего брата Олега), бежал к варяжским князьям. Приобретенный ими и поддерживаемый их силами, он двинулся против Ярополка, причем, взяв приступом город Псков, насиливо скорее потащил, нежели взял себе в жены Рохмиду, дочь псковского воеводы Рогволода, в руке которой ему было отказано. После сего он убил брата, бежавшего из Киева по изменническому совету некоего Блуда и уже отдавшегося во власть его, дабы царствовать одному. Вследствие сего он первый стал именовать себя царем, т. е. полновластным правителем и господином всей Руси, и передал этот титул потомству. Презрев Киев и Переяславль, он нарек столицею государства новый город Владимир, им выстроенный. Будучи язычником, говорят, имел четырех жен и 300 наложниц. Возобновившуюся в это время войну с печенегами некий малорослый московит счастливо окончил, сойдясь с печенегом громадного роста в единоборстве, получив предварительно и благоприятное предвещание по гаданию. А именно,

он перерезал ножом горло печенегу, когда тот вследствие собственной тяжести упал на землю, размахнувшись для удара по врагу. Тем временем искорки христианской веры, которые со времени Ольги таились под пеплом, стали местами вспыхивать, и не знаю, кто вдруг возбудил во Владимире такое рвение, что он разоспал почти по всему земному шару послов, помышляя о выборе себе новой веры. Между тем как в столь важном деле усердно, через своих послов, напереврив предлагали свои услуги в разных местах многие цари - магометане, татары, христиане и особенно римский первосвященник и кесарь, успешнее всех оказались хлопоты греческого императора Василия. Он именно послал к Владимиру знаменитого у греков философа и богослова Кира, который в настоящее время почитается у русских святым, и Кир, объясняя царю изображение Страшного Суда, поставленное пред глазами его, возбудил в душе его неусыпную тревогу. Вторгшись меж тем в Таврику, где и поныне еще видны следы прежних властителей ее, генуэзцев, Владимир чрез семь лет с помощью Анастасия, архиепископа корсунского, овладел ею и вскоре пожелал вступить в брак с Анною, сестрою императоров Василия II и Константина X. А так как он не мог иначе достигнуть желанной цели, то он и принял христианство, причем тот же Анастасий крестил его в 980 году от Рождества Спасителя, и он принял новое имя - Василия. Город Корсунь и другие, которые он захватил в Греции, он возвратил императору, как то было раньше условлено с обеих сторон. Рассказывают, что когда он перед самым крещением, уже по прибытии царевны Анны, стал колебаться, то лишился зрения, но вскоре, по настоянию Анны обмывшись освященной водой, одновременно прозрел телесно и душевно. При возвращении домой он захватил с собой Анастасия, Льва и других греческих священнослужителей, монахов, музыкантов, разного рода ремесленников, книги и славянские письмена. Дома он всех языческих богов, или идолов, предал огню на истребление, главного же бога Перуна, т. е. громовержца, он приказал, привязав к хвосту лошади, стащить чрез весь Новгород в реку; русские же, будучи еще язычниками, провожали его со слезами - столь непреодолимо, почти, суеверие людских умов! Засим остальные подданные по приказанию и даже под влиянием угроз царя собирались все в назначенный день, и тут, как рассказывают некоторые, Лев, первый митрополит киевский, явил чудо, так как варвары требовали такового, ввергнув для доказательства истинности христианского учения в пылающий огонь писания святых евангелистов и вынув их оттуда нисколько не поврежденными. В это же самое время священники, стоя на скамьях и мостиках, построенных в реке Борисфене, совершили таинство крещения над толпящимся в беспорядке кругом их народом, причем одну кучку людей называли Петрами, другую - Васильями, третью - еще каким-либо именем. В 985 году Владимир, воюя с Мечиславом I, королем польским, тоже христианином, отнял у него много областей и, наконец, в большой битве одержал верх над врагом. Близясь к смерти и намереваясь привести дела государства в порядок, дабы оставить все в мирном состоянии взрослым сыновьям, он чисто по-отечески счел нужным разделить между ними царство. Таким образом в славное отеческое наследство достались: Вышеславу - Новгород, Изяславу - Полоцк, Святополку - Туров, Ярославу - Ростов (впрочем, последний по смерти брата Вышеслава правил Новгородом, передав Ростов Всеволоду), Святославу - Муром, Мечиславу - древляне, Борису - Владимир, Глебу - Тмутаракань, Станиславу - Смоленск, Позвизду - Псков, Судиславу с несколькими младшими братьями - Волынь, Киев, Берестов. Но как всегда бывало, что именно равно одаренные начинали воевать между собою, так и эти братья стали вести кровопролитнейшие войны друг против друга, и не только сами, но и их потомки. Владимир же, покончив со всем земным в 1005 году, был впоследствии также причислен своими к лицу святых.

Глава 7. О Святополке, Ярославе, Изяславе, Святославе, Михаиле, Всеволоде

Святополк Владимиевич, убив братьев Бориса и Глеба и захватив их уделы, сел княжить в Киеве, но не долго наслаждался этим счастьем. Около этого же времени некий русский Хризохир, по свидетельству Цедрена, подошел со многими тысячами своих к Константинополю и, переплыв Пропонтиду, разбил римский флот, но потом был побежден у Лемноса и понес достойное за свою дерзость наказание.

Ярослав Владимирович, отличаясь пред прочими доблестью и правя один уделами, военной силой отнятыми у Святополка, первый стал называться монархом, т. е. единодержавцем. С Болеславом Храбрым, т.е. отважным, королем польским, он в 1018 году испытал непостоянство военных успехов. В 1026 году он, выступив против Константина, императора Востока, победил в единоборстве Редедю, вождя корсунян, хотя раньше сего был со всем своим флотом разбит императором, метавшим в него огонь. Тогда именно, говорят, и печенеги, соединившись с другими, совершили набег на Болгарию. В этот же промежуток времени прибыл в Россию и св. Олаф, король норвежский, своими же с престола сверженный (сестра коего Ингрида, дочь короля шведского Олафа, была замужем за Ярославом), и пытался русскими силами вернуть себе отцовский скипетр, но был убит своими в самом начале сей попытки. В 1032 году вышеупомянутое русское племя, печенеги, снова опустошили Месию и все побережье Иллирии пожарами до самой Корциры. Тем временем Казимир I, король польский, сочетался браком с Марией Доброгневной, сестрой Ярослава, принявшей впоследствии католичество. В 1041 году Ярослав наш разделил все царство между пятью оставшимися в живых сыновьями таким образом, что Изяславу достался Киев, снова ставший столицею государства, Святославу - Чернигов, Всеволоду - Переяславль, Игорю, т. е. Григорию, - Смоленск и Владимир, Вячеславу - Псков и Новгород. Снова между братьями в течение нескольких лет происходила ожесточенная борьба с переменным успехом из-за главенства, пока, наконец, Владимир, сын Всеволода, по смерти всех остальных не присвоил себе всей власти.

Изяслав Ярославич сильно теснил в многочисленных боях братьев, а равно и половцев и казаков (когда они восстали, то он одних лишил зрения, других - жизни) и, наконец, сам пал в битве жертвой войны, выдав ранее сего дочь Вячеславу за Болеслава II, короля польского. Половцы были народ, граничащий с русскими на востоке и юге, и неоднократно, перейдя Танаис, наносили большой ущерб москам; они же доставляли русским знатным людям удобные случаи для восстания против их князей. Когда Святослав Ярославович, заняв город Киев, захватил высшую власть себе, то Михаил Святополк Изяславич последовал за двоюродным братом в очереди правления. Он выдал свою дочь Зоиславу замуж за польского короля Болеслава Кривоустого, с помощью которого, наконец, овладел опять Киевом, так как сын Изяслава, брата его, по возрасту своему не мог еще царствовать.

Всеволод Владимирович по смерти брата Вячеслава, будучи сильнее прочих князей, захватил власть над государством, причем правил им так, что вместе с сыном Владимиром временами то властвовал над всеми княжествами вместе, то над отдельными из них, состоя все-таки данником Болеслава, короля польского.

Глава 8. О Владимире, Мстиславе, Ярополке и других до Романа

Владимир Всеволодович, по прозванию Мономах, при жизни отца еще начал распространять о себе славу доблестными деяниями, присоединил к Смоленску, Киеву и другим областям Владимир, изгнав оттуда своего дядю, и вел войну с Гейзой II, королем венгров, и его братьями Владиславом и Стефаном. В 1043 году он за убийство неизвестно какого-то знатного скифа отправил громадное войско против императора Константина Мономаха, но, будучи отбит на море и на суше, причинил своему народу весьма большие убытки на долгое время. В 1048 году при том же Константине ему подчинились печенеги, которые хотя и приняли христианство, однако вскоре вследствие взаимного недоверия покинули места, где они жили с разрешения императора, и вернулись снова в Московию, откуда неоднократно тревожили Византийскую империю разного рода набегами, пока в 1053 году не предпочли сему мирный договор на 300 лет. В это время, говорят, Владимир завоевал Каффу, или Феодосию, знаменитую венецианскую колонию, и, свалив в единоборстве с коня Германна, правителя сего города, снял с него тяжелую золотую цепь, унизанную жемчугом и драгоценными камнями. Впоследствии он завещал на вечные времена, чтобы эту цепь, знатное доказательство его храбрости, русские цари при вступлении на царство торжественно бы надевали на себя, и присоединил к ней еще пояс и венец, унизанный

золотыми бляхами, жемчугом и драгоценными камнями; все это хранится в Москве и в настоящее время. Когда же он снова стал угрожать Константину войною, то император отправил к нему послами Неофита, митрополита эфесского, с двумя другими епископами, а также и наместника антиохийского и иерусалимского архимандрита Евстафия с драгоценнейшими дарами, а именно, частицею от Креста Господня, золотою короною, чашею из камня сардоникса, оплечьем, украшенным множеством драгоценных камней, и золотым ожерельем, причем, заключив мирный договор, преподнес ему титул царя, т. е. самодержца. В 1065 году скифы узы вздумали было с 600000 войском потревожить Фракию и Грецию, но были уничтожены частью чумою, частью же силами болгар, русских, а также и печенегов. В 1075 году Димитрий, некий русский князь из прочих, принял римскую веру. В 1097 году Коломанн, король венгерский, объявил русским войну, но был побежден Митсадемом, предводителем гуннов. Тогда же, кажется, и Владимир вторично отобрал Владимир у дяди своего Святополка, когда тот с помощью Коломанна вторгся туда и избил там более 12 князей половецких с бесчисленными их воинами. Долгое время испытывал он изменчивость счастья в войне и с Инго, королем шведским. У этого Владимира, рассказывают русские, был конь, ведший свой род через длинный ряд поколений от Александрова Буцефала, который обыкновенно двигался, опустив голову и развесив уши, когда же чувствовал, что на нем сидит его господин, то на глазах всех он, воспрянув духом, несся во весь опор, потрясая землю топотом своих копыт, и отважно стремился навстречу врагу. Кроме того, он, занимая почетное место в конюшне, выгонял других лошадей, кусая их и брыкаясь. Умирая, Владимир разделил царство между сыновьями Мстиславом, Ярополком и Георгием, причем, однако, одному принадлежала высшая власть над другими.

Мстислав Владимирович сел было в 1116 году в Киеве на княжение, но, похищенный вскоре после сего смертью, оставил все в наследство своему брату.

Правление Ярополка Владимира, унаследовавшего престол от брата, было омрачено необычайными кровопролитными происшествиями, так как русские князья, преследуя в душе различные цели, раздирали братоубийственными руками внутренность государства наподобие гибельного и неожиданного татарского погрома, так что власть как бы по воле слепого рока произвольно то находилась у одного из князей, то у другого, то отнималась. В 1122 году, однако, скифы, опустошившие Фракию с громадным войском, были побеждены Иоанном Комnenом. Историк Никет замечает о них, что они разделялись на несколько племен и повиновались не одному вождю, из чего явствует, что то были татары в соединении, несомненно, с некоторыми русским племенами. Засим Ярополк вместе с другими русскими князьями повел воинов против поляков, своим игом обременявших русских, но был захвачен в плен Влостовичем, польским сенатором, изгнанным королем Болеславом и просившим у Ярополка защиты и убежища, в то время когда ехал как-то по деревне с небольшим отрядом телохранителей, и отвезен живым к Болеславу. Освобожденный за громадный выкуп из плена и клятвенно обещав хранить мир, он, желая отплатить тою же монетою, ибо желание отмстить взяло верх в душе его, послал некоего венгерца или, вернее, московита, отлично знающего венгерский язык, который притворился также навлекшим на себя гнев своего государя и вследствие сего изгнанным, и получил от Болеслава для прокормления своего город Вислицу. Когда же король отправился в город Бамберг на свидание с Лотарем, императором римским, то этот венгерец, распустив слух о предстоящем нападении русских на Польшу, убедил знатнейших граждан, что Болеслав велит им как можно скорее свозить свои богатства в Вислицу, как безопасное место. А между тем он тайно известил Ярополка, который, явившись с дружиною, захватил город и громадные в нем богатства, причем произошло кровопролитнейшее избиение знатнейших поляков. Болеслав, прославившийся до сего времени 47 победами, желая отмстить за столь возмутительное дело, потерпел около 1139 года в сражении близ Галича такое поражение, что едва спасся сам при помощи одного воина на его лошади. Сколь справедливо, поистине, воздал Господь каждому за его, говоря словами Енния, гнусные торгашеские приемы при военных действиях. Ведь и Ярополк вместо награды лишил своего венгерца зрения и языка, дабы показать, что начальники любят

предательство, но ненавидят самих предателей. В это время и особенно после смерти Ярополка происходили те страшные междуусобицы меж русским князьями, о которых я выше упомянул. В 1140 году москвитяне, став немного более дружелюбными к польскому народу, помогали Владиславу II, собирающемуся вести войну с тревожащими его братьями. В 1150 году, в царствование Эриха Святого во Швеции, московиты с ливонцами занимались морским грабежом вдоль шведских берегов. Вскоре после сего они даже проникли до столичного города Упсалы, ибо Гольм в то время еще не был выстроен.

Меж тем некий Всеволод, а вскоре за ним Игорь были, правда на короткое время, царями в столичном городе Киеве. После их изгнания им обладали последовательно иные братья - Изяслав и Георгий. В 1158 году Ростислав, князь смоленский, занял это местопребывание царей. Его свергнул Изяслав Давидович, который сам вскоре после сего был прогнан Георгием, хотя по смерти Георгия он снова захватил власть в свои руки. После них прославились по России Владимир, а за ним Мстислав Изяславович, а равно и Глеб, князь Переяславский, и Роман смоленский, между тем как Ярослав и Святослав Черниговские вели упорную войну друг против друга из-за престола. В 1164 году Андроник Комnen, еще не будучи императором, бежал в Галич, город, бывший, по замечанию Никета, наместничеством русских или гиперборейских скифов, и князем коего дважды был Коломанн, сын венгерского короля Андрея Второго, погибший чрез несколько лет в походе против татар. В 1168 году при шведском царе Кануте город Сигтуна, некогда главный, разрушен огнем и мечом рутенами, корелами и другими, производящими морские грабительские набеги внутрь Швеции до самого озера Меларна. В это время, кажется, русские отвезли в Москву серебряные ворота Сигтуны. Тем временем Рюрик Мстиславич захватил Киев, занятый половцами, которых татары прогнали с их мест жительства, но вскоре, вследствие зависти других русских князей, был схвачен и заключен в монастырь, причем ему наследовал брат его Святослав. В 1200 году влахи и команы (это - слова Никета) во Фракии опустошили лучшие части сей провинции и, быть может, подошли бы со стороны суши к самым воротам главного города Византии, если бы русские, наихристианнейший христолюбивейший народ, и их князья, частью по собственному побуждению, частью же по просьбам священников, не вступились с поразительным усердием за римлян, сжалившись над христианским народом, с которым варвары дурно обращались, и возмущенные тем, что по несколько раз в год они уводили оттуда пленников и продавали их народам языческим.

Ростислав же и Владимир, сыновья Рюрика, пока жили под покровительством Романа, князя Владимирского и Галицкого, способствовали увеличению власти их покровителя, который, переселясь вместе с ними из Киева в Галич, тем самым как бы перенес на него право на название столицы. Впрочем, этот город был вскоре снова занят Коломанном. Этот Роман, сущий Нерон для России, полагая, что должно прежде всего подчинить себе крупных рыб, дабы впоследствии с большим удобством покорять лягушек, повелел умертвить знатнейших вельмож государства, говоря, что никто не может вполне безопасно вкусить меда, если не будут убиты сперва пчелы. В 1205 году он, однако, погиб сам близ города Завихоста в битве против Лешка Белого, князя польского.

Глава 9. О Владимире, Георгии, Александре, Данииле, Льве и нашествии татар

По кончине Романа государством стал править по праву наследства Владимир Рюрикович, против которого Лешко Белый вместе с тремя другими русскими князьями предпринял еще при Романе, за Коломанна, короля венгерского, чрезвычайно кровопролитную войну. До сего времени значительная часть Литвы была подчинена русским, которым литовцы, вследствие известной своей бедности, платили дань вениками, т. е. пучками из распускающейся бересклети, употребляемыми в банях, и которые заставляли литовцев, вместо лошадей или быков, таскать повозки или плуги. В это же время, после появления незадолго до сего над Танаисом и Россиею зловещей кометы, внезапно появились татары, народ до 1202 года в Европе неизвестный и находившийся до сего в рабской зависимости от других народов, и стали подчинять бесчеловечному игу большую часть русской земли. А именно, Чингиз-хан, негодуя

на рабское положение своего народа, не имеющего под игом парфян ни собственных законов, ни собственного царя, взялся, побуждаемый сновидением, за оружие и с крайних пределов Скифии быстро двинулся вперед и овладел, отчасти сам лично, отчасти же потомки его, самим царством парфян, существовавшим еще со временем Александра Великого, причем завещал своим на вечные времена вперед надменнейшее правило: не заключать мира ни с каким народом, отказывающим им в повиновении. На месте царства парфян татарский хан Влухан впоследствии основал царство Заволжское. Отсюда, как бы из некоей военной крепости, были высланы бесчисленные полчища против Европы и прежде всего против Московии. Так, в 1228 году Батый, называемый также Заинханом, внук Чингиз-хана, двинулся на север, а другие два брата его, Иосхай и Чагатай, отправились к реке Тигр и на юг; в это же время и Ердзивил, князь самогетов, отнял у русских Новгород. Первоначально татары разделялись на семь народностей: собственно татары (т.е. остатки, быть может, гуннов), тангеры, кунаты, талаиры, сонихи, монги и тибеты; впоследствии же, размножившись до бесконечности, они распространились почти по всему шару земному. И не были мосхи в состоянии завоевать Заволжского царства и освободиться вполне от татарского ига до тех пор, пока те постепенно не заняли снова Китай, откуда они исторглись, и не начали заселять часть Индии. Многие полагают, основываясь на 4-й книге Ездры, главе 13, что эти татары произошли от тех десяти колен израильских, коих увел в 330 году от сотворения мира Салманассар в равнину Арсаф, где никогда не обитал род человеческий. К сему присоединяется еще и то, что китайские летописи относят возникновение татарской династии почти к этому же самому времени, а также и то, что у некоторых из этих орд и до сей поры сохранились многие иудейские обычаи. Другие принимают измаилтян за одно с турками и гуннами (что также делает, заметил я, Никет), некоторые, наконец, считают их потомками Магога. От них ведут свое происхождение не только нынешние персидские шахи, но даже и султаны Османской империи. Это последнее мнение, кажется, следует предпочесть всем остальным. У них в глубокой древности заботы по управлению государством препоручались четырем высшим советникам: Ширму, Барну, Гаргну и Ципцану; называлось это Улан, т. е. великий царский совет. Говорят, что такой образ правления применяется в Китае и в настоящее время. По языку они родственны с турками, что явствует, например, из следующих слов, употребляемых по большей части турками с небольшим только изменением: хан - т.е. царь, султан - сын царя, бей - князь, мурза - сын князя, олбуд - человек знатного происхождения, олбоадулу - сын знатного человека, сайд - первосвященник, кси - частное лицо и т.д. Вот этими-то татарами, вторгшимися в Россию, Владимир Рюрикович, могущественнейший между прочими князьями, по бесчеловечном уничтожении войска был захвачен в плен вместе с Мстиславом Романовичем и другими князьями. Столь мало, по-видимому, имеет значения престол даже у чужих племен! В 1235 году был взят город Москва, где по убиению тамошнего князя Георгия вскоре был выбран Александр. Этих двух князей, как я заметил, впервые стали называть в историях князьями как города Москвы, так и Московского княжества. Владимира же в плена у монголов, т.е. великого хана, видели доминиканские монахи, посланные от римского папы Иннокентия IV к великому хану, и которым эти варвары обещали в течение пяти лет не нападать на христиан. Склонить их к крещению, однако, никоим образом не могли. Мало того, весьма легко их привлекли в свое нечестие магометане, убедив их, глупцов, в том, что Ейсса Рохола, т. е. Иисус, есть Дух Божий, а Магомет Россалаи, т.е. что Магомет, есть справедливость Божья. Засим, когда Владимир, убежав из плена, стал вооруженою силою вновь захватывать Киев, то Скирмунт и Тройнат, князья литовские с большим мужеством одержали верх над Балаклаем и Курдассом, посланными Батыем. В такой сумятице и горестном положении России многие выдающиеся города, Новгород, Псков, Полоцк, вследствие благоприятного положения дел, вновь расцвели в самовластные республики, избрав у себя сенат.

Тогда и Рингольт, сын Тройната, одержавший блестящую победу над русскими и татарами, стремясь к славе и расширению пределов власти, первый стал усиленно добиваться титула великого князя литовского и русского. И татары, большая часть коих уже прочно поселилась и основала столицу свою на Таврическом полуострове, отнятом у половцев готскими князьями,

стали налагать сурвое иго на россиян. Смотря по тому, какова была добрая воля сих варваров, князья московские либо получали уделы, либо заключались в темницу. Москхи до того были лишены почти всякого права суда, что не могли даже, хотя заслуженно, наказывать за уголовные преступления, а с рабским трепетом ожидали из крымского дворца молниеподобного приговора. Когда татарские послы въезжали в город, то московские князья пешком несли им навстречу кобылье молоко и овес, преклонив колена, выслушивали приказание хана и, если из чаши проливалось немного молока на гриву коня, то языком сплизывали его, наконец, должны были платить ежегодную дань в виде громадного количества денег, дорогих мехов, одежд, во что бы то ни стало. Поэтому они и ныне дерзко требуют для себя того же.

Даниил Романович, князь киевский, ревнуя славе Рингольта и не довольствуясь названием великого князя, принял латинские обряды и был первым королем русским, венчанным в 1246 году папским послом Опизо. Но призрачное сие королевское достоинство скоро кончилось при сыновьях его Льве и Романе, снова обратившихся в греческий раскол. Даниил занял Люблин, знатный польский город, и многие другие, но и сам был с переменным счастьем и успехом тревожим Миндогом, князем литовским. Не менее сурвого врага он имел и в Наримунде, другом князе литовском, который, говорят, первый придумал литовский герб - всадника, да еще к тому же с копьем. В 1259 году татары снова под предводительством Ногая и Телебуга опустошили Россию и Польшу, уводя многие тысячи христиан в вечное и крайне тяжелое рабство, хотя, наконец, понесли от Болеслава Стыдливого, знаменитейшего короля польского, такое поражение, что поляки наполнили девять громадных мешков ушами убитых врагов. Даниил же наш скончался в 1266 году.

Лев Данилович, ведший в 1280 году войну против поляков, основал в России город Леополис. В 1290 году Тургилл, опекун Биргера, короля шведского, напал на Россию с моря и с суши и отнял у них Корелию и обратил ее, до того языческую, в христианскую страну, причем воздвиг в защиту сей области крепость Выборг. В этом же веке стали впервые в Польше и России чеканить монету и притом, кажется, из кожи, по почину Венчеслава, короля сперва Венгрии и Богемии, а затем и Польши, между тем как до сего эти народы вели торговлю посредством простого обмена вещей или же на вес золота и серебра.

Глава 10. Об Иоанне Даниловиче, Иоанне Ивановиче, Дмитрии, Василии и Георгии

Иоанн Данилович по смерти бездетного брата своего Льва первый возвел Москву, около 1300 года, на степень митрополии и столицы более обширного княжества, главным образом по совету митрополита Петра, так как в этом городе был похоронен некто Алексей, прославившийся у русских своей святостью и чудесами. В 1304 году Гедимин, великий князь литовский, двинувшись с войском против русских князей, нанес им сильное поражение. Этот Иоанн был прозван русскими Калитою, т. е. собирателем подаяний, ибо постоянно носил привешенную сбоку котомку, полную щедрых подачек. Иоанн Иванович, заступивший место отца, царствовал весьма недолго, так что едва ли о его деяниях что-либо занесено в историю.

Дмитрий Иванович вместе с братом Симеоном, тверским князем, сделал довольно удачную попытку свергнуть с шеи россиян ярмо татар, которое они терпеливо несли в течение целых 150 лет. В 1350 году мосхи вели войну, довольно успешную, с Магнусом Смехом, королем шведским. Сперва они ему для вида обещали золото за мир, но потом послали железо, переделанное в стрелы. В 1359 году большая часть русских князей съехалась у Авдула, хана заволжских татар, для оказания ему почестей; Дмитрий же после сего разбил в двух битвах татарского хана Мамая, причем, говорят, в первом сражении было убито 200000 человек с каждой стороны. Тем не менее, однако, в 1377 году Москва была отнята у него на глазах другим татарским ханом, Тохтамышем. В 1381 году Дмитрий, тесня крестоносцев продолжительную осадою в Нейгаузене, ливонской крепости, в то время когда они уже готовы были сдаться ему, был так сильно ранен пущеною осажденными последнею оставшейся у

них стрелою, что должен был позорно отступить с войском. Он же, став во враждебные отношения с Ольгердом, великим князем литовским, хвастливо в виде едкой шутки говорил, что преподнесет ему пасхальные яйца, и едва, однако, не лишился княжества вследствие нападения Ольгерда. Ибо литовский князь, подойдя тайными путями к самой Москве, принудил Дмитрия просить о мире и, оставив в память сего события копье, вонзенное в ворота крепости, ушел победителем. В это же время и Казимир Великий, король польский, присоединил себе Червонную Русь, как свою область. Василий Дмитриевич, занятый разными войнами, потерял Смоленск и Киев:

эти города приблизительно в 1386 году присягнули в верности Ягайлу, великому князю литовскому. С великим же князем литовским Витовтом, на дочери которого Анастасии он был женат, он вошел в соглашение и составил заговор против Темиркутка или Темиразака, хана заволжского (которого Баязет сперва, ради посмешища, прозвал Тимурленгом или Тамерланом, т. е. хромцом). Ибо царь, или хан Темир, твердо решил в душе своей направить окровавленное оружие свое на Европу, что непременно и произошло бы, если бы он не перенес, после поражения Баязета в 1400 году, войны в самую Индию. В 1399 году Василий успешно прогнал татар из Волжской Болгарии. Когда же в 1404 году татарин Темирсак снова выступил против русских, то он в Рязани остановился, принужденный, по-видимому, к тому некою божественною силою, противодействующей ему. Ибо русские говорят, что они вымогли у Всеблаженной Девы такую задержку, перенеся ради этого самого икону Ее с большой торжественностью из Владимира в Москву, почему и теперь еще даже день 26 августа, когда это произошло, называется Сретением, т. е. встречею, - и весьма празднуется. В 1424 году в Новгороде свирепствовала столь сильная моровая язва, что в течение 6 месяцев погибло 80000 человек. До того велика была сила этого зла, что часто люди, шествующие по улицам, мгновенно умирали или, явившись до сего здоровыми на похороны других, внезапно умирали и хоронились тут же. По слухам предстоящий свадьбы Витовта, который в числе других многих княжеств России владел Псковом и Новгородом, к нему отовсюду съехались европейские государи и при этом совещались о положении христиан. В этом совещании, происходившем в г. Луцке в Волыни в 1428, приблизительно, году, участвовал, кроме Сигизмунда, императора запада, послов Палеолога, императора восточного, Ерика, короля Дании и Швеции, великих князей Бориса Тверского и Олега Рязанского, ханов Таврического полуострова и заволжских, двух магистров ордена крестоносцев в Пруссии и Ливонии, а равно и нового поборника христианства Ягайла, короля польского, - также и наш Василий. Умирая, он предоставил княжество брату Георгию, устранив сына своего Василия, который был ненавистен отцу, так как его мать Анастасия была заподозрена в прелюбодеянии. Георгий же Дмитриевич, собираясь занять престол, заключил было Василия в оковы, но после кратковременного княжения, умирая, завещал ему наследство в своей духовной, пренебрегши собственными сыновьями.

Глава 11. О Василии, Иоанне и Василии Иоанновиче

В самом начале своего княжения Василий Васильевич был схвачен своими племянниками, сыновьями Георгия, о которых он сожалел, что они, как бы выродки какие, были презлены, и ослеплен ими. Вскоре, впрочем, он по желанию татар и благодаря любви народа к нему получил обратно свое княжество и долгое время спокойно правил Московским княжеством, получив прозвание Темный, т. е. лишенный света. Об этом Василии Стефан, великий палатин Валахии, выражался так: "Он расширяет свои владения, сидя дома и почивая". При нем митрополит киевский Исидор - Киев в то время был подчинен своим особым князьям, - отправившись в сопровождении ста всадников на Флорентийский собор в качестве заместителя патриарха антиохийского, получил в 1439 году от папы Евгения IV сан кардинала, епископа сабинского, но когда он вернулся в свое отчество, то русские отобрали у него все сокровища и заключили его в темницу, ибо нисколько не желали утвердить того соединения с римской церковью, которое он было предпринял. Поэтому у московитов в их книге законов существует особая глава, называемая Собор Флорентийский. Убежав, впрочем,

из заключения, Исидор возвратился в Италию, а оттуда отправился в качестве посла от ребра апостольского в Константинополь к Константину, последнему императору, а когда этот город был взят турками в 1459 году, то он с трудом, под видом другого лица, бежал в Рим, где был посвящен Пием II в патриархи константинопольские.

Иван Васильевич, Великий и Счастливый по прозванию, вел много кровопролитных войн с Христианом и Стен-Стуром, королями шведскими. В 1450 году он женился на Марии, дочери тверского князя, а после ее смерти - на Софье, дочери греческого деспота Фомы Палеолога, из рода Багрянородных. Этот Фома, изгнанный турками, жил в Риме, где, говорят, и Софья получила приданое от римского первосвященника. Сам же Иоанн выдал сестру свою за Кудайкула, царя казанского, принявшего при крещении имя Петра. Этот же князь не задумался бы принять обряды римской церкви, лишь бы только папские послы были уступчивее в сем деле. В это время занял город Астрахань Кази, сын крымского хана, которому в 1474 году подчинились и остальные татары после того, как Магомет, султан турецкий, взял Феодосию, столицу Крымского ханства. Меж тем царица московская Софья под предлогом болезни обратилась к жене татарского хана с настойчивой просьбой, чтобы те татары, кои обитали в самом Кремле московском, добровольно ушли бы оттуда навсегда, чем отнималась у них возможность глубоко вникать в замыслы русских. Вместе с этим Иоанн придумал предлог, чтобы отказаться от дальнейшего платежа хану дани. Он выдал дочь Елену замуж за великого князя литовского Александра, ставшего вскоре польским королем, но так как литовцы с пренебрежением относились к религиозным пунктам договора, то Иоанн в кровопролитнейшем сражении разбил их и отнял у них большую часть земли и 70 укрепленных мест и крепостей. У них же он отнял в 1477 году при помощи архиепископа Феофила Новгород и увез оттуда 300 возов, тяжело нагруженных, в город Белая Церковь, сокровищницу России, лежащий на острове. Вследствие чего в 1454 году ганзейские купцы все до одного ушли из Новгорода, после того как царь из-за того, что несколько лиц из их числа неосторожно порицали его, заключил 49 заезжих немцев в темницу и вынудил у них вознаграждение более чем в 300000 червонцев в виде штрафа. Законы, впрочем, он издал весьма полезные и прежде всего строжайший закон о трезвости, впервые предоставив себе право приготовлять напитки. В 1550 году Баязет, султан турецкий, вторгнувшись в Россию, потерял более 40000 своих, погибших от холода и меча во время борьбы за Менгли-Гирея, хана перекопских татар, прогнавшего братьев Айдера и Ямурка, кои бежали в Москву. В 1502 году Вальтер Плеттенберг (благородный род коего процветает и поныне у нас среди знатных курляндцев), великий магистр ливонских крестоносцев, разбил 80000 москов, над которыми начальствовал Гавриил, сын Иоанна, и заключил мир на 50 лет. Видя приближающийся конец свой, Иоанн назначил было правителем царства сперва Димитрия, внука своего по первому браку, вскоре же затем, по совету жены, - Гавриила, собственного сына от второго брака, и, наконец, опять Димитрия, вследствие какой-то роковой нерешительности. Отошел этот достохвальный князь от жизни сей в 1504 году, после того как окружил город Москву стеной и наполнил ее несколькими каменными зданиями, для которых он вызывал в Москву на дорогих условиях Аристотеля, зодчего болонского, и других мастеров.

Василий Иванович, раньше называвшийся Гавриилом, принял власть, вступив на престол, отнятый у Дмитрия, сына брата его, в 1505 году. В 1509 году он заключил союз с Свантсоном, королем шведским. В 1514 году он занял Псков и Смоленск - города, кои столь много раз уже раньше подвергались попыткам подчинения, главным образом, благодаря содействию некоего поляка Михаила Глинского и подкупленной обещаниями страже. Неоднократно, но тщетно подступал он к Казани и Астрахани, после того как они восстали, побуждаемые к тому новым князем, присланным им из Крыма. Прожив много времени в необузданном любострастии, он, наконец, женился на Соломонии из московского рода Сабуровых, вскоре заключил ее из-за ее бесплодия в монастырь и вступил в брак с Еленою, дочерью Василья Глинского, женщиной безумно расточительной и необузданной. В 1521 году Махмет-Гирей, хан перекопский, под предводительством брата Шах-Гирея обратил в бегство Шахмета, хана заволжского, и, заняв все его царство, обложил город Москву и увел более 80000 человек в

тяжкое рабство. Василий тайком бежал в Новгород и стал снова данником татар. Но в 1523 году он торжественно через особых послов объявил войну Махмет-Гирею крымскому и его брату Шах-Гирею, царям казанским, которая благополучно кончилась вследствие неожиданного мира. Этого Василия, говорят, легко было склонить к принятию католической веры, если бы только император Максимилиан не отказал ему в титуле царя. Посол от него Дмитрий Герасимов прибыл в Рим к папе Клименту VII для заключения союза против турок вместе с Павлом Центурионом из Генуи, который раньше был ради торговых целей послан Климентом с грамотами в Москвию, который был даже в России еще при Льве X. Приблизительно около этого же времени был отправлен в Россию императором Максимилианом известный барон Герберштейн для заключения мира между поляками и мосхами. И в 1525 году этот Герберштейн, посланный от римского императора Фердинанда, прибыл к Василию вместе с послами - Иоанном Франциском от папы Климента и Леонардом Комита от Карла V, для переговоров все о том же мире. Вследствие чего немного спустя послы московские явились к Карлу V в самую Испанию. Василий меж тем послал Симеона Феодоровича Курбского в Ингрию для покорения далеко живущих народов, и этот Симеон, зайдя далеко за реку и гору Печору, исполнил это поручение к значительному увеличению Русского царства. Покорив казанцев, он содержал у себя в доме их царя Шиг-Алея, человека чудовищных размеров, которого Василий поставил им в цари, но которого они свергли. Так как все прочие князья русские были уже ему подвластны и оставался только один Василий Шемякин, то он призвал его к себе, обвиняя его в заговоре с королем польским, благосклонно принял и заключил в темницу, приказав убить как бунтовщика по совету, быть может, некоего юродивого, который ходил по городу, подметая улицы веником и говоря, что наступил час, когда должно из государства, до сей поры еще не вполне очищенного, выбросить окончательно всякий сор. Вообще это был князь характера лживого, впавший в высокомерие и приписывающий себе титулы, длинные до тошноты. Собираясь умирать, он поручил опеку над своими детьми и заботы о царстве Михаилу Глинскому, которого все время держал близ себя, как человека весьма искусного в делах военных и мирных. Елена же, жена Василия, избрав по смерти мужа, с явным бесстыдством, себе в любовники боярина Иоанна Овчину, умерла от яда, а Овчина был разрублен на части.

Глава 12. Об Иоанне Васильевиче - тиране

Иоанн Васильевич, достойный сын развратной Елены, принял бразды правления в 1540 году мальчиком двенадцати лет и, производя свой род от цезаря Августа, украсил государственный герб двуглавым орлом с распростертыми крыльями. В 1548 году он отправил послов к императору Карлу V, прося у него помочи против турок и предлагая соединение греческой церкви с латинскою, а вместе с тем и прося у императора мужей ученых и художников. И Карл был бы не прочь отвечать взаимным дружеским расположением, если бы всему этому не воспрепятствовали любекские купцы, которые в то время почти одни исключительно производили всю торговлю в Московии с громадной выгодою. Так как мне нельзя будет в дальнейшем повествовании о Иоанне не упомянуть, хотя и против воли, с омерзением, о некоторых чудовищно бесчеловечных пороках его, то я надеюсь, что это не будет вменено мне в преступление Алексеем Михайловичем, сим доблестным государем, который так не похож на него, что никакой порок не может быть в какой бы то ни было степени приписан ему, и который освещает блеском необычайных добродетелей своих яснее самого солнца мрак своей северной страны. Итак, Иоанн, этот усерднейший гонитель одинаково всего честного и бесчестного, предводитель головорезов всего рода человеческого, новый мститель, даже за чувство сожаления, правил над подвластным ему народом, который он ставил на одну доску с дикими животными, не повелевая ими, а свирепствуя над ними. Мало того: он терзал также и чужеземцев и наполнил чуть ли не всю вселенную позорною славою своего тиранства. Не постыдился же некто сказать о сем палаче и приятеле шутов, что он не поколебался бы превратиться в дьявола, так как, отринув все человеческое, он ни во что не ставил весь род людской.

Брата и тестя он без всяких на то причин безбожно лишил жизни. Собственного сына, жертву своей жестокости, он удушил, хотя вскоре с терзаемой фуриями совестью, послал, обуянный внезапным раскаянием, 77000 золотых патриархам константинопольскому и александрийскому и монахам, стерегущим Гроб Господень, дабы они молитвами и священнослужением упокоили душу убитого. Висковатова, мужа, выдающегося между прочими своим красноречием и весьма заслуженного, он велел своим слугам разрубить почленно на части; когда же дьяк, движимый состраданием, отсек Висковатому срамные части для ускорения его кончины, то он приказал ему либо съесть отрезанное, либо же идти на казнь. Итак, тот изжевал это страшное яство, хотя оно тщетно становилось ему поперек горла, и спас себе жизнь тем же средством, которым причинил другому спасительную смерть. Новгород (посаднику коего он велел вступить в брак с кобылою и которого он все-таки в конце концов умертвил вместе с священниками и 3000 других жителей), Псков, Нарву, Ливонию и иные города и области он наполнил таким количеством умерщвленных изысканными способами казни, что попытка с его стороны составить им краткий список была бы тщетною, так как их не вместили бы в себе целые обширнейшие тома. Взяв крепость Виттенштейн - пусть это будет один случай, взятый для примера, из многих - он защитников ее привязывал к копьям, жарил на медленном огне, не говоря здесь уже о другом, не поддающемся описанию, мучении жителей Ливонии.

Так как слава о его жестокости все более и более распространялась повсюду, то северяне и некоторые другие русские племена отвратили от себя гнев тирана, добровольно сдаввшись ему. Предприняv пять походов против татар и оказавшись до сего гораздо слабее их, он, наконец, с таким успехом поднял оружие, что обуздал и почти совершенно подчинил их, самых неукротимых людей, себе. В 1559 году Готард, последний магистр тевтонского ордена в Ливонии и первый князь Курляндии и Семигаллии, разбил в большом сражении московское войско и взял в плен главных их вождей. Это обстоятельство раздражило дух Иоанна, как бы остройшими жалами, на общую свирепость до того, что он, как бы в отмщение, поклялся тиранить всячески весь мир. В 1569 году турецкий султан Селим с 300 000 войском, усиленным еще перекопскими татарами, двинулся против русских до самой Астрахани. Тщетно продержав город в осаде и потеряв большую часть вспомогательных со стороны Каспийского моря войск, перебитых московами, он, наконец, голodom и несколькими поражениями, нанесенными ему кн. Серебряным, военачальником русских, поставленный в безысходное положение, постыдно бежал и скончал остатки войск, поглощенных бурею, в Меотидском озере. В 1571 году Менгли-Гирей, хан крымских татар, взяv город Москву, довел Иоанна до того, что он обещал ему верноподданство и дань и дал даже грамоты на это. Но, получив обратно от него письменные условия вынужденного подчинения чрез воеводу, т. е. наместника своего, рязанского (которому хан безрассудно вручил для рассмотрения грамоты Иоанна, когда он отказался сдать Рязань), Иоанн немедленно собрал войска, снова напал на громадные полчища варваров и разбил их. Когда же в 1572 году послы перекопских скифов потребовали от Иоанна дани, то он велел 300 из их свиты казнить топором, начальников же посольства он отоспал обезображеных, обрезав им носы, губы и уши, к таврическому царьку вместе с топором. Засим он непрерывным рядом побед подчинил себе Казань, Астрахань, пермяков, симбирцев, лапландцев, югорцев, булгар, все Заволжское царство и другие народы, частью в Европе, частью в Азии обитающие, и оставил своим потомкам обширнейшие владения, приобретенные оружием. Правда, весьма благоприятствовало ему в этом деле то обстоятельство, что многие татарские племена ушли к своим, успешно в это время воюющим на востоке, в Индии и Китае. В 1578 году шведы, воевавшие и заключившие мир с Иваном Васильевичем при королях Густаве и Ерихе, отняли при короле Иоанне Третьем у московов крепость Падису и некоторые другие места Карелии, а также и обе Нарвы. Но и с Сигизмундом Августом и Стефаном Баторием, непобедимыми королями польскими, вел Иван Васильевич крайне тяжелую войну. Стараясь кончить ее весьма желанным миром, пapa Григорий XIII послал знаменитого Поссеvина из ордена иезуитов, который в 1582 году чрезвычайно ловко умиротворил все. Перед этою-то войною, говорят, в городе Москве между прочими чудесными явлениями выпал снег с кровяными пятнами и упал

с неба мраморный надгробный камень с надписью на неведомом языке - предзнаменование несчастий и призыв к покаянию. Далеко, однако, от того, чтобы смягчить каменное сердце тирана, это скорее еще более ожесточило его, и он велел разбить зловещий камень вдребезги. Равным образом он никак не уважал, так как душа его была порабощена отвратительнейшими пороками, общего у всех народов закона о неприкосновенности послов и священного оказания гостеприимства. С герцогом Магнусом, братом от второй матери Фридриха II, короля датского, которому Иван Васильевич дал в жены Марию, дочь брата своего Георгия, и которого он называл королем Ливонии, он обошелся крайне позорно, заставив его однажды проползти на коленях две тысячи шагов и выпить меду, смешанного с собственностью его кровью. Стражу его он изрубил в куски и лишил бы жизни самого герцога, сорвав с него всякую одежду, если бы тот сам не спасся счастливым бегством. Намереваясь по заключении перемирия войти в Нарву, он сел в колесницу, на которой был устроен помост, и потребовал, чтобы его везли люди, а не лошади. Духовенству, обращающемуся к нему с мольбою о смягчении хотя бы до некоторой степени сурового нрава его, он лицемерно объявил, что отказывается от царской власти, и удалился в свой дворец или, вернее сказать, в свой монастырь, называемый Александровскою слободою, где неоднократно, облекшись вместе со своими приближенными в монашеское одеяние, совершал лицемерные церковные службы, в заключение коих обыкновенно следовало избиение нескольких заключенных. Выйдя оттуда, о чем его все коленопреклоненно умоляли, он с еще большим ожесточением стал всячески исступленно свирепствовать, придумывая, кроме прежних, еще новые способы истязания. Желая расширить город Москву, он устроил по ту сторону реки новые слободы под названием Налей, от глагола наливать, ибо желал, чтобы воины там свободно напивались допьяна. При нем англичане начали приезжать по Белому морю, и им была открыта гавань. Стоя уже почти одною ногою в могиле, сильно, но, кажется, слишком поздно, в последнюю минуту жизни, он, говорят, раскаялся, когда к крайнему ужасу присутствующих тело его уже стало разлагаться и издавать зловоние, и он к общей радости испустил дух, терзаемый фуриями и стонущий от угрозения совести, в 1584 году от Р. Х., 66 лет от роду, возвратив перед смертью свободу заключенным и освободив подданных от податей на десять лет. Телосложения он был вполне крепкого, роста высокого, глаза имел быстрые, но небольшие, нос - орлиный, лицо морщинистое и красное; высокомерный в обращении, с крепкою памятью, он никогда не смеялся, кроме как в опасности и во время своих свирепств, так что находился в наилучшем настроении духа каждый раз, как устраивал омерзительное избиение людей. Ум имел проницательный и быстрый; не знал меры одинаково ни в ненависти, ни в благосклонности, одинаково был жаден до славы, как и до богатств; гордости же был необычайной, до того, что требовал непременно выучить слона преклонять перед ним колени. В военное и мирное время предавался хвастовству и расточительности. Более всего его потешали охота и борьба пленников с дикими зверями, и он полагал, что имеет право терять время, проводя его за игральными картами или шашками. Преступною страстью был до того обуреваем, что, говорят, даже будучи уже при смерти, пытался изнасиловать [Ирину, жену сына Феодора] и постоянно пользовался чужими женами. Вид же добродетели придавало ему то, что он сам читал просьбы, выслушивал людей даже низкого состояния, строго преследовал чиновников за бездействие и жестокость, являлся по временам покровителем чужестранцев, которых допускал во дворец, предоставляя им свободу вероисповедания и богослужения, кроме иудеев, которых был непримиримым врагом. Быв женатым на семи женах, он оставил после себя только двух сыновей, а именно Федора или Феодора, который и наследовал ему, и Дмитрия, убитого Борисом Годуновым, захватившим себе царскую власть.

Глава 13. О Феодоре, Борисе, Феодоре, Василии и Лжедмитриях

Феодор, или Федор Иванович, принял бразды правления государством в тот же год, как умер его отец. К нему вскоре, вследствие его простоты и неразумия, присоединился в качестве как бы нового правителя и помощника Борис Годунов, брат царицы, после того, как был удален Богдан Бельский, воспитатель царских детей (который стремился к царской власти, но

неудачно). Годунов, приобретя темными делами любовь народа, устранил с своего пути малолетнего Дмитрия посредством неких изменников, которых, однако, предал смерти, дабы не оставить как-нибудь следов и свидетелей своего преступления. В 1593 году он отнял у шведов несколько городов и крепостей в Ливонии. В 1597 году, незадолго до своей кончины, Феодор предлагал многим князьям, окружавшим его ложе, царский скипетр, и все отказывались. Борис же Годунов, простервшись ниц, принял его, страстно желая получить, хотя и притворялся, что отказывается, а с ним и всю власть. Как я уже заметил, он постоянно притворялся не хотящим взять на себя это, но, наконец, принял по многочисленным просьбам подданных и детей, бегавших с мольбами по улицам по его же наущению, в 1597 году и стал править весьма хорошо, поклявшись предварительно в том, что он в течение пяти лет не прольет ни единой капли крови граждан. Кроме того, он решил при себе вводить в Россию науки, но ему в этом прекрасном деле помешало сопротивление духовенства. Привлекши к себе великолепными обещаниями Густава, сына шведского короля Ерика XIV, он лишил его всего царского убранства, когда тот отказался переменить веру, ради брака с дочерью Бориса, и удалил его от себя. Этот Густав, окончив впоследствии в 1607 году жизнь свою в России, был похоронен в каком-то лесу. Вследствие сего Борис, для скрепления дружбы с Христианом IV, королем датским, вызвал к себе его брата Иоанна, обещая ему точно так же женитьбу на дочери своей Аксинье. Но и тот также, прожив в Москве всего лишь шесть недель, скончался и был предан земле в Немецкой слободе без всяких похоронных торжеств. Когда же турки стали хлопотать о союзе с Борисом, то он им послал камзол из свиной кожи и шитый серебром мешок, наполненный свиным пометом, вместе с открытым объявлением вечной вражды. Англичане и голландцы снова получили от него чрез послов своих прежнее право свободной торговли. В 1601 году и в двух последующих в России господствовал такой голод, что были вынуждены употреблять в пищу человеческое мясо, хотя царь и запретил чужеземцам покупать хлеб. За голодом непосредственно последовала смертоносная чума, болезнь необычайная в северных странах, вместе с другими карами разгневанного Неба. А в 1606 году умер и сам Борис без всякой предсмертной болезни, как подозревают, от яда, принятого им самим, в самый разгар смут, возбужденных Лжедмитрием.

Феодор, или Федор Борисович, был царем только в течение двух месяцев. Губительнейшая для всей России шайка Дмитриев, дерзкая и сильная духом и людьми, подослав к нему убийц, сразу лишила его внезапно и власти и жизни, несмотря на то что подданные уже поклялись ему в верности и что уже был назначен день, когда он должен был возложить на себя царский венец и прочее священное царское одеяние. Итак, Дмитрий первый (после настоящего Дмитрия, давно уж убитого), приняв на себя звание царя и, еще при Борисе, начав заводить смуты, будучи научен некоторым русским монахом, враждебно относившимся к Борису Феодоровичу, по необычайному стечению обстоятельств стал считаться царем, что произошло главным образом благодаря стараниям и помощи киевского воеводы, у которого он был в услужении и которому он открыл вымышленное свое происхождение, будучи обижен пощечиною, полученною от своего господина. Мало того, сам король польский Сигизмунд и воевода сандомирский (на дочери коего Марии Георгиевне Дмитрий в 1606 году женился и которой он торжественно поклялся обратить русских в католическую веру) в значительной степени способствовали этому делу. В 1606 году июня 10 дня этот Дмитрий или, вернее, Гришка Отрепьев - таково было его настоящее имя, - родом из Валахии (а не из Италии, как это некоторые неосновательно полагали), обладающий прекрасною осанкою и красноречием, вошел с чрезвычайной пышностью и приветствуемый народом в Москву, разбив войско Бориса. Засим, осквернив гнусным любодеянием дочь Бориса Аксинью, заключил ее в монастырь, а мнимую мать свою возвел из ее уединения на престол и, отправив прежде сего несметные сокровища в Польшу, получил чрез послов Анну Марию, дочь сандомирского воеводы, обещанную ему в жены. Но как все ложное не бывает долговечно, то и Дмитрий, сам себя выдавая и губя, начал жить совершенно несогласно с обычаями русских, вследствие чего у его подданных явилось сильное подозрение, не чужестранец ли он, быть может. Так, он наслаждался музыкой во время обеда, вскакивал без всякой посторонней помощи на необъезженных коней, совершенно необычно занимался делами в полдень, когда

все предавались сну, весьма часто уезжал на охоту, крайне редко творил крестное знамение в ежедневных службах и ввел много других новшеств для русских. Вследствие сего князья Шуйские, главным образом, вместе с другими справедливо предприняли составить заговор против сего тирана при помощи Василия Ивановича, участника в его, Дмитрия, замыслах и раскрывшего пред ними его хитрые выдумки. Старший между Шуйскими, он подвергся, когда его замыслы были открыты, тяжелой пытке, однако оставлен в живых. Вскоре после сего он, ради освобождения отечества и отмщения за причиненное ему бесчестие, возобновил свои наветы и рано на рассвете по знаку, данному колоколом, бросился, схватив оружие, в Кремль и окончательно добил Дмитрия, которого и сама мать отказалась признать своим сыном, и уже полуживого, вследствие какого-то падения, в первый же год его царствования, и выставил тело убитого на трехдневный отвратительный показ, причем были убиты многие поляки, и только отцу Марине и царским послам было разрешено возвратиться к себе. Такова, поистине, всегда была роковая награда за нечестивые дела - кратковременное наслаждение и вечный позор. Марина Георгиевна же (Maria Gorgona), спасшаяся под юбками своей дворцовой управительницы и заключенная в монастырь, впоследствии вышла замуж за Лжедмитрия третьего, который причинил тоже немало смут, а затем - за некоего поляка Заруцкого и в конце концов умерла в наигрязнейшей тюрьме.

Итак, в этом же году Василий Иванович Шуйский, по выбору всей России приняв царскую власть, велел вырыть труп Дмитрия и скочь его вне города рукою палача, причем всенародно были объявлены его вины: что он, действительно, был беглый монах, волшебник, еретик, обманным образом захвативший себе власть. После сего Григорий Шаховский бежал с царскою печатью и, утверждая, что первый Дмитрий и поныне еще живет в Польше, снова возбудил сильные волнения. Мало того, когда этот первый обман был обнаружен, то он выдумал снова еще другого Дмитрия, которого весьма сильно поддерживали Петр Феодорович, незаконный сын Феодора Иоанновича, шатающийся между казаками, и поляки. Они измышенного третьего Дмитрия, иначе называемого Иоанном, супруга Марине, бывшего до сего школьным учителем в Польше, привели к российской границе (в то время, когда вся Московия была терзаема внутренними и внешними войнами), дабы с большим успехом, на чужую ответственность, выполнять собственные замыслы. В это время король шведский Карл IX предложил мосхам помочь против поляков, послав ради сего Петра Петрея, выдающегося, между прочим, составителя описания Русского государства. Русские же, хотя сперва и отказались в 1609 году, однако усиленно просили о ней, и Яков Делагарди пришел с войском в 5000 человек. С этим небольшим войском он овладел громадным Новгородом, когда мосхи отказались было платить обещанное жалованье, и держал его в подчинении у своего короля до тех пор, пока дело это не уладилось заключением мира. Между тем, когда Василий, ничем не успокаивая народ, волнующийся вследствие раздоров, отправился в монастырь, препоручив заботу о государстве Феодору Мстиславскому, король польский Сигизмунд занял Смоленск. Дмитрий третий же после многих поражений со стороны мосхов и осады Москвы бежал к татарам и был там изменнически убит в то время, как пировал и плясал с ними, пронзенный выстрелом из фузей. После его смерти многие присягнули и пристали к Лжедмитрию четвертому, возбудившему смуты в западной России, а вскоре после сего - к Лжедмитрию пятому, сыну Марине, из коих первый, нигде не имевший никакого успеха, умер внезапно; неизвестного происхождения, изгнанный из Пскова, он, садясь на коня, был пронзен копьем и погиб. Большинство тогда избрало русским царем Владислава, потом внезапно раскаялось в этом решении, стоявшем им много крови, когда они под предводительством патриарха Гермогена, Заруцкого и Ляпунова, излюбленных вождей народа, стали изгонять поляков из Москвы. Но если в 1610 году мосхи возбуждающим сожаление образом опустошили огнем и мечом Вильну, столицу Литвы, то и поляки также, кроме похищения громадных сокровищ, столь кровопролитно отмстили им, что в 1612 году русские решили отправить послов к императору Матвею, дабы через его посредничество поляки перестали бы тревожить нападениями Россию, не имеющую вождя. Наконец, был извлечен из убежища своего и передан Сигизмунду в качестве пленника и Василий Иванович Шуйский, который вскоре был схоронен в поле, близ Гостининского замка, но по окончании

войны его бренные останки были почтены в Варшаве памятником от государства, а немного времени спустя увезены в Москву. Другие призывали к себе Карла Филиппа, брата шведского короля Густава Адольфа, который, однако, не доверяя постоянству московов, добровольно сам отказался от посягательств на царство. Наконец, Дмитрий шестой по порядку, бывший когда-то писцом при дворе, стал было волновать Московское государство, выдавая себя за Дмитрия Шуйского, но он, в самом начале царствования Михаила Федоровича, понес достойное своему преступлению наказание, быв предан позорной казни. И вот краткий очерк истории о Дмитриях, немало, впрочем, поистине запутанной туманными противоречиями и мелкими подробностями.

Глава 14. О Михаиле Федоровиче

Михаил Федорович, из древнего рода Романовых, черкесских князей, отпрыск знатного происхождения, уже прославившийся военною доблестью, был единодушно избран править государством в 1615 или, по русскому летосчислению, в 7123 году от сотворения мира, из-под самого плаща матери, укрывшей его, из опасения, в монастыре города Костромы, главным образом стараниями Трубецкого, Пожарского и казаков, а также в значительной степени по совету некоего псковитянина, коему впоследствии признательный князь поручил должность сборщика податей. В этом муже Псков, кажется, вещим образом проявил древнюю доблесть мудрого Гостомысла, который некогда удачно посоветовал избрать варягов в русские князья. С благоразумной осторожностью избегал юный Михаил до этого всех почестей, которые на каждом шагу встречались ему повсюду в изобилии. Ибо, удалясь в отдаленные места, он не только великолепно отклонил просьбы бояр, но даже расчистил себе путь к отступлению мечом, когда казаки пытались как бы неким приятным насилием заставить его принять скипетр, причем убил многих из них. Отец сего нового царя Феодор Никитич Романов был одним из главных правителей, как их называют, государства, который, съездив удачно послом в Польшу, принял по избрании сына в великие князья имя Филарета и прославился под патриаршим клубком. Михаил прежде всего немедленно отправил послов к императору Матвею, дабы скрепить старый дружественный союз договором о новом оказании помощи. Благодаря его заботам о мире, удачно заключенном с соседями, Москва, как бы мертвава до сего, казалось, вновь ожила. Ибо, действительно, никто кроме Михаила, доблестнейшего князя и как бы нового основателя, не был бы в состоянии восстановить утомленное и почти погибающее под игом столь многих зол государство; как в частной жизни своей он держал себя в высшей степени похвально, так и, став во главе всего государства, он поддержал прежнюю добрую о себе славу. Хотя и видел он себя взнесенным превыше всех людей, тем не менее сердце его всегда питало любовь к низшим, так что он, подавляя в себе великолепно всякую гордыню, считал, что для созидания царя нужны те же элементы, какие нужны для хорошего человека вообще. Перво-наперво он всенародно предал достойной казни последнего Дмитрия, называвшегося собственно Тимошкою Анкундиновым. Этот Дмитрий в то время, как все были на стороне Михаила, убежал, не находя себе никакого дела в России, сперва в Польшу, затем в скором времени в Константинополь, где принял даже обрезание, как оно производится у турок, отсюда - в Рим, где сделался католиком, и, наконец, - в Виттенберг, где стал лютеранином. Выданный, наконец, голштинским герцогом московскому послу и привезенный в Москву, он былбит кнутом, удавлен веревкою, а труп разрублен на пять частей после того, как его продержали несколько времени закованым в цепях на воротах царского дворца, как бы на позорном некоем седалище, напоказ всем. Польские войска Михаил мужественно отразил; так как до сего русские колебались в своем выборе, то они, будучи высланы вперед Владиславом, уже обложили город и ждали прибытия короля. Михаил же, освободив сперва город, вытеснил их также и из Кремля и, наконец, совсем из России, заключив, впрочем, с ними договор. Говорят, поляки тогда разграбили всю казну московского царя и захватили с собою царскую корону, как говорит некто, что, кажется, не совсем похоже на истину, так как полякам было предоставлено уйти не иначе, как с позволения русских, из Кремля и из страны, где вещь, столь важная для русских в то время, была бы в пренебрежении. Была война и со шведами, но вскоре, в 1618 году,

последовал благотворный мир. В 1631 году, незадолго до заключения нового мира с поляками, Михаил отправил в Польшу посла, который потребовал от государственных чинов (короля у них в то время не было), не обнажая голов, возвращения Смоленска с суровыми угрозами и готовый вручить им в случае отказа обнаженную саблю в знак объявления войны. В это же время приезжали в Москву и Персию голштинские послы и с ними знаменитый Олеарий, с целью открыть новые торговые пути. В 1633 году Владислав Четвертый, снова начав войну, отнял у московских многие города и теснил Смоленск долгою осадою, а в 1645 году (в котором он получил от шаха персидского великолепнейшие подарки в знак дружбы и заключил с ним союз) Михаил, государь, о котором все весьма сожалели, скончался.

Книга вторая

Двор и нынешнее правление

Глава 1. Об Алексее Михайловиче, нынешнем царе русских

Алексей Михайлович, ныне благополучно царствующий, принял бразды правления после смерти достохвального отца своего в 1645 году, юношему 16 едва лет от роду. Так как его деяния еще свежи в нашей памяти, то я коснусь их лишь кратко и в общих чертах. Кроме разных обременительных войн со шведами, поляками, казаками, татарами и турками, против него происходили и опасные восстания. Наиболее замечательны из них два: одно в городе Конотопе, которое, впрочем, было подавлено главным образом немецкими солдатами; другое - необузданное восстание московских жителей, вызванное чрезмерным своеволием бояр и судей, Морозова главным образом, по отношению к людям низшего сословия, но и это восстание было погашено почти в самом начале его. В последнее время, наконец, Степан Разин с своей шайкою доставил Московскому царству немало хлопот. В 1647 году Алексей сочетался браком с дочерью боярина Илии Даниловича, меж тем как на сестре ее женился боярин Морозов, управлявший до сего дворцом царя. Но, после смерти первой супруги в 1671 году, Алексей, с Божьего благословения и по общему желанию вступил во второй, счастливый и плодотворный брак с Натальей Кирилловной, дочерью Кирилла Полуэктовича, смоленского боярина и воинского тысяцкого, которого он впоследствии, как тестя своего, удостоил первого места между боярами. В разное время отправлял он посольства, чрезвычайно пышные и прославившие имя его, не только ко всем христианским государям Европы, но даже и в Азию к персам, татарам и китайцам и, в свою очередь, принимал таковые же от чужеземных правителей. В 1672 году в Москву прибыло польское посольство, чрезвычайно блестящее и поражающее взоры свитою в 400 человек и великолепными дарами, присланное королем Михаилом. Чтобы проводить это посольство в город, было выставлено более 16000 отборнейшей конницы и пехоты, расположенных по обеим сторонам пути, покрытого снегом (это происходило зимою), на протяжении двух миллиарев. Для усиления великолепия к ним были еще присоединены бояре и московское знатное дворянство, красовавшиеся в пышных азиатских одеждах, роскошно украшенных (сказать бы, войско Дария). Эта красивая картина блестящего торжества неудержимо привлекала взоры всех. Послы эти пробыли пять месяцев в Москве на щедром иждивении царя, причем с ними обращались истинно по-царски, а при отъезде и с той и с другой стороны были розданы обильные дары, не говоря уже о весьма частых почестях, оказанных им каждый раз, как они допускались к царю. Между прочими членами посольства находился благородный г-н Геркулес Цани, родом из древнейшей, ученейшей и богатейшей болонской семьи, которого царь крайне щедро одарил, по особой к нему милости, когда узнал, что он - итальянец и изъездил, неустанно путешествуя, всю Европу. Я узнал его как мужа, настолько выдающегося своим происхождением, ученостью, опытностью, человеколюбием и щедростью, что счел бы за несправедливость и за грех не объявить об этом открыто, во всеобщее ведение.

Росту Алексей, впрочем, среднего, с несколько полным телом и лицом, бел и румян, цвет волос у него средний между черным и рыжим, глаза голубые, походка важная, и выражение лица таково, что в нем видна строгость и милость, вследствие чего он, обыкновенно, внушиает всем надежду, а страха - никому и нисколько.

Нрава же он самого выдержанного и, поистине, приличествующего столь великому государю: всегда серьезен, великодушен, милостив, целомудрен, набожен и весьма сведущ в искусстве управления, а также в совершенстве знает выгоды и планы чужеземцев. При этом он немало времени посвящает чтению книг (насколько это возможно при отсутствии у них литературы) и изучению наук, касающихся природы и политики. Большую часть дня он уделяет совещанию о государственных делах, немалую также размышлению о вопросах веры и богослужения, часто вставая даже по ночам для воздавания Богу хвалы по псалтири царя Давида. Довольно редко выезжает он на охоту в поместья, т. е. загородные дворцы. Посты он соблюдает строже, чем кто-либо, а пост сорокадневный, перед Пасхой, он строжайше соблюдает, добровольно воздерживаясь от употребления даже вина и рыбы. От всяких напитков, а в особенности водки, он такдержан, что не допускает беседовать с собою того, кто выпил этой водки. В военном деле он сведущ и неустраним, однако предпочитает милостиво пользоваться победами, нежели учить врагов миру жестокими мерами. Особенно он явил себя достойным славы великодушия во время войны с ливонцами, когда он обложил стены Риги осадою. Он занимается и благотворительностью и щедро оделяет нищих, коим не только почти ежедневно, собрав их толпу около себя, подает обильную милостыню, а накануне Рождества Христова посещает заключенных в темницах и раздает им деньги. Иностранцам, состоящим за жалованье на военной службе либо приехавшим в Москвию для исполнения какой-либо иной царской службы, он щедро дарит как бы в залог своей милости платья, коней и иные подарки, а также предоставляет им, движимый все тою же добротою души, более свободы, нежели прежде, в сношениях с мосхами. Это - государь доблестнейший и справедливейший, равного имеют немногие христианские народы, все же по справедливости желают иметь.

Кроме того, Алексей так предан набожному образу жизни, что с ним постоянно духовник, без разрешения которого он не посещает даже никаких игр или зрелищ. По внушению последнего и при содействии также покойной царицы он велел вынести дорогие, прекрасной работы органы, находившиеся в главной церкви Кремля, и удалить вообще всякую музыку из храмов. В 1640 году он, с целью показать свою щедрость патриарху иерусалимскому, подарил ему 100000 рублей, или венгерских червонцев, за частицу Святого Креста, в виде отдарка за столь ценный подарок, причем пообещал, согласно обычью предков, постоянную защиту и помощь, насколько это ему будет возможно, православным христианам на Востоке, хотя иногда выражает страстное желание присоединиться к св. католической церкви. Сердечной доброты - дабы увенчать как бы драгоценным камнем перечень его хороших качеств - в нем столько, что он строжайше требует ее также и от других. Поэтому когда некий грузинский князь, проживающий изгнаником с матерью своею в Москве, приказал урезать некоторым из слуг своих уши и нос за осквернение придворных девиц, то Алексей, по справедливости страшно негодуя за отвратительный поступок, однако выразил чрез послана строгое порицание своему гостю за такую жестокость, прибавив к тому еще, что если он и в будущем намерен проявлять такой нрав, то чтобы он отправлялся к себе в Грузию или выбирал бы себе другое пристанище, ибо он, Алексей, никоим образом не может допустить его жестокостей в Московии.

Но, о горе! В то самое время, как я готовился обнародовать вышесказанное, мне приносят печальные вести о том, что Алексей, сей несравненный государь, достойный всякой похвалы за свою набожность, мудрость, справедливость и высшие свои качества, сего 1676 года 29 января после девятидневной болезни, к лютейшему прискорбию всей Московии, скончался, прожив 56 лет. За несколько часов до смерти он, говорят, по достопамятному великодушию своему простил всем своим должникам несколько тонн золота и приказал освободить из

темниц 300 осужденных на смертную казнь за уголовные преступления и раздать из царской казны 6000 венгерских червонцев нищим в виде милостины - посева для жатвы в будущей жизни. Ему наследовал сын Федор или Феодор Алексеевич, государь, на которого возлагают большие надежды, так как он не только унаследовал преемственным образом все добродетели великого своего родителя, но, по-видимому, получил превосходное тщательное воспитание и основательно изучил государственные науки. Дабы подданные скорее присягнули ему, сам Алексей, умирая, потребовал от присутствующих бояр, чтобы они тут же поклялись Феодору в верности.

Глава 2. О государственном гербе и титуле царя

Титул и герб царя настолько же были многими до сей поры различно описаны, насколько и неверно другими поняты.

В древние времена русские, равно как и прочие скифские князья, употребляли изображение лука и стрелы, вместо герба, а также и плуга, как предметов священных для них. По принятии же христианства гербом им служили три кружка, заключенные в треугольнике. В первом кружке было написано: "Бог наш Троица, прежде всех веков бывшая, Отец, Сын и Дух Святый, но не три Бога, а один по существу", во втором - почетные прозвания того князя, которому назначалась грамота, в третьем - титул самого царя. Когда с течением времени этим гербом перестали пользоваться, русские, особенно после завоевания Литвы, взяли себе за герб всадника, поражающего дракона копьем. Весьма правдоподобно, однако, по-видимому, то, что русские пользовались этим гербом и гораздо раньше, ибо говорят, многие другие северные народы пользовались им также. Наконец, в 1540 году Иван Васильевич, надменно производя свой род от самого Августа, впервые избрал гербом двуглавого орла с распростертыми крыльями. Двуглавый орел этот увенчан двумя коронами так, что между ними посреди возвышается третья, а на груди его находится на коне св. Георгий, поражающий копьем дракона. Этот государственный герб употребляется и поныне.

Что же касается истории о титуле, то старинная простота нравов относилась к нему с достойным похвалы пренебрежением, в настоящее же время, при теперешних сношениях, о нем тщательно заботятся. В древние времена народы, более суровые, предпочитали блистать скорее личными качествами и славными деяниями, нежели ничего не значащими прозваниями. Из русских князей, и доныне именующих себя князьями или великими князьями, Владимир Святославич стал первый называться царем, т. е. правителем и обладателем всей России. Московиты поэтому стараются доказать по летописным своим свидетельствам, что они это прозвание "царя" получили от греческих императоров. Когда же это прозвание некоторое время находилось как бы в забвении, то Даниил Романович, считая титул великого князя ниже своего достоинства, принял от римского первосвященника, приняв и латинские обряды, титул короля в 1246 г.

Тот просторный титул, которым пользуются нынешние цари, возник при Иване Васильевиче около 1520 г. Полагаю, что нисколько не будет отступлением от принятого мною плана, если я здесь приведу на образец его: "Божию, в Троице славимого, милостью, Великий Обладатель, Царь и Великий Князь Федор, или Феодор, Алексеевич, Всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец, Царь Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский, Великий Князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский, и иных земель Обладатель, и Великий Князь Нижегородский, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кандинский и всего Северного побережья Повелитель, Обладатель Иверии, Царь Карталинии, Грузии, Кабардинский, Черкасский, и Горских Князей и многих других стран и земель на Востоке, Западе и на Севере, Отчик, Дедич и Наследник, Государь и Обладатель". Этот блестящий перечень названий в титуле таков, что в нем встречаются некоторые слова, изъясняющие величие царя, но которые у нас не употребляются. Таковы: Государь, т. е. великий повелитель, Обладатель, т. е. содержащий

под своей властью, Самодержец или Единодержавец, т. е. охранитель и защитник, не нуждающийся в посторонней помощи, Великий Князь и Повелитель, т. е. император. Последнее, впрочем, не означает какого-либо высшего и единоличного властителя над земным шаром, а имеющего власть у себя в государстве самовольно распоряжаться и приказывать. Поэтому русские называют императора над христианами также кесарем. Некогда московский царь прозвывался некоторыми "белым царем", так как подданные его в Белоруссии носят преимущественно белую одежду и белые шапки. Многие ошибочно полагают, что "царь" означает "кесарь", но до сей поры русские никогда не утверждали этого: ибо им известно, что на их языке слова "кесарь" и "царь" значат совершенно разное. Поэтому, где в Св. Писании различаются император и король, то московиты в Библии на русском языке называют императора - кесарем, а короля - царем. Так они постоянно называют Давида, Соломона и прочих королей из Священной Истории - царями. Это же слово "царь", по-видимому, принадлежит древне-скифскому или даже арамейскому языку, который сохранился и общеупотребителен и поныне у татар, но несколько измененный. От них-то это слово и перешло к русским. На первоначальном языке страны "царь" обозначало не более как "владелец", и выражения "tümenский царь", "китайский царь" и т.д. и поныне встречаются за Волгою.

Поляки, не соглашавшиеся в 1551 году признать за московитом титул царя, главным образом опирались на тот довод, что, дескать, так именуются и варварские, татарские князья, и говорили, что они поступят не согласно с достоинством христиан, если будут воздавать ему одинаковые, как у варваров, почести. Но через несколько лет как языческие, так и почти все христианские государи и даже сам римский император стали удостаивать великого князя московского этим названием. Один лишь первосвященник римский по прибытии к нему в 1673 году московского посла отказался сделать это в своих ответных грамотах, и вполне справедливо, так как русские назвали папу лишь "учителем", т.е. ученым, хотя они и объяснили, конечно ради только отговорки, это тем, что им неизвестен папский титул. Впрочем, у иезуита Альберта Виюка Кояловича во второй части литовской истории московские послы утверждают, будто папа Климент и император Максимилиан не отказывали их царю в этом титуле. Как бы то ни было, но титул царя следует признать в высшей степени подходящим к величию и могуществу московита, ибо столь многие и столь великие страны, коих он себя называет царем и обладателем, отнятые по неоспоримому праву войны у язычников, он действительно держит под своей властью. В самом деле! Если мы награждаем злейших врагов христианства, только по причине их сильного могущества, и королями, и императорами, и еще Бог весть какими длинными титулами, то почему же не пользоваться московскому королю, т. е. царю, тем почетным титулом, который он себе приобрел кровью? Не может быть даже и подозрения в том, что они желают себе титул "царя" как нечто большее, нежели "король", ибо русские называют всех иностранных европейских государей не царями, а взятым от поляков именем - короля. Так, Витовт, великий князь литовский, не задумался провозгласить в 1418 году Тахтана, начальника татарской конницы, возложив ему на голову шапку, увенчанную жемчугами, царем, хотя совершенно был чужд ему и по языку, и по происхождению, и по вере. А русские, вследствие того, что имели больше сношений с азиатскими правителями, нежели чем с европейскими, и называли первых согласно их языку царями, а вторых - заимствованным у поляков именем король, без всякого умысла. Но так как тут, пожалуй, мне скажут "довольно", то я заявляю, что я не в состоянии разобраться в этих спорных вопросах.

Глава 3. Об обряде венчания на царство

В обширнейшем храме, воздвигнутом в честь Преблаженной Богоравной Девы и возвышающемся при царском дворце, новый царь москов венчался на царство приблизительно следующим образом: после того как к этому священнодействию собрались в большом количестве, как будто на народное собрание, все духовенство, вельможи, дворянство и воинские начальники, а также и именитейшие горожане, то на великолепно

устроенном возвышении поставили три кресла в ряд. На первом, серебряном и разукрашенном золотом, сел будущий наследник царства, одетый по обычаям страны в длинное одеяние, разукращенное золотом и драгоценными камнями. Рядом с ним второе занял патриарх, которому предстояло совершить обряд. На третьем были приготовлены: знаменитая шапка, унизанная кругом драгоценными камнями, громадная золотая цепь и княжеский пояс с прибавлением к ним золотой короны и царской златотканной порфиры, тяжелой от дорогих жемчугов. Почти все эти уборы служат для этого обряда со временем Владимира Мономаха. Итак, меж тем как духовенство рядом песнопений испрашивает будущему новому царю всяких благополучий, старший между вельможами просит патриарха приступить к совершению обряда венчания на царство. Тот, помолившись Богу и всем святым, приглашает царя, который тем временем встал, опять сесть с ним вместе на кресло. Московский митрополит читает молитву о благополучии в будущем, а патриарх творит над ним крестное знамение и возлагает при этом крест, осыпанный жемчугами, на чело царя. Засим старший из вельмож облекает царя в порфиру и, приняв от патриарха шапку с золотым коронкообразным украшением наверху, надевает ее царю на голову. После сего священники начинают петь литию, т. е. мольбы к святым, и обычные молитвы к Блаженной Деве и благословляют по порядку все - что продолжается довольно долго - нового царя, крестя его приподнятою рукою. То же самое делают и прочие сословия, дабы царь благополучно царствовал на многие и многие годы, после чего патриарх обращается к нему с увещеванием: почитать Бога и Его святые иконы, править делами по справедливости, неуклонно соблюдать русскую веру и распространять ее. Из этого храма все длинным шествием идут сперва в храм св. Михаила, а затем в церковь св. Николая, находящиеся оба в Кремле, и служат в том и другом молебны.

Во время этого шествия, по приказанию царя, в теснящуюся кругом с поздравлениями толпу народа бросают множество золотых и серебряных монет, набитых в память сего торжества, и приглашаются знатнейшие лица из всех сословий к великолепному и обильному пиршеству. Здесь царь, сняв из одеяния то, что пообременительнее, подпоясанный вышенназванным поясом и с посохом из рога единорога в руках, сидит на троне, несколько возвышающемся среди столов, поставленных в два длинных ряда. Последним - об остальных великолепно приготовленных яствах я умолчу - приносится каким-нибудь жителем г. Переяславля блюдо из рыбы сельди, похожее на нашу рыбную похлебку, для напоминания о пользе воздержанности. Для увенчания, как бы, пира концом, знаменующим счастливое будущее, царь посыпает каждому золотой кубок с вином, который все добросовестно и осушают, причем усерднейше отвечают на эту милость пожеланиями царю счастливого царствования и постоянного здоровья.

Об остальных выражениях радости и подробностях торжества я считаю лучше умолчать, нежели сообщать что-либо неверное, ибо, конечно, они изменяются с течением времени, да и не особенно многочисленны у русских.

Глава 4. О бракосочетании царя

Из различных иных особенностей, которыми цари московские отличаются от прочих государей Европы, особенно следует, поистине, упомянуть о том, что они никоим образом не соглашаются искать себе жен у чужестранцев. Так как препятствием или тормозом к сему служит не что иное, как различие вероисповеданий, то вследствие сего и дочери царей неохотно выдаются замуж за иностранцев, за пределы страны. Почему и в канонах Иоанна митрополита (которого они считают за пророка) сказано: не должно выдавать дочерей князя замуж за тех, кто употребляет нечистое в пищу или причащается опресноками. Итак, цари избирают себе супруг из собственных подданных совершенно так, как поступил восточный император Никифор, призвавший, говорят, самых красивых девиц во дворец, намереваясь избрать супругу для сына Ставрания. И соблюдают они этот дедовский обычай и поныне весьма строго, главным образом, из-за того, чтобы не возбуждать, сроднившись и смешавшись чрезмерно с иноземцами, у подданных желания поступать таким же образом,

ибо они в достаточной мере узнали, насколько это им невыгодно, когда они некогда выдавали своих царевен за польских и иных королей и литовских великих князей или же сами брали себе жен из Грузии или иной какой страны. В 1671 году, во время нашего пребывания в Московии, Алексей, оплакав достойным образом покойную жену свою, вознамерился жениться во второй раз и приказал всем прославившимся своею красотою знатным девицам собраться у Артамона Сергеевича (изворотливого, как говорится в пословице, Артамона), управляющего Двором. Когда те все собрались, то царь потаенным ходом пришел к Артамону в дом и, спрятавшись в тайнике (откуда, однако, ему была видна комната, назначенная для женщин), тщательно рассматривал не только по отношению к одной внешности, но и по отношению к духовным качествам и поведению все это красивое, хотя и не воинственное женское войско, а когда они поодиночке проходили мимо того окошка, из которого он смотрел, то он заботливо взглядался, сколько в каждой из них искусственной и природной красоты. В прежние времена, кроме этого осмотра, еще подвергались, через испытанной верности женщин, подробному исследованию физические и нравственные свойства трех избранных самим царем из всего этого сонма, дабы на царское ложе была выбрана самая выдающаяся из всех. Но Алексей, будучи проницательного ума, без этих проволочек с первого же раза избрал себе в сожительницы Наталью Кирилловну и так же скоро приобрел и ее любовь через подарки, достойные столь великого государя. Однако и для прочих намеченных в супруги царя девиц решение столь справедливого Париса не было одним лишь разочарованием: кроме того, что каждая из них вернулась домой, богато одаренная и значительно прибавив себе цены от такого знаменитого сватовства, они еще могли быть уверены, что выйдут со временем за более знатных, а тех, которых царь удостоил своего внимания, многие вельможи наперерыв друг перед другом просят себе в жены. Но продолжим последовательно рассказывать о свадьбе Алексея: Наталья некоторое время не знала о своем счастье, пока царь, несколько недель спустя, рано утром, не прислал к Артамону на дом нескольких бояр с придворными каретами в сопровождении небольшого отряда конницы и трубачей. Новоизбранная невеста жила здесь, совершенно не зная того, что ей предстояло, и спокойно спала глубоким сном. Шафера, сообщив Артамону о почетном поручении, возложенном на них от царя, вместе с тем усердно просили поскорее отпустить их по исполнении поручения во дворец с невестою. Артамон, конечно, не мог противиться царской воле, к тому же столь благородной, и, разбудив спящую крепким сном Наталью, объявил ей о намерении царя, на которое она и не замедлила в высшей степени благоразумно согласиться, находя это неизбежным. Тогда ее поскорее одели в царское одеяние, привезенное из дворца, дабы народ видел ее пышно наряженной, и повезли с небольшим количеством ее прислужниц в царский дворец. Одеяние это, разукрашенное драгоценными камнями, было от того так тяжело, что она несколько дней жаловалась, что оно чуть не обломало ей все кости. По приезде она тотчас же отправилась с царем в церковь, где в присутствии лишь немногих близких лиц царским духовником было совершено венчание, и лишь самые знатные лица в течение нескольких дней были великолепно угождены пышными пирами, а Кремль все время был закрыт со всех сторон. Что же касается до обычных у сего народа свадебных подарков, заключающихся в собольих мехах, то царь послал с избытком таковые всем на дом и кроме того, желая, чтобы в его радости участвовали все остальные служащие, как русские, так и иностранцы, милостивосыпал и их щедрыми дарами и сластями. Я пропускаю здесь более мелкие подробности царской свадьбы, разузнавать о которых, как и о многом другом, в Московии никому не дозволяется.

Глава 5. О царице или супруге царя

Хотя женщины царского рода пользуются в европейской части земного шара величайшими преимуществами пред московскими царицами, однако нигде они не окружены таким почетом и уважением, как у москов. О них не позволено говорить мало-мальски непочтительно, и никто не может похвастаться тем, что видел царицу где-либо с открытым лицом. Когда они проезжают по городу среди народа в каретах или едут за город, то они до того окутаны покрывалами, что ни их не видно, ни они сами ничего не видят. Поэтому обыкновенно

устраивают так, что они совершают свои поездки большою частью либо рано утром, либо поздно вечером, причем впереди едут несколько солдат, не подпускающих встречных по пути близко к каретам. Кареты, в которых ездят царские супруги, обиты красным сукном и везут их большою частью восемь белых, как снег, лошадей, украшенных нагрудниками и нахвостниками из красного шелка, а по бокам идет ряд телохранителей. За каретою царицы следуют несколько карет наиболее знатных боярынь, запряженных, однако, лишь одною или двумя лошадьми. Кроме своей домовой, во дворце, церкви, они крайне редко посещают какие-либо другие, а на торжественные всенародные молебства, или собрания, не являются никогда. И такой строгий затворнический образ жизни своих цариц мосхи ни под каким видом не хотят изменить, так что когда нынешняя царица, государыня великолдущная и приветливая, при первом своем выезде немного приоткрыла окно кареты, то не могли достаточно надивиться столь необычному делу. Ей это поставили на вид, и она с сожалением, но благоразумно уступила глубоко укоренившемуся в народе предрассудку.

Дома царицы проводят всю жизнь уединенно на женской половине в обществе благородных девиц и женщин, и никому из нашего брата, мужчин, кроме весьма немногих прислужников, не дозволяется видеть их, ни разговаривать с ними. Мало того, они обыкновенно не могут набирать себе по собственному желанию боярынь из общего числа знатных женщин.

С царем они редко садятся за один стол и для препровождения времени и развлечения занимаются лишь вышиванием золотом или, больше, приготовлением притираний. Нынешняя супруга царя, царица Наталья, хотя и не нарушает никогда отцовских обычаяев, по-видимому, однако, склонна пойти иным путем, к более свободному образу жизни, так как, будучи сильного характера и живого нрава, она отважно пытается внести повсюду веселье.

Это можно было уже предсказать по выражению лица ее, когда мы имели случайно счастье видеть ее еще в девицах два раза в Москве: это - женщина во цвете лет, роста выше среднего, с черными глазами навыкате, лицо у нее кругловатое и приятное, лоб большой и высокий, и вся фигура красива, отдельные члены тела крайне соразмерны, голос, наконец, приятно звучащий, и все манеры крайне изящны.

Глава 6. О царских детях

Насколько, по мнению Тацита, лучшим отдохновением для благоразумных государей является женитьба, настолько надежнейшей опорою власти являются дети царя. Ибо нет для подданных более верного залога в общественном благополучии, нежели то, что цари не только умирают, но и рождаются у них на виду.

И действительно, Московия, благодаря своему Алексею, глубоко счастлива, имея в лице сыновей царя немалые залоги для будущего преуспевания, хотя несколько лет тому назад она лишилась преждевременно похищенного смертью перворожденного в первом браке царского сына (который, имея 19 лет от роду, уже, согласно обычаям страны, являлся народу). Живы же и поныне младшие Феодор и Иоанн, а также и дочери: Евдокия, Марфа, Софья, Екатерина, Мария и Федосья. А незадолго до нашего отъезда из города Москвы вторая супруга царя, царица Наталья, благополучно произвела на свет сына-первенца, названного Петром, да и в последующие за сим года осчастливила, как мы слышали, царский брак плодовитостью. Братьев у Алексея нет, а сестры его Ирина, Анна и Татьяна не искали достойных себе супругов вне своей страны, а внутри ее таковых не оказалось, почему они ведут монашеский образ жизни. Воспитываются, впрочем, царские дети весьма заботливо и тщательно, но несколько своеобразно, согласно с московскими обычаями вообще, ибо мосхи създревле приучены устраивать весь свой жизненный путь согласно полученному ими воспитанию. Их не пускают ни на какие торжественные и многолюдные собрания, живут они во внутренних помещениях дворца, куда никто не смеет проникнуть, кроме лиц, на попечении коих они находятся. Способ воспитания у них почти тот же, что у всех азиатских народов. Наружу они выходят не иначе, как после того, как удалят всех,

могущих попасть им навстречу, и закрытые со всех сторон распущенными зонтами. На 19-м лишь году от роду (русские в этом возрасте становятся совершеннолетними) может являться народу лишь тот царевич, который в будущем имеет наследовать престол от отца. Остальные же, равно как и дочери, обречены на вечное проживание в монастыре. И право, это воспитание в одиночестве и стеснении, при сидячем образе жизни, причиняет в большинстве случаев слабым телам их жесточайшие болезни. Так и того старшего сына царя, о котором мы упоминали выше, скоротечно сразил никакой иной злой недуг, как недостаток, при полном одиночестве, движения и деятельности, этих необходимых животворящих условий в природе, благодаря чему тело и не оказалось достаточно сильным. Почему в настоящее время, по-видимому, на это смотрят уже более правильно, нежели прежде, и дети ежедневно в определенные часы упражняются в разных играх, либо в езде верхом, конечно, по загороженному двору, либо в стрельбе из лука. Зимою им устраивают деревянные горы и посыпают их снегом; с них они быстро, но плавно скатываются на санях или в лубочных корытцах, палкою направляя их. Танцы, кулачные бои и другие общераспространенные у нас благороднейшие упражнения у русских не допускаются вовсе. В так называемые шахматы, знаменитую персидскую игру, по названию и ходу своему поистине царскую, они играют ежедневно и очень искусно, развивая ею свой ум до удивительной степени. Науками общеобразовательными они даже самым поверхностным образом не занимаются, кроме всеобщего краткого политического обозрения, ибо наставники их обучают исключительно только одному умению читать, писать и считать и знакомят их с состоянием собственной страны и других соседних держав, чего-де должно им ожидать и чего опасаться. Главное внимание в этих занятиях обращается на то, чтобы дети точнее изучали язык и нравы разнообразных своих подданных, привыкали неуклонно следовать старинным обычаям и ревностно берегать веру, причем все это для них безусловно обязательно. Не скрою, однако, что это в высшей степени простое и приноровленное к жизни воспитание, западая в благородную душу и гибкий ум, доводит до столь же высокой степени доблести, как изучение всех философских систем и усвоение мудрости самых выдающихся ученых. Счастливы ведь всегда те, которым не приходится сожалеть о том, что время, назначенное для опыта и действия, было поглощено бесцельным ненужным учением.

Глава 7. О пышном выходе царя к народу

Русские цари появляются всенародно крайне редко и любят, чтобы им оказывали побольше уважения издали, и действительно, если где-либо все неизвестное считается величественным, то они при своем затворничестве почитаются подданными чуть не божествами, невидимыми и недоступными. Когда же они выедут как-нибудь из дворца, то повсюду царит тишина и отсутствие народа. Прежде всего на большом расстоянии впереди царя бегут несколько дорожных сторожей в красных одеждах, которые тщательно выметают метлами те улицы, по которым поедет царь, ибо как в городе, так и в других местах по всему государству, есть особые некие улицы, покрытые постоянной бревенчатой мостовой, крайне заботливо охраняемые, по которым, кроме царя, ездят весьма немногие. За ними следует длинный ряд солдат, а среди них тесно окружают царя вельможи или бояре с обнаженными - солнце ли палит, дождь ли идет - головами. Прочие придворные служащие несут службу только при торжественных случаях внутри дворца. Попадающиеся навстречу либо прогоняются с пути и торопливо уходят подальше, либо стоят неподвижно по сторонам у зданий, а едущим приказывается тотчас же слезать с коней. Если царь увидит где-либо кого из чужеземцев, то он посыпает нескольких бояр узнать о его здоровье; последние по большей части люди тучные, но исполняют приказания царя бегом. Когда царь проезжает мимо, то все кланяются ему, падая ниц и опуская голову до самой земли: это называется на их языке - бить челом. Во время церковных торжественных шествий царь идет пешком, верхом он ездит реже, а чаще всего в каретах, которых у него очень много, и присланных из чужих стран, и домашнего изделия. За царскою каретою может следовать только карета грузинского князя, ибо считается и для мужчин непристойным ездить в карете, и не подобающим - сопровождать царя так же, как едет он сам. Перед каретою несут две красные

подушки с шелковыми чехлами того же цвета и ведут также, по большей части, двух самых породистых коней в великолепном убore. Зимою место кареты заступают сани, обитые отборным собольим мехом, в которые запрягается конь в таком же красивом убore, а впереди него идет другой, также по-царски разукрашенный, на свободе и без седока. Отправляясь за город, царь берет с собою несколько тысяч солдат-телохранителей, которые, расположившись станом без определенного плана по соседним деревням, содержат караулы по всем направлениям и не подпускают никого близко к царскому жилищу, а сельских жителей по пути следования царя они загоняют в огороженные дворы их.

Глава 8. О великолепии царского стола и царских пиров

Наш Алексей с младенческих лет еще объявил себя таким врагом невоздержанности, что совершенно удалил от Двора своего тех жадных обжор, тела коих тучны, а души - худы и бездеятельны. Придерживаясь крайней простоты в деле питания, он так строго воздерживается от всяких изысканных яств, что приказывает, если таковые случайно попадутся среди его обыкновенных блюд, подавать все заморское и дорогое гостям, причем сам, в знак особенного расположения, лишь слегка отведывает от них. За столом царю прислуживают трое или четверо испытанных слуг, которые подают и убирают кушанья, которые приносятся к дверям столовой другими придворными служами. Они же и пробуют кушанья и напитки.

Пред началом обеда начальник стольников, или придворных слуг, подает к нему знак, ударяя палкою по деревянной доске. Обедает царь обыкновенно один, но ужинает вместе с царицей. В торжественных случаях, когда к столу приглашаются чужестранцы или свои же вельможи, то обеды устраиваются необычайно роскошно и блестяще. Тогда длинные ряды более важных придворных лиц стоят, тесно сплоченные, неподвижно по всему дворцу в широких шелковых, изукрашенных дорогими камнями одеждах, а другие, наподобие легко вооруженных воинов, одетые полегче, задыхаясь, бегают взад и вперед. Тогда каждая зала, обтянутая шпалерами, из разноцветного шелка сотканными, горящими драгоценными камнями и золотом, являет поистине царский вид и открыто, конечно, тогда щеголяет множеством самых дорогих и разнообразных блюд и напитков.

В столовых тогда ставится не по одному лишь, а по два, по три, по четыре, зачастую даже по пяти столов, а стоящий посредине вокруг колонны стол с серебряною, золотою и осыпанною драгоценными камнями посудою поражает взоры зрителей, как нечто сказочное, и прибавляет немало блеска всему торжеству. В конце пира, за которым царь обыкновенно председательствует, сидя на своем престоле, царь, как я уже говорил выше, посыпает каждому из гостей золотой кубок с испанским вином с приглашением выпить, как бы в пожелание благополучного конца пира.

Глава 9.

О царских забавах

Не только далекое расстояние меж странами, но и образ мыслей, и общественные законы до настоящего времени препятствовали тому, чтобы нравы московитов стали одинаковыми с нравами чужеземцев. Поэтому их государи не допускали, даже для самих себя, принятые в других странах развлечения в царской жизни от забот и, конечно, подавали пример к сему и подданным. Из домашних забав они, главным образом, занимаются охотою, привыкнув весело ловить диких зверей в лесах посредством облавы, или по усердному гону ученых псов, или посредством быстрого полета сокола, или, наконец, выстрелом из фузей или лука. Алексей же, если и отправляется иногда куда-нибудь за город исключительно ради отдыха душевного, предпочитает пребывание в саду за городом - у него имеется таковой, громадных размеров и, принимая во внимание суровый климат страны, довольно пышный, - или в какой-либо царской вотчине. Он же разрешил несколько лет тому назад иностранцам,

проживающим в Москве, дать ему театральное представление, состоящее из пляски и "Истории" об Агасвере и Есфири, драматически обработанной. Дело в том, что, наслышавшись от многих послов, что перед европейскими государями часто даются театральные представления с хорами и иные развлечения ради препровождения времени и рассеяния скуки, он как-то неожиданно приказал представить ему образчик сего в виде какой-нибудь французской пляски. Поэтому, вследствие недостатка времени, в одну неделю, со всевозможной поспешностью, было приготовлено все нужное для хора. Во всяком другом месте, кроме Москвы, необходимо было бы просить пред началом у зрителей снисхождения к плохому устройству, но русским и это казалось чем-то необыкновенно художественным, так как все - и новые невиданные одежды, незнакомый вид сцены, самое, наконец, слово "иноземное", и стройные переливы музыки - без труда возбуждало удивление. Сперва, правда, царь не хотел было разрешить музыки, как нечто совершенно новое и, некоторым образом, языческое, но когда ему поставили на вид, что без музыки нельзя устроить хора, как танцовщикам нельзя плясать без ног, то он несколько неохотно предоставил все на усмотрение самих актеров. На самое представление царь смотрел, сидя перед сценой на кресле, царица с детьми - сквозь решетку или, вернее, сквозь щели особого, досками отгороженного помещения, а вельможи (из остальных никто более не был допущен) стояли на самой сцене. Хвалебные стихи, пропетые царю Орфеем, прежде чем он начал плясать между двумя движущимися пирамидами, я нахожу нужным привести здесь изуважения к достохвальному Алексею, хотя они были, пожалуй, и не звучны и не замысловаты.

"Наконец-то настал тот желанный день, когда и нам можно послужить тебе, великий царь, и потешить тебя! Всеподданнейше должны мы исполнить долг свой у ног твоих и трижды облобызать их! Велико, правда, твое царство, управляемое твою мудростью, но еще больше слава о доблестях твоих, высоко превозносящая тебя. Твоя мудрость и геройская мощь могут даровать нам после долгой мрачной войны златые мирные времена, а справедливый суд твой и вместе с ним милость, сияя неземным светом, делают твой нрав богоподобным. Высокие качества твои должно приравнять качествам богов, ибо тебе уже теперь все уступают. О, светлое солнце, луна и звезды русских! Живи же постоянно в высшем благополучии, и да будет всегда несчастье далеко от тебя. Царствуй долго, друг небес! Умолкни, недоброжелательство! Кто так близок к божествам, тот должен процветать! Итак, зазвучи же приятно, струнный мой инструмент, а ты, гора-пирамида, приплясывай под мое пение".

В этот же день, субботу на масленице, царь устроил также на Москве-реке, покрытой льдом, травлю, в которой боролись между собой громадные, английские и других пород, собаки с белыми медведями из страны самоедов. Зрелище было крайне забавное, так как и те и другие часто не могли удержаться на ногах на сем скользком помосте. Вечером же царь ходил туда же смотреть на летающие потешные огни.

Глава 10. Об уединенном образе жизни царя

Цари московские почитают крайне величественным то, что они, ради внушения большого уважения своим подчиненным, весьма редко появляются среди народа, но скрываются в постоянном глубоком уединении. К ним никто, иначе как по зову, не смеет явиться, за исключением весьма немногих вельмож и служащих при Дворе, которые имеют свободный доступ во внутренние покои дворца. Все же остальные, как русские, так и чужестранцы, не только во внутренние покои, но даже близко к Кремлю не допускаются. Поэтому вокруг царского жилища расположено несколько сотен солдат с оружием наготове, которые никому не позволяют пройти по внутреннему двору, находящемуся под окнами царских покоев, если при нем есть шпага или какое-либо другое оружие. Вследствие сего никто никоим образом не может так, как это обыкновенно делается при дворах всех европейских государей, лично изложить царю свое дело, явиться к нему на суд или даже побеседовать с придворными во внутренних покоях дворца.

Насколько же, поистине, судебное делопроизводство в Московии совершенно отлично от нашего, настолько оно вполне, по-видимому, схоже с турецким и азиатским, так как все дела и здесь, и там решаются, как я убедился на опыте, либо посредством письменных челобитных, либо же через некоторых ближайших родственников царя, которым он оказывает непохвальное доверие. К этому недостатку присоединяется у москов еще то обстоятельство, что так как в большинстве случаев царь считает ниже своего достоинства собственноручно подписывать указы и грамоты государственного характера, то часто его распоряжения оказываются в высшей степени несправедливыми, причем он сам этого даже и не подозревает.

Глава 11. О царских похоронах

В древнейшие времена, говорит Геродот, существовал обычай у русских народов, что они своих умерших где бы то ни было царей возили чрезвычайно торжественно и с величайшими посмертными почестями по всем областям государства, делая им как бы продолжительные похороны, до области и реки Герра близ источников Борисфена, где, наконец, они их хоронили в холмах, насыпая таковые из земли наподобие гор. Такого рода холмы и поныне еще можно видеть в разных местах в Московии, в Польше и даже в Швеции и Дании. Затем, с изменением с течением времени общественных нравов, цари у них то хоронились, то сжигались, в разных местах различно, смотря по тому, что повелевало грубое суеверие. Приняв же, наконец, христианство, московские князья пожелали, по выдающемуся своему смирению, быть предаваемыми земле скромно, без всякой пышности. Поэтому ныне, когда кто-либо царской крови умирает, то он почти в самый день смерти хоронится в соборе св. архангела Михаила, без многовещательной надгробной надписи, без дорогих курений, в простом неукрашенном гробе. Оставшиеся в живых родственники и домашние его в изорванных темных одеждах оплакивают его и за время, назначенное для скорби, отращивают себе волосы.

Состоящие при Дворе женщины провожают покойника до могилы с непрерывающимися воплями, усердно проливая слезы, с распущенными в беспорядке волосами, непокрытой головой и неумолкаемыми похоронными песнями. Сам царь удаляется во внутренние покои и, облекшись в поношенную одежду, предается тяжкой печали, пока понемногу, выслушивая утешения друзей, не вернет себе прежнего спокойного состояния духа. Во все это время он оказывает бедным многие благодеяния: подает милостыню, отпускает рабов на волю, освобождает заключенных в темницах и военнопленных и назначает своим подданным либо облегчение в налогах, либо полное освобождение от них.

Увы! В то самое время, однако, как я пишу эти строки, сам великий, несравненный князь, вышепомянутый государь Алексей явил печальный образец похорон! Похоронное шествие его (он скончался 29 января) двинулось в ближайшее по кончине воскресение в соборный храм приблизительно в таком порядке: впереди шли четыре сенатора или боярина, несшие крышку гроба, за ними следовали четыре других боярина, несшие труп царя на золоченых, покрытых золотой парчой носилках, за ними столько же бояр несли самого царя Федора Алексеевича на похоронном седалище. Столько же бояр несли вдовствующую царицу Наталию, распростертую на носилках с закрытым фатою лицом и головою, опущеною на грудь некоей знатной боярыни.

За ними шли пять дочерей царя от первого брака и громадное количество сановников в темного цвета одеждах. Когда опечаленный народ увидел это похоронное шествие, то раздались такие ужасные, исполненные всенародной скорби, вопли, что, казалось, уши раздирает какой-то пронзительный звон колоколов. Воистину, мосхи оплакивали его вполне искренне и заслуженно, ибо никогда еще не было у них, насколько они сами помнят, столь благочестивого и милостивого государя. В этом ведь и заключается счастье добрых государей, что им слезами и стенаниями подданных воздвигается памятник пышнее всякого надгробия. Прах царя стоял непохороненным в вышеназванном храме шесть недель, в

течение коих совершались панихиды, и нищие в огромном количестве ежедневно угощались на дворе царского дворца обедами.

Глава 12. О городе Москве, местопребывании царей

Москва, средоточие государства и священное местопребывание царей, по справедливости должна быть отнесена к числу величайших городов на земном шаре, ибо она в окружности имеет четыре германских мили и, окруженная стеной с десятью воротами, заключает в себе более 600000 жителей, так что боярам и иным более почетным лицам, приезжим и местным жителям неизбежно приходится ездить по городу, зимою в санях, летом - верхом. Кроме того на каждом перекрестке и у каждого ворот города стоит с санями или колымагами наготове много извозчиков, т. е. возниц, которые, договорившись за весьма малую плату, быстро доставляют приезжего к месту, им указанному. От северного полюса она отстоит, по расчету Олеария, на 50 град., и самый длинный день в ней продолжается 17 часов. Климат в ней довольно мягок, и местоположение ее весьма красиво; она поражает своими приблизительно двумя тысячами церквей, кои почти все каменные и придают городу великолепный вид. Этой внешней красоте немало способствуют семь умеренной высоты холмов, на которых она отлого возвышается. Дома обывателей большею частью деревянные и имеют очень мало окон; впрочем, между ними попадается много и каменных, принадлежащих боярам и иноземцам. До получения от Ивана Даниловича почетного звания царской столицы Москва составляла собственность рода Тахматовых, но с тех пор она, постоянно увеличиваясь, разрослась до тех почти громаднейших размеров, коими ныне славится, хотя до татарских набегов ее границы простирались еще гораздо дальше. Улицы вымощены не камнем, а деревянными бревнами или кольями,ложенными в один непрерывный ряд, постоянно, впрочем, покрытыми грязью или толстым слоем пыли, и бывают довольно гладки лишь зимою, когда снег и лед сравняют все. Внутри за стенами города протекают лишь две реки: Москва с действительно глубоким и судоходным руслом и весьма неглубокая Неглинная, третья же река Яуза, с мелким руслом, омывает лишь предместья города. Все они приводят в движение мельницы, к великой пользе города, хотя обыватели его пользуются также и ручными. В небольших расстояниях от города виднеются несколько летних дворцов, назначенных для отдохновения царей, куда они имеют обыкновение по временам удаляться, дабы собраться с новыми душевными силами. Среди них не последнее место принадлежит селу Измайлово, обладающему знаменитым обширным садом с четырьмя высочайшими, широко раскрытыми воротами, со многими извивающимися дорожками. В расстоянии приблизительно полукилометра от него находится богатейший зверинец или, лучше сказать, лес, обнесенный забором и наполненный стадами разных животных, а близ него - изящное здание для приготовления лекарств с садом врачебных растений. Таков же и Коломенский загородный дворец, который, кроме прочих украшений, представляет достойнейший обозрения род постройки, хотя и деревянной, так что весь он кажется точно только что вынутым из ларца, благодаря удивительным образом искусно исполненным резным украшениям, блестящим позолотою. Не буду уже ничего здесь еще присовокуплять о Преображенском, тоже величавом и живописном летнем местопребывании. Ближе к городу бросаются в глаза своею величиною деревянные строения - громадная царская житница и многие другие поменьше, особливо же хлебные склады для войска, а также и несколько питейных домов или кабаков. Из предместий главное - Иноземская слобода или Кокуй, отстоящая от последнего городского окопа лишь на расстоянии небольшого поля, с постройками также деревянными, возведенными по правилам и образцам немецким; здесь немцы живут отдельно от русских и посещают три лютеранских церкви, две кальвинистских, одну голландскую и одну англиканскую, кои не имеют, однако, колоколов. Управляются они не выборными из их среды начальниками, но подчинены придворному суду. За нею следует слобода Басманская, населенная всякого рода людьми и называемая поэтому слободою перекрестов, т. е. тех, которые, приняв вторичное крещение, перешли из иноземных христиан в веру московитов. Впрочем, многие пришельцы поклоняются в самом городе, главным образом, на Поганом пруде, т. е. на проклятом болоте, своим богам. Вне города свободно

отправляют свое богослужение в одном месте поляки, исповедующие греческую веру, а в другом - татары с своими омерзительными обрядами. За ними, наконец, расположено несколько помещений для тех ямщиков, которые служат для развозки по разным местам гонцов и солдат или стрельцов, и которые как бы опоясывают город. Перед последним окопом города, в части, называемой Скородумом и Стрелецким городком, т. е. городом солдат, также имеют свое местопребывание и прочие стрельцы, вооруженные пищалями. На противоположном берегу Москвы-реки находится между этими же укреплениями часть города - Налейка, названная так тираном Василием потому, что в ней он впервые разрешил продавать вино своим солдатам и безнаказанно напиваться допьяна. Подле Скородума простирается обширнейшая площадь, на которой продаются невероятное количество всякого леса: балок, досок, даже мостов и башен, срубленных уже и отделанных домов, которые без всякого затруднения, после покупки и разборки их, перевозятся куда угодно. Ввиду почти непрерывных и опустошительнейших здешних пожаров это устроено как нельзя более кстати. Внутри этого, так сказать, последнего городского пояса находится еще один, отделенный белою, высочайшею и толстейшею стеною, называемый Царь-городом. Здесь находится громадная мастерская металлических изделий, где льются пушки для войны и медные колокола, и другая, не уступающая размерами первой, где приготавляется порох, а также и много иных домов бояр и иностранцев, каменных и деревянных, весьма красивых на вид и с садами. Из них всех пальма первенства вполне заслуженно принадлежит изящнейшему дворцу боярина Артамона Сергеевича. В этом же месте представляется взорам, на той стороне речки Неглинной, Опричный двор, воздвигнутый в 1565 году Иваном Васильевичем, в котором он подолгу проживал вместе со своими жестокими телохранителями. Не следует также оставить без внимания и громаднейшие помещения для послов - христианских, магометанских и языческих, дома шведских купцов, свободные от всяких повинностей, и рынки для зернового хлеба, леса и лошадей. В следующем за сим внутреннем поясе высочайшие красного цвета стены опоясывают Китай-город, вторую часть города. В ней находятся, кроме многих домов знатных людей, великолепнейшие здания князя грузинского и Печатного двора, Греческий двор, уступающий, впрочем, несколько, пожалуй, Греческому подворью в Риме, и три обширнейших гостиных двора или, по их размерам вернее сказать, три укрепленных замка иностранных купцов. В первом, более древнем, продаются дешевые товары для ежедневного потребления, во втором, новом, взимается пошлина по весу и хранятся, главным образом, товары немецкие, в третьем или персидском армяне, персы и татары содержат около 200 лавок с различными товарами, расположенных по порядку под сводами и представляющих красивое пестрое зрелище.

Отсюда тянется обширная площадь, на которой продаются громадное количество плодов, даже зимою, в особых подземных чуланах, и в конце коей находится рыбный рынок на берегу Москвы-реки, через которую переброшен плавучий мост, устроенный на судах. На противоположном берегу находится наводящее печаль место казни преступников, которое мосхи называют Козьим болотом. Зимою мосхи постоянно, твердо полагаясь на прочность льда, ездят по самой реке, замерзшей от холода, с тяжелым, преимущественно лесным материалом и другими товарами на продажу. Перед царским дворцом (дабы вернуться к другому берегу реки) простирается четырехугольная площадь, на которой стоят несколько пушек необыкновенной величины, поставленные на кирпичных подмостках, близ которых находится храм св. Иерусалим изящнейшей постройки. Здесь и на соседних площадях постоянно производится торговля съестными припасами и иными предметами, необходимыми в жизненном обиходе, при густейшем стечении народа. К этому рынку примыкает другой, полукругом расположенный, тянувшийся почти на полмиллиария, где лавки для разного товара устроены так, что каждый отдельный, какой угодно, товар выставлен для продажи только в назначенном для него месте. Так, например, в одном месте видишь шелковые ткани, в другом - шерсть, в третьем - полотно; в одном - золотые и серебряные вещи и драгоценные камни, в другом - благовония, в третьем - иностранные вина, причем до двухсот погребов расположено в ряде под землею, в четвертом - разные иного рода напитки, приготовленные из меда, вишен и других ягод. Одним взглядом можно увидеть здесь в одном

месте дорогие меха разного рода, в другом - колокола, топоры, подсвечники и иные металлические изделия, в третьем - ножи, рукавицы, чулки, ковры, завесы и разные ткани. Особый ряд занимают масло, сало и ветчина, особый - свечи и воск, особый, наконец, разные изделия из дерева. В кожаном ряду лежат кожаные изделия: вожжи и прочая конская сбруя, в меховом - шубы и шапки. В одном месте выставлены лечебные разные зелья и травы, в другом - запоры, ключи, гвозди, далее - шелк нитками, канитель, украшения для девиц, браслеты - все в особом месте. Также продаются, каждое в своем особом месте рынке, и обувь, и поножи, и хмель, и ячная крупа, и рыба соленая, и сено, и овес. Не говоря уж о многом другом еще, и муке, и зерновому хлебу, и иным всякого рода вещам, и чинящим обувь, и низеньким лавочкам цирюльников - всему точно определен свой ряд, и все они прекрасно и удобно расположены так, что покупателю дается полная возможность выбрать наилучшее из всех, собранных в одном месте, тех или других товаров. Немало увеличивает красоту рынка то, что на нем нет ни одного жилого помещения, дабы таким образом держать огонь, сильно свирепствующий обыкновенно в этом городе, как можно далее. По этой же причине рынок тщательно оберегается сторожами, и те мастера, кои работают с огнем, живут в отдаленном от рынка месте. Недалеко от рынка находятся городские суды, в которых разбирают тяжбы граждан, наблюдают за исправностью улиц, взимаются пошлины и т. д.; все это производят двое судей из бояр и столько же писцов. Остальное управление города находится в руках у так называемых старост, заведующих отдельными кварталами, сотников, поставленных во главе сотен, и десятников - начальников над десятками. По другую сторону реки Неглинной находятся, кроме аптеки меньших размеров, две громадные конюшни, вмещающие с тысячу лошадей, а также две обширные темницы (которых, впрочем, немало находится в разных местах и в городе), наполненные преступниками, отправляемыми оттуда, как можно скорее, в Сибирь.

В самой средине города, наконец, стены в виде круга опоясывают царский укрепленный замок, называемый Кремлем-городом. В него ведут пять ворот, многие каменные здания придают ему красивый вид, и он представляет собою род далеко не маленького городка: в нем находится более тридцати храмов, из коих наиболее величественны храмы Св. Троицы, Св. Марии, св. Михаила, св. Николая и два монастыря - мужской и женский. В Большом Соборе, т. е. церкви великого собрания, замечательно огромное серебряное паникадило, у которого бесконечное количество ветвей соединяются в виде венца, и рукописная Библия, украшенная драгоценными камнями на громадную сумму. На круглом куполе этого храма возвышается тяжелый крест из чистого золота. И других храмов башнеобразные купола, покрытые вызолоченными железными листами, при солнечном сиянии также сверкают среди замка и наполняют душу зрителя восхищением пред таким великолепием. Засим кругообразно около замка расположены почти все суды, аптека больших размеров, патриарший двор и дома других придворных, а посреди - колокольня, называемая Иван Великий, в такой степени превосходящая высотою все остальные, более низкие, что смело может поспорить с величайшими в Европе колокольнями. Близко около нее находится знаменитый громадный колокол, частью подвешенный, а частью лежащий на деревянном помосте; благодаря его чрезвычайному весу до 320000 фунтов его тщетно много раз пытались усилиями многих людей поднять над землею, но платились жизнью за такое дерзостное покушение, вследствие чего царь дал клятвенное обещание никогда не делать более подобной попытки. Как бы венцом всему этому служат обширнейшие царские дворцы, из которых один, каменный, выдается и внешним видом своим и величиною, другой, деревянный, где государь обыкновенно обитает зимою ради укрепления своего здоровья, и третий, также каменный, выстроенный с большим изяществом, и в котором некогда проживал Илья Данилович, тесть нынешнего царя.

Глава 13. Об иностранцах, служащих у царя

Несмотря на то что наиболее важные придворные должности исправляются по большей части исключительно русскими, однако немало из них препоручено иноземцам, в особенности

таких, к выполнению которых русские не пригодны, благодаря незнанию языков и других облагораживающих человека наук.

Если начать с низших должностей, то толмачи, т. е. переводчики с языками, за исключением весьма немногих, - иностранцы, частью пребывающие в своей вере, частью же принявшие русскую. Они исполняют свои обязанности, лишь служа придворным при обыкновенных разговорах с чужестранцами и в не важных делах. Более важными, нежели они, считаются переводчики или, вернее, секретари по внешним сношениям, которые переводят обоюдно, с одного на другой язык, письма и иные государственные акты, а также и речи послов и разговоры о наиболее важных предметах с царем и боярами.

Среди них первые места занимают принявшие русскую веру Гроций из Регенсбурга и Виниус родом из Бельгии, начертивший не так давно в главных чертах путь из Московии в Китай на географической карте, и еще некто Саксонец, по прозванию - водопийца, отлично знающий множество языков. За ними следует немало поляков, татар, турок, армян, персов, арабов и других. Греков, к которым русские, вследствие одинаковой с ними веры, относятся весьма снисходительно, находится большое количество, как при дворе, так и при церквях. Врачи все иностранцы, ибо русских нет совсем, приглашенные царем из-за границы на превосходных условиях. Первое место меж ними, бесспорно, занимает г-н Иоганн Костер фон Розенбурх, знаменитый некогда придворный врач Карла Густава, короля шведского. Этому ученейшему мужу я обязан - открыто признаюсь в этом - многими благодеяниями. Остальные же врачи в наше время были: знаменитые господа Блументрост и Граммонд, а также еще некто Араб и еще другой, по происхождению еврей, по вере московит, который пользуется необыкновенным расположением царя и один свободно посещает внутренние покой дворца (так как вместе с тем был и старшим спальником). Аптекарей, или составителей лекарств, из иностранцев - до двадцати человек, получающих немалое жалованье, но они весь день проводят в аптеках за приготовлением лекарств. Сюда врачи заходят только рано по утрам для подачи совета, вообще же они пользуются большим досугом, почему на вопрос, что они делают дома, они торжественно отвечают, что заботятся о здоровье царя и ради сего постоянно читают книги. Впрочем, они переступают трудный порог дворца только в случае болезни царя или же если он нарочно велит их почему-либо призвать.

При этом происходит следующее, нам неизвестное: когда им приходится лечить царицу или кого-либо из царских дочерей, то им не позволяют осматривать больную, но они обязаны на основании показания некоей старухи или приближенной какой-либо служанки определить болезнь и назначить лекарство. Мало того, им не позволяет прибегать к разнообразным лекарствам вообще, даже в случае, если они необходимы. Для того чтобы все это точнее соблюдалось, учреждено в Москве врачебное судилище, или приказ, в котором председательствовал последнее время Лукиан Тимофеевич Колосов, единственный из уроженцев Москвы, хорошо знающий по-латыни, тогда как в другое время в нем обыкновенно председательствовали бояре, ближайшие родственники царя, ради полной безопасности и почета.

Глава 14. О служащих при Дворе из туземных жителей

Русские, как это подобает, занимают при Дворе наиболее важные должности и имеют более свободный доступ к царю. Из них занимают высшие должности, ежедневно являясь на службу к царю, и пользуются его доверием комнатные бояре, которые допускаются во внутренние покой и участвуют в сокровеннейших совещаниях. В настоящее время к числу таковых принадлежат: Кирилл Полуэктович, Долгорукий, князь Юрий Ромодановский, Артамон Сергеевич, Одоевский, Дохтуров и несколько других, хотя те, подобно большинству нижеследующих, занимают разные государственные места и должности.

После них, кажется, должно первое место отвести священнику, духовнику царя, который заведует его душевным спокойствием и без которого он почти ни в чем и нигде не обходится.

На одной почти ступени с ним - лицо того же сословия, заведующее раздачею царской милостыни. Думные бояре суть ближайшие советники царя, с которыми он ежедневно совещается и решает дела. За ними следуют, собственно, так называемые бояре или советники царские, число коих неопределенно. Окольничие также находятся на службе близ царя и призываются иногда для совета и для суда. Чаще всего кто-либо из них сопровождает бояр, когда они по службе отправляются с войском, или послов в качестве товарища. Думные дворяне суть остальные советники царя, занимающие места немного пониже. Спальники и постельничие, которые заботятся о царской постели и по двое каждую ночь проводят без сна, стоя на страже перед спальней. Стольники, принадлежащие также к знатнейшему дворянству, живут постоянно в царской столице и прислуживают за столом, особенно в торжественных случаях. Стряпчие суть ближайшие прислужники при спальне, носящие бармы и шапку царя повсюду за ним. Жильцы суть молодые подростки из дворян, которые в разноцветных шелковых одеждах и собольих шубах стоят на виду у всех в передних комнатах с бердышами. Московские дворяне, получая от царя земли или денежное годовое жалованье, живут постоянно в Москве, всегда готовые выступить в поход. Городовые дворяне, на таковом же положении проживая по городам, собираются обыкновенно по приказанию воеводы или наместника в случае войны. Должно упомянуть здесь и о тех двух юношах, князьях, которые в белом одеянии стоят по обеим сторонам царя, когда он сидит на престоле, один из них держит в руках топор или секиру, украшенную слоновой костью, а другой - шестопер или булаву. Начальник конюшни ныне пользуется значением, гораздо меньшим, нежели прежде: в давно прошедшие времена он, в случае бездетности царя, был ближайшим его наследником. Дворецкий боярин, по-простонародному называемый "набольшим в дому", - главный управитель Двора. Оружничий боярин заведует складом оружия и украшениями всего дворца. Комнатным с ключом называется главный прислужник в спальне, хранящий ключ от царского кабинета. Кравчий или, как его называют теперь, маршал подает яства, ловчий - начальник над царскою охотою. Главным церемониймейстером называется из числа сенаторов тот, кто управляет Посольским приказом или канцелярией, где ведаются по большей части дела об иностранцах. Думные дьяки суть придворные секретари, между которыми первое место занимают те, которые заведуют тайным архивом царя, так называемые дьяки тайных дел; дьяки же низшего разряда суть писцы, коих очень много и кои обыкновенно пишут, положив бумагу на колени. За ними следуют по порядку подьячие, т. е. прислуживающие дьякам. Рассказ об остальной, наконец, незнатного происхождения царской прислуге, составляющей длинное приложение ко Двору, и о царских телохранителях я здесь опускаю, так как мне еще представится случай говорить об этом в другом месте.

Глава 15. О самодержавном образе правления царя и его основании

Власть московского царя до того не стеснена никакими законами и до того самоуправна, что справедливо может считаться равною, если не превосходящей, царской власти древних ассирийцев и греков и современных турок, персов и татар. Поэтому-то некий турецкий оратор сказал, что из всех христианских правителей только московский царь один обладает полной и высшею властью над своими: этот варвар, по-видимому, либо по невежеству своему не заметил, а скорее всего не знал того, что гораздо более украшает царей и более священно у христианских царей, именно - их превосходство над прочими. И действительно, царь имеет не только полнейшее право издавать и отменять законы, заключать и нарушать союзы и мирные договоры, назначать и удалять чиновников, уменьшать и увеличивать налоги, но располагает вполне жизнью и смертью своих подданных и их имуществом, так что может, если захочет, отнять у них все состояние и жизнь, не объясняя причин сих действий. Если он иногда совещается о чем-либо с боярами, то он не просит их о согласии, а пользуется их опытностью и покорностью. Поэтому все его подданные открыто признают, что все они целиком и все их имущество принадлежат Богу и царю и прячут все, что у них есть дорогое и ценное, в сундуки или подземелья, дабы другие, увидав, не позавидовали бы, правитель не заподозрил бы, и дабы не привлечь на себя чьей-либо жадности или иную какую опасность. И это одна, между прочим, из главных причин тому, что Москва до сих пор так отвратительно

дика и не отличается красотою своих зданий. Самая же царская власть вполне наследственна и составляет достояние царской семьи, причем всегда наследуют сыновья, старшие или младшие, смотря по желанию родителей. Прочие члены семьи не могут никоим образом, основываясь на близком родстве, захватить себе власть, так как воле умирающего царя предоставляется, следуя весьма похвальному обычаю, передать из рук в руки царский скипетр. Из этой власти проис текают и эти многочисленные и пышные прозвания - великого государя, царя, самодержца, отчича и дедича. Единственная цель, к которой единодушно стремится все русское государство, это - исключительно слава царя, выгода его и благосостояние, которая и достигается крайней суровостью и поддерживается строжайшими законами. Поэтому равным образом и все подданные, дабы знали, что меж ними нет никакого различия друг от друга, никогда не допускаются слишком близко к царю, не пользуются освобождением от повинностей или какими-либо преимуществами, никогда, наконец, не могут разбогатеть. Действительно, относительно московских князей мнение таково, что презренная доступность и обилие средств у знати есть та стена, из-за которой ныне сильные борются с царями, и что обилие преимуществ у немногих есть зловредное семя, повод к соблазну и источник мятежа, и напротив, если народу по милости князя предоставляется одна только цель, достигнуть которой никто не может иначе, как через смирение, то всем дается возможность просто и легко идти по правому пути.

Поэтому цари, дабы лучше обосновать свою власть и вполне обезопасить себя, установили следующие основные законы, сходные с древними спартанскими, а ныне - татарскими. Ибо одинаково с ними они не позволяют своим подданным ни путешествовать, ни вступать в брак с чужеземцами, ни, наконец, заниматься науками и искусствами ради умственного развития и нравственного совершенства; в довершение к сему запрещается еще кому бы то ни было спорить о вере или обращаться с речами к народу в церкви. Итак - священники держат в Московии народ в убеждении, что царь ничего не делает помимо воли Божией, и что повинующийся до конца жизни своей приказаниям царя непременно будет угоден Богу. С той же целью князьям и боярам московским приказано постоянно пребывать во дворце, а члены наиболее влиятельных семей обыкновенно разлучаются или высылаются в отдаленные области под видом оказания им чести. Наконец, справедливость князя в особенности, частая перемена должностных лиц и расположенные по всему государству военные стражи до такой степени хорошо упрочивают московский престол, что всем ясно, в какой степени и Россия опирается на платоновское благоустройство.

Глава 16. О писанных законах и народных собраниях

Первоначально обыкновенно народы во всех вопросах жизни руководились исключительно естественным порядком вещей и общепринятыми обычаями. Такого же порядка придерживались весьма долго и мосхи, но несколько позднее они уже стали излагать письменно свои законы, хотя, кажется, значительная часть их некогда присвоила себе и письмена и законы, письменно изложенные и принятые у готов и древних скифов. По принятии христианства Владимир первый написал кое-какие законы, и с тех пор по мере того, как являлась надобность, вновь составлялись последующими царями новые весьма полезные законы. Из них весьма важны: собрание законов Ивана Васильевича, разбор постановлений Флорентийского собора с строжайшим осуждением Исидора, правила Иоанна митрополита и вопросы некоего Кирилла к Нифонту, епископу Новгородскому.

Все эти отдельные законоположения Алексей Михайлович приказал в 1647 году, значительно добавив, собрать и привести в лучший порядок и напечатать под заглавием Соборное Уложение, т.е. постановления соборов. Здесь все точно изложено: вопросы о вере и о духовных лицах, о судопроизводстве, о должностных лицах, о разграничении земель и о разных сословиях подданных. Что же касается до всенародных собраний, то они у мосхов бывают крайне редко, так как только царь может созвать и распустить такое. Еженедельно, однако, собираются в особую комнату дворца, называемую столы, или даже в церковь несколько думных бояр, патриарх и митрополит с епископами для частного совещания,

причем патриарх крестит лоб и щеки царя, когда тот входит или выходит. Засим, когда у всех их по порядку спрашивают их мнение о предложенном вопросе или, вернее сказать, их совета, то они все полагают на мудрость царя и предоставляют ему полную власть выбрать и решить, как ему угодно как единственному и высшему издателю законов. В сравнении с другими народами мосхи, по правде сказать, немного издали для себя законов, из коих они соблюдают много совершенно не согласных с нашими обычаями, но в силу постоянного применения и привычки строго соблюдаемых, и полагают, что то государство, которое нуждается во многих законах, крайне расстроено.

Глава 17. О союзах

Союзы, необходимые вообще для подкрепления какой бы то ни было власти, московский царь заключает лишь с некоторыми пограничными государями, предпочитая воздерживаться от сношений с более отдаленными, как в этом деле, так почти и во всех остальных. С достопочтеннейшим, впрочем, императором Леопольдом он недавно заключил новый дружественный союз. Да сохранит Господь навеки эту связь двух доблестнейших государей на неоспоримое благо всему христианскому миру! Что же касается до заключенных и соблюдаемых уже несколько лет союзов с англичанами и голландцами, то они касаются исключительно права свободной торговли. Все же остальные священные пункты договоров мосхи, смотря по тому, требует ли того мир или война, спокойно либо твердо соблюдают, либо совершенно нарушают. Из договоров, кажется, никогда ни один не был так долговечен, как заключенный некогда с персами, так как одинаково нежелательное могущество соседей, татар и турок, теснейшим образом связывало стремления тех и других как бы неразрывной связью.

Другой род союза, но не на равных правах, они заключили также с великим китайским ханом ради областей, расположенных по ту сторону Оби, и с этой целью отправляют послов одного за другим в Китай с дарами. Эта во всяком случае многолетняя дружба немало способствует к держанию прочих татарских ханов и мурз между страхом и мирными замыслами. Да наконец, и торговлю-то с Китаем (называемым некоторыми Северным) русские едва ли могли бы вести иным каким-либо способом, если бы они (как это делают персы и другие народы) не открыли себе пути к столь подозрительным и ненавидящим чужеземцев народам под предлогом ввоза даней и подарков. С прочими татарскими мурзами, коих они предпочитают иметь в числе друзей, нежели в числе соседей, нашим мосхам сама необходимость велит заключать союзы. Со шведами и поляками они скорее поддерживают мир, нежели союз, хотя недавно они с весьма похвальным рвением примкнули к полякам против турок.

Впрочем, прочность этой дружбы покоятся на основании довольно сомнительной прочности, так как оба эти народа явно соперничают друг с другом и явно питают ненависть друг к другу. Всякий, однако, союз, заключенный царем с чужеземцами, он обыкновенно скрепляет чрез послов крестным целованием.

Глава 18. О посылке и приеме послов

Никто почти из бывших до него московских царей не посыпал столь много и столь блестящих послов в Азию и по всей Европе, как нынешний царь Алексей Михайлович.

В короткий промежуток времени не только у турок, персов, татар, шведов и поляков, но и у голландцев, англичан, французов, испанцев и у священнейшего императора христианского и многих имперских князей, великого герцога тосканского, в Венецианской республике и даже у самого первосвященника римского он чрез послов, подавая пример необычной вежливости и с целью предложить свои услуги, побывал.

Вследствие этого и мосхи также от весьма многих князей получили уверения в дружбе иуважении.

Они принимают совершенно своеобразно иностранных послов и заботливо отсылают их обратно домой, как можно скорее. Ибо они не терпят постоянных в Москве послов, или резидентов, как их называют, а также и сами не позволяют своим долго оставаться при Дворах других государей, дабы те, вследствие слишком долгого постоянного обращения, не изменились бы и не вносили в отечество новые нравы. Мало того, они и приезжих послов считают как бы честными, явными лазутчиками и законными изменниками своей вере. Посылаемым же ими за пределы государства они постоянно, под угрозою тяжкого наказания, приказывают везде тщательно поддерживать царское достоинство и величие, а также и разузнавать о всех делах до мельчайших подробностей, в течение немногих дней. Во избежание же всякого совращения или подкупа со стороны иноземцев, и дабы посты находились в полной зависимости от царской милости, у них по возвращении домой обыкновенно отбирают подарки, полученные ими за границей, и либо награждают их другими, либо же подвергают наказанию.

Раньше мосхи до того считали себя всячески вправе нарушать почитаемые священными у всех права послов, что Иван Васильевич приказал пробить голову гвоздем некоему татарскому послу, не снявшему шляпы, а другого посла, от римского императора, недостаточно почтительного, отправил в изгнание в холодную Сибирь. (Известно, что отец нынешнего царя поступил таким же образом с неким английским послом.) Послов от держав, не состоящих с ними в дружеских отношениях, русские обыкновенно не допускали даже внутрь государства, а как можно скорее отпускали домой, покончив дело, ради которого те приезжали, чрез посредников на границе. Послы же от дружеских держав, с момента прибытия их к границе России, поступают на полное содержание царя, и их провожают до столицы царства, осыпая всякого рода проявлениями гостеприимства, хотя они часто испытывают завистливое и высокомерное, на словах и на деле, обращение приставов, т. е. чиновников от порубежных воевод. Ибо те стараются последними слезать с коней, выходить из экипажа, сесть повсюду первыми на наиболее почетное место, как можно реже снимать шапку, как можно менее двигаться вперед и по возможности чаще произносить титул царя. Прибыв к первому русскому городу, послы непременно должны некоторое время там пообождать, доколе царь, извещенный об их прибытии, не отпишет, как ему угодно поступить с ними далее; в это время управляющий сею областью воевода редко показывается послам, дабы этим как-нибудь не уронить чести своего государя, а может быть, и для того, чтобы не быть заподозренным в подкупе. Затем они с новым переводчиком и приставом, проезжая по государству, не имеют права идти пешком, ни даже прохаживаться по улицам, лежащим на пути городов, иначе как с согласия и разрешения сопровождающих их приставов и окруженные военною стражею. Приблизясь к Москве, они несколько времени ждут, пока не будет назначен день для торжественного въезда и не явятся новые пристава. Эти с еще большим упорством, нежели прежние, стараются по большей части закрывать послам вид с правой стороны, более по собственной гордости и упорному высокомерию, нежели во исполнение царской воли. Поэтому когда в 1672 году дворянин Адольф Евершильд, мой родственник, будучи послан шведским королем в Москвию, заметил своему приставу, что это крайне неприлично, прибавив, что русские незаслуженно требуют, чтобы им за границею оказывали почести, так как они у себя не оказывают ничего подобного чужестранцам, то царь немедленно велел приставу тотчас же перейти на левую сторону посла. Когда же тот собирался уезжать, то царь, оказал ему многие необычайные знаки расположения, пожелал, чтобы он, окруженный знатными людьми, проехал бы по городу на белых лошадях. Итак, обращаясь к началу рассказа, послы въезжают в город среди многочисленных всадников из знати в роскошных одеждах и между рядами пеших солдат, на длинное расстояние развернутыми, и везут их на царских лошадях в громадный дворец, именуемый дворцом христианских послов. Необычное блестящее торжество это не может не поразить зрителя. Затем они в стенах своего жилища окружаются, как бы в какой осаде, воинскою стражею,

которая никому не позволяет входить к ним, кроме посланных царем, и никуда наружу не выпускает кого бы то ни было из посольских слуг, дабы как-нибудь не представилась им возможность подкупить московских чиновников деньгами или подарками, или кто-либо не узнал о том, что поручено послам, раньше царя. Впрочем, мосхи поступают так, прикрывая это видом почета и заботы о безопасности. Меж тем послам щедрою рукою отпускается все необходимое для существования, так чтобы им, сколько времени они бы не прожили в Москве, не было бы надобности тратиться самим на что-либо, кроме подарков.

Когда же, наконец, послы отправляются во дворец для изложения пред царем своих поручений, то снова до ворот дворца им предшествует многочисленный отряд всадников, великолепно убранных, несколько рот пехоты, а также и большие пушки, везомые в несколько длинных рядов. Впереди пешком несут подарки царю, каждый подарок особо. Впоследствии их по приказанию царя точно оценивают серебряных дел мастера и купцы, дабы царь мог через это равномернее отдарить стоящими столько же. При этом некоторые из более почетных членов посольства обыкновенно также выставляют, таким же способом, свои незначительные дары царю с целью получить таким тайным путем наживы более ценные. Русские заметили это, наконец, и в бытность нашу возвратили некоторым из состоявших при посольстве их подарки с изрядною некою придачею. Пройдя ворота, христиане входят далее во внутренние покои иною дверью, нежели магометане и язычники, сквозь тесную стражу телохранителей: тут важно сидят много внушительного вида пожилых мужей, занимающих различные должности при царе, в высоких башнеподобных шапках и великолепных, золотом расшитых, одеждах. Каждый раз как послы входили в какую-либо комнату, двери за ними запирались, пока наконец, пройдя их несколько и сняв предварительно с себя шпаги, они предстали перед царем, сидящим на пышном троне; перед ним стоял длинный ряд бояр в замечательно роскошных одеждах. Позади царя стояли два молодых спальника в одеждах из серебряной парчи, в высочайших шапках, сшитых из белых лисьих шкур: один держал в руке секиру, а другой - булаву. Послы пожелали царю от имени своего государя здоровья и передали привезенные ими грамоты, причем вкратце изложили предмет своего посольства, после чего поцеловали у царя руку, которую в прежние времена цари имели обыкновение обмывать после сего, считая всякое прикосновение со стороны иноверцев осквернительным. Затем царь с своей стороны спрашивал чрез так называемого думного дьяка о здоровье иноземного государя и обыкновенно откладывал дело до дальнейшего рассмотрения, а пока приглашал послов к обеду, изобильно в их помещении приготовленному. Если же послам доводилось обедать вместе с царем, то они сидели за столами, немного пониже. Царь, одетый по большей части в белую одежду (что служит знаком расположения), предлагал каждому из них кубки с пенящимся вином и пил даже сам вино в честь и во здравие их государя, своего друга. Переговоры о мире или войне ведут с послами несколько на то избранных бояр, а царь очень часто слушает их из соседнего тайника. Тотчас же после первого приема (так называемой аудиенции) послам и их слугам дозволяется, однако в сопровождении военной стражи, походить по городу, разрешается также и посторонним приходить к ним, объявив предварительно страже свое имя и причину прихода. В числе таковых весьма часто посещают приезжих знатные, подученные лица и, беседуя о разных обстоятельствах русских, представляют все в превосходном виде и сообщают все, что угодно, кроме истины. Поэтому большинство из побывавших в России привозят с собой поверхностные сведения и общераспространенные басни об этом государстве, так как в тайны московские им не удается проникнуть вполне удовлетворительно никоими, даже окольными, путями.

Глава 19. О царской казне и отдельных его доходах

Долгое время московиты славились между многими другими народами добровольною бедностью и простотою образа жизни, но потом ими также овладели жажда золота и неудержимая страсть к стяжанию, и они начали насильно отнимать чужое имущество, чеканить монету и собирать сокровища. А так как все право и власть над подданными

принадлежат в настоящие времена князю, то все богатства стекаются к нему одному, так что московский царь справедливо считается одним из богатейших правителей на свете, так как ежегодный его доход, по достоверному счету, в общей сложности значительно превышает два миллиона рублей или венгерских червонцев; один архангельский порт, говорят, доставляет ежегодно 300000 червонцев. Большая часть этих денег идет на расходы по содержанию Двора, на потребности государства и благоустройство Сибири в особенности и других восточных областей. Остальная же часть идет либо на приобретение драгоценных вещей, либо вносится на хранение в казначейство, так что доходов гораздо более, нежели необходимых расходов. Не упоминая здесь вторично о тех поражавших своим количеством богатствах, собранных на Белоцерковном острове, при чем столько областей и городов подвергались кровопролитному разорению, и ныне уже истраченных, я не нахожу нужным, однако, скрывать, что таково же, а может быть, и еще больше, богатство нынешнего царя. Часть его сокровищ хранится в так называемой Золотой палате, где возвышаются в порядке расположенные груды драгоценных камней и жемчуга, причем ежедневно несколько искуснейших золотых дел мастеров и других художников заботливо их перечищают и тем увеличивают их ценность.

Источники доходов крайне разнообразны и почти бесчисленны. Из наследственных дворцовых поместий, называемых оброчными вотчинами, которые занимают около половины всего государства (другая половина распределена между духовенством и знатью), доставляется царю не только хлеб, мед, скот и многое другое в этом же роде, но и громадное количество чеканной монеты. Из повинностей, которые он единолично по желанию то увеличивает, то уменьшает, две в особенности приносят царю доход -

тягло, взимаемое по всему государству с каждого четверика муки, и

подать - т. е. ежегодный взнос, уплачиваемый всеми подданными без исключения, смотря по величине состояния, хотя в столь обширном государстве гораздо более денег собирается от пошлин портовых и так называемых конфискованных товаров.

В немалой степени заменяют сокровища и дорогие разного рода меха, которые, как бы по недостатку денег, одинаково служат вместо денег как во внутренней, так и во внешней торговле, так что знаменитый французский географ Сансон и многие другие, кажется, весьма удачно думали видеть в этих мехах золотое руно аргонавтов, ибо и Фазис, ныне называемый Фассом, в соседней с русскими Колхиде, славился некогда как всемирный рынок, да и Севастианополь в той же Грузии, в котором обыкновенно собирались единовременно 300 народов с севера ради торговых целей, пользовался не меньшою известностью. Мало того, и тут и там упоминаются, между прочими товарами, особенно меха, которые тогда необходимо было доставлять туда, главным образом, из московских земель в громадном количестве. Затем с кабаков, т. е. питейных домов, в которых по всему государству исключительно один лишь царь продает пиво, мед и водку, получается такой доход, что трудно даже сказать. Не меньший ежедневный доход доставляют и общественные бани, которые также он один повсюду содержит, так как частое купанье стало у московян не только обычаем, но даже законом, так что каждый из них посещает баню, по крайней мере, раза два-три в неделю. Но еще более барышей получается с постоянного преимущественного права торговать всякого рода товаром и в присущем царю праве первому покупать и продавать. То, что казна получает также и половину взысканий по уголовным делам, и десятую часть по всем прочим судебным делам, от продажи лошадей, из Татарии выведенных, и наконец, указ, которым запрещается не ввоз в государство, а вывоз из него денег, - все это приносит громадный доход. Наконец, даже и имущество частных лиц царь в случае крайней нужды считает себя более, чем другие владельцы, вправе отдать на общественную пользу.

Наш Алексей, однако, до сей поры совершенно справедливо не решался на это и, дабы показать свое милостивое отношение к подданным, решил, что достаточно в военное время взимать десятину, т. е. только десятую часть с доходов имущества по строгой оценке, тогда

как отец его Михаил повелел платить себе пятину, т.е. пятую часть.

Глава 20. О некоторых должностных лицах

Хотя обязанности должностных лиц у московов носят почти одинаковые названия, как и в Польше, однако в самом отправлении большей части их видна с той и другой стороны разница. У поляков все направлено к свободе знати, в Московии же, вообще говоря, все находится в жалком, рабском подчинении. Некоторые высшие должности, когда-то обладавшие некоторым подобием свободы, либо совершенно отменены царями, или же власть и могущество их до того ограничены, что даже сами бояре, именовавшиеся правителями государства, ныне едва-едва могут считаться наравне с частными, простыми советниками. Но, кажется, многих (я далек от того, чтобы сказать "всех") одновременно с их обессилием одолело сильное любостяжение, которым они, хоть отчасти, удовлетворяют если не честолюбию своему, то жадности. Так сильно господствуют ныне обман, подкуп, до того стало обычным развращать и развращаться! Из числа знатных должностных лиц воеводы или наместники получают в управление ту или другую область, приблизительно на три года. Они, хотя и являются представителями и подражателями царя, очень ограничены в своей власти. Они обязаны наиболее важные дела представлять на разбирательство царю и не могут лишить кого-либо жизни, не донеся сперва об этом в Москву. В остальном они отправляют правосудие более свободно, но так, однако, что никогда не забывают себя, изменнически выговаривая себе за разбор дела, так как они не получают от царя никакого годового жалованья, кроме взысканной с преступников пени. При отъезде на воеводство царь обыкновенно вручает им жезл, в знак власти, а может быть, и в виде напоминания о предстоящем наказании, ибо они легко лишаются не только своего сана и свободы, но, в виде роковой отмечки, и жизни, как только возникает малейшее подозрение или жалоба на дурное ведение ими дел. Раньше они должны были оставлять жен и детей в Москве, дабы царь мог оказывать им большее доверие, ныне же вместе с ними отправляются в области, в качестве спутников, послы и дьяки, дабы взаимный страх и деятельное соревнование могущественное удерживали каждого из них от несправедливых поступков.

Глава 21. О приказах, или присутственных местах

Дабы в столь обширном государстве отдельные дела велись более подобающим образом и в большем порядке, мосхи препоручили много присутственных мест, в простонародье называемых приказами или канцеляриями, почти бесчисленному количеству дьяков или писцов для тщательного ведения. Из них следующие четыре почитаются как бы главенствующими между остальными.

Посольская четверть, где ведутся дела с чужеземными государями, послами и даже купцами-иностранными, в котором в наше время с великою славою председательствовал Артамон Сергеевич.

Разрядная четверть, где ведутся записи о состоянии бояр и дворян и их служб, а также отмечаются мирные и военные приобретения и потери и владения всего государства. Из него же получают предписание отправляться и наказ воеводы пред отъездом их в области и царства.

Поместная четверть ведет список поместьям, пожалованным от царя за заслуги, и разбирает споры, возникшие из-за купли, продажи и наследства.

Казанский и Сибирский дворец ведает дела Казанского, Астраханского и Сибирского царств, богатый доход от мехов и благоустройство ненаселенных стран, число коих с каждым днем увеличивается. Эти присутственные места, в совокупности взятые (если прибавить к ним еще три главнейших вышеназванных), соответствуют вполне семеричному сенату в Китае - мало того, если кто внимательно присмотрится к сути дела, то увидит бесконечное количество

китайских обычаях у московичей, чему, кажется, причина двойная: та, что весьма многие обычаяи всех азиатских народов схожи между собой, и та, что многие обычаяи были переняты русскими у татар, которые одинаково владычествовали над китайцами и над Москвией.

За этими приказами следует большое количество таковых же, приблизительно в следующем порядке:

Дворцовый приказ - обсуждает дела, вообще касающиеся дворца,

Иноземский - распоряжается иностранцами, служащими в военной службе, и другими, кои почему-либо не подчинены другим приказам.

Рейтарский

- заведует конницей, набранной большою частью из туземцев дворян, и уплачивает им жалованье.

Большой приход, куда сборщики или гости представляют отчеты о доходах с пошлин в гаванях и т.п., где устанавливаются цены, вес и мера и уплачивается месячное и годичное жалованье многим служащим.

Судный володимирский приказ, который бояре считают своим исключительным судилищем по древним установлениям.

Судный московский, куда призываются на суд стольники, стряпчие и прочие придворные служащие и граждане.

Разбойный - судит разбойников, воров и всякого рода преступников, подвергает их пытке и постановляет приговор сообразно с преступлениями.

Пушкарский - заведует литейщиками колоколов и пушек для войны, кузнецами и всеми мастерами, изготавляющими что нужно для вооружения, заготовляет вперед все необходимое и заботится вообще о военных снарядах-

Ямской, откуда по приказанию царя быстро рассылаются по всем направлениям гонцы, скороходы и ямщики, что весьма схоже с древнеперсидскими ангарами.

Челобитный

- принимает письменные прошения и возвращает их с надписанным решением.

Земской, куда жители города Москвы отправляются на суд, где утверждаются купчие и другие договоры, а также принимаются пошлины с домов, застав, мостов и т.п.

Холопий

- заботится о рабах, записывает имена тех, которые отдают самих себя на известное время, или совсем продающихся другим в рабство, что у русских называется кабалою.

Большой красный - в котором хранится царская казна, излишок доходов, золотая и серебряная парчи, шелковые ткани, разного рода одежды, ковры и дорогие палатки.

Казенный - ведает дела, касающиеся торговли, откупщиков и купцов из туземцев и, в особенности, тех, кто заключает какой-либо договор с царем.

Монастырский - чинит суд над священниками, монахами и всем духовенством в светских делах.

Каменный

- которому подчинены мастера, плотники и каменщики и все, что касается городских построек, и который доставляет гражданам необходимое количество леса, железа и камня.

Новгородский - ведает дела и доходы того и другого Новгорода-

Галицкий - куда направляются дела по правовым и судебным вопросам Галиции, бывшей некогда царством.

Новый - куда все питейные дома, продающие водку, пиво и мед, представляют свои отчеты и вырученные деньги и откуда им отпускаются напитки-

Костромской - который разбирает дела Устюжской и Холмогорской областей.

Золотой и Алмазный, или Златая храмина, в котором хранятся сокровища царя, сосуды и украшения из золота и серебра и громадное количество драгоценных камней. Во время нашего пребывания в Москве царь к этим сокровищам присоединил еще один алмаз необыкновенной величины, вывезенный из Восточной Тартарии, и стоимость которого торговцы с трудом могли определить.

Ружейный

, в котором изготавливается и хранится всякое оружие, знамена и все прочее, необходимое для пышных военных торжеств.

Аптекарский

, в котором собираются для исполнения своих обязанностей царские лекари, хирурги и аптекари.

Таможенный, где собирается пошлина с разных товаров в городе Москве, и который ежегодно дает об этом отчет приказу Большого прихода.

Сбора десятой деньги, в котором производится сбор десятой деньги с имущества на необходимые военные издержки.

Сыскной, наконец, разбирает новые тяжбы, в точности не подходящие ни к какому иному приказу. Но, кроме этих приказов, есть еще несколько, менее важных, во-первых, по военным делам, а также и те три, которыми заведует патриарх и которые мы опишем несколько ниже. По приведенным же образцам правления управляются и все остальные русские царства и области.

Глава 22. О разборе тяжб

Московия, по счастию, до сей поры не знает того, что у нас вошло в общезвестную поговорку, именно, что богатство, жизнь и вера, по большей части, находятся в руках лиц, которым бы никогда не следовало их поручать. Действительно, мосхи не вверяют своей жизни лекарям, которых, за исключением дворца, нигде нет во всем государстве. Не позволяют они своим богословам терзать веру упорными, как какая болезнь, и неразумными спорами: собираться и рассуждать как бы то ни было о вере считается преступлением, достойным казни. Не допускают они, наконец, и того, чтобы ходатаи по делам (которых они никак не терпят) обращались бы легкомысленно с законными правами и имуществом граждан в бесконечных тяжбах (что почти во всей Европе служит основанием великого бедствия).

У мосхов, действительно, без всякой лишней траты слов и времени, так как никакие споры законников не допускаются, в час времени разбираются запутнейшие жалобы и тяжбы,

которые в другой стране тянулись бы целое столетие.

Самые места для судебного производства распределены в городах так, что менее важные недоразумения и споры представляются на суд губных и сотских старост, стоящих во главе своих сотен, более важные - воеводам, наиважнейшие - царю. Порядок так называемого судебного действия установлен следующий, без всяких бесполезных длинных, с той и другой стороны, красноречивых обсуждений: истец, в письменной просьбе, излагает начальнику, которому подлежит спорное дело, кратко, кем и на сколько он обижен и, получив выпись, т. е. разрешение, немедленно приводит через приставов обвиняемого. Засим каждый из них (уплатив прежде поруку, т. е. верное обеспечение, если дело того требует) отстаивает свое дело без заместителей и перед судьей, на окончательном решении которого они безусловно успокаиваются. Если, по случаю дальности расстояний или по какой-либо другой причине, дело не может быть кончено с первого же собрания, то дается некоторый добавочный срок для защиты, по истечении которого дело прекращается бесповоротным решением.

Если дело не может быть разъяснено свидетелями или иными доказательствами, то оно решается присягою и крестным целованием. Если же не успокоятся на этих способах доказательства, то каждой из тяжущихся сторон предоставляется позвать на кнут, т.е. к доказательству посредством сего ужасного орудия, однако с тем, что она уплачивает противнику, выдержавшему это истязание и ни в чем не сознавшемуся, по справедливости, большое денежное вознаграждение за перенесенную терпеливо боль или же получает столько же ударов кнутом, чем дело тотчас же и кончается.

В древности, если обвиняемый опровергал на суде свидетелей истца, то, по указу царя Ивана Васильевича, дело решалось в открытом поле поединком. За исключением лука разрешалось биться всякого рода оружием, причем с обеих сторон стояли друзья тяжущихся с дубинами, дабы все происходило правильнее. Ныне этот способ решения тяжб очень мало применяется, ибо считается недостаточно справедливым. А для того, чтобы сильнее уменьшить общераспространенные пагубнейшие ссоры, начальствующие лица учредили присяжных надзирателей, которые, как и восприемники при св. крещении, клятвенно обязаны строго сдерживать всех прочих, а также тщательно записывать имена тех, кто чаще тягается и кто в каком преступлении был найден виновным. Дабы легче можно было отличить беспокойных и испорченных людей, они обязывают их дать поруку в том, что они обижать не будут. И если кому-нибудь неожиданно приключится какая-либо неприятность, и виновник ее не будет известен, то предают жестокой пытке того, со стороны которого он когда-то опасался обиды и заявил о том судье.

Глава 23. О разного рода судебных допросах, наказаниях и казнях

Не упоминая здесь, из воспоминаний о давно былом, о тех жесточайших казнях, которыми русские внушали отвращение к себе во времена язычества, я не могу достаточно подивиться тому, что, будучи уже озарены светом христианского закона, они все еще некоторое время были столь бесчеловечны. Всякому, пишущему об них, поэтому приходится сознаваться в своем сомнении: бесчеловечность ли эта народа выработала жестокихластителей, или же народ стал столь жестоким и бесчеловечным чрез жестокосердие своих властителей? Действительно, повторяются ведь вновь, одна за другой, и некоторые государственные болезни, благодаря тому, что их нельзя ни вылечь, ни вырезать. Не станет также никто легкомысленно обвинять и властителя в чрезмерной строгости законов, так как законы должны соответствовать духу народа. А московские племена, будучи, действительно, за отсутствием у них мира и за непроцветанием у них наук совершенно неразвитыми, а скорее одичалыми, благодаря постоянным войнам, поглязли посему сыздавна в ужаснейших преступлениях, не только кражах и убийствах, но безбоязненно совершали даже многое такое, чего нельзя и назвать честному человеку, - так бесчестно оно - и вполне, кажется, заслужили страдать от суровых властителей. Зачастую, правда, их властители были более жестоки, чем по справедливости следовало бы, вроде знаменитого всякими гнусными

пороками обезображеного Нерона, который считал, что лишать жизни посредством вскрытия жил не столь справедливо, полезно и необходимо, сколь приятно, и убивал даже невинных, ради своего удовольствия.

О тогдашнем времени некто выразился, нисколько не преувеличивая, таким образом: в Москве людей убивают легче, нежели в других странах собак. Но царь Иван Васильевич вовсе не злоупотреблял казнями или, вернее, жестокостью своею, как говорили. Ибо когда он приказал некоему немцу, живущему в Москве, сказать, как отзываются о нем чужеземные властители, и этот (хотя и отговаривался долго, из страха, незнанием), получив, наконец, от царя обещание в безнаказанности, что бы он ни сказал, объявил: "Ты слышешь у всех чужестранцев за тирана", - то Иван Васильевич отвечал, что они ошибаются, не зная в точности обстоятельств, ибо, говоря о положении других, имеют в виду лишь свое собственное: те, де, повелевають людям, а он - скотам. Но несправедливо было бы, по моему мнению, умолчать о том, что в царствование кротчайшего Алексея ничего подобного уже мосхи не боятся, разве что как-нибудь наитягчайшими преступлениями они навлекут на себя наказание построже, ибо на случай таковых в России существуют еще и поныне сильнейшие наказания и пытки.

Между орудиями пытки, служащими обыкновенно для выведывания истины или для наказания, кроме дыбы, употребляемой также и в других странах, необходимо упомянуть о знаменитом смертоносном орудии - кнуте, т.е. широком ремне, проваренном в молоке, дабы удары им были бы более люты. Палач бьет им по обнаженной спине наказуемого, которого его помощник держит за руки у себя за плечами в висячем положении, причем судья при каждом ударе восклицает: "Скажи", т. е. "признавайся". Бывают еще сих несчастных некими плетеными из гибкого дерева жгутами, называемыми батогами (ими наказывают иногда и за незначительные проступки), по способу, несомненно заимствованному от евреев. Растворив преступника на земле и раздев его до рубашки, два заплечных мастера садятся, один в головах, а другой на ноги, и попеременно колотят его по спине своими палками; мало того, некоторых за более тяжкие преступления они бьют этими же дубинками по животу, пока они не испустят духа. Это наказание, вызывая под кожное нагноение, несравненно более жестоко, нежели кто-либо думает. Засим они подвергают других смертоносному копчению, т. е. жгут их на медленном огне, другим крайне мучительно проводят по телу, что крайне больно на ощущение, раскаленным добела железом, иных, наконец, посредством ледяной воды, падающей каплями на бритое темя, приводят в такое исступление, что они, не вынося невообразимой боли, лишаются жизни и рассудка, отрекаясь иногда даже от Бога.

Применяют они различного рода наказания и казни во многих случаях также совершенно иначе, чем у нас. Кнут и дубины, о которых я выше упомянул, общеупотребительны и знакомы даже боярам. Так, несколько лет тому назад покойная царица приказала всенародно наказать одного боярина знаменитым ужасным кнутом за то, что он изнасиловал сенную девушку; не говорю уже, как бы с намерением, о некоторых, недавно тем же награжденных. У них именно существует торжественный обычай называть наказанье, как бы жестоко оно ни было, царской милостью, и, отбыв его, они благодарят за него царя, судью и господина, кланяясь до земли. Впрочем, в настоящее время большая часть преступников, коих ныне насчитывается десять тысяч во всей России, на всю жизнь заключаются в темницы, судилища и башни или же отправляются в Сибирь в изгнание, с большими казенными издержками, где одни из них определяются в военную службу, другим поручается охота на соболей и обрабатывание почвы, и откуда они по большей части, если получат прощение от царя, возвращаются к себе гораздо более богатыми. Ибо при уходе оттуда им разрешается взять с собою столько собольих шкурок, сколько они могут обернуть вокруг тела вместо одежды; в Москве же они продают их с громадным барышом.

Положение должников в Москве в высшей степени плачевно, так как они по старинному суровому закону расплачиваются своим телом за пустоту в кошельке. Одним, отягченным цепями и замурованным в темницах, через каждые два дня напоминают имена тех, которым

они не смогли заплатить, посредством докучливой ругательницы-палки, бьющей по голеням, другие, коим дана законная отсрочка, находятся на полной свободе и занимаются своими домашними делами, но являются сами в назначенные сроки к судье и расплачиваются тем же способом, т. е. терпеливо принимают побои. Это мучение продолжается либо до конца жизни должников, либо до окончания определенного судьей срока.

Женщины, обвиненные в убийстве мужей, также лишаются жизни различными способами, но наиболее употребляемый - это зарывание живыми в землю. Мы видели в Москве поистине потрясающую картину: двух таких мужеубийц, закопанных по шею в земле, коим днем священники читали молитвы и утешения, зажегши вокруг этих живых покойниц восковые свечи, на ночь ожидала другая стража. Проведя три дня в своих могилах, эти живые покойницы, благодаря просьбам царицы, накануне смерти, вернулись к жизни и почти совершенно здоровые поступили в монастырь.

Тех, которые возбуждают какие-либо сомнения относительно веры, заключают в небольшие деревянные домики и сжигают живыми и выглядывающими оттуда. К прочим преступникам применяются: виселица, кол, колесование, топоры, а также иные новые способы умерщвления. Ужасный образец необыкновенного рода казни мы видели в Москве примененным к Стеньке, т. е. Степану Разину, взбунтовавшемуся казаку. Этого изменника ввезли в город прикованным цепями к виселице, на возвышении, точно в триумфальной колеснице, так, чтобы все его видели. За колесницей следовали беспорядочной толпой солдаты и пленники, улицы все были заполнены невероятным количеством зрителей, которых отовсюду привлекло из домов, одних - необыкновенное зрелище или негодование, а многих даже и сожаление. В темнице его били кнутом, жгли огнем, капали ледяную воду на голову и подвергали еще многим другим утонченным пыткам. Тело его было уже все изъязвлено, так что удары кнута падали на обнаженные кости, а он все-таки так пренебрегал ими, что не только не кричал, но даже не стонал и упрекал брата, разделявшего с ним страдания и менее выносливого, в малодушии и изнеженности. Когда, наконец, они на четвертый день прибыли оба на место казни, то последний, пообещав указать царю клад, зарытый им где-то вместе с братом, Стенькою, и которого, де, никто не найдет, если он его не укажет, получил взамен смерти пожизненное заключение в темнице. А Стенька, выслушав сперва длинный перечень своих преступлений и смертный приговор, во всеуслышание объявленный судьею, перекрестился, лег на смертную плаху и, последовательно, был лишен правой и левой рук и ног и, наконец, головы.

Вот, точно, как погиб медленною смертью, чтобы он чувствовал, что умирает по заслугам, тот, который незадолго до сего внезапно перебил много тысяч людей. Части трупа были затем выставлены на высоких шестах, а торс валялся на земле. А дабы предупредить волнения, которых царь опасался со стороны уцелевших случайно заговорщиков, площадь, на которой преступник понес свое наказание, была по приказанию царя окружена тройным рядом преданнейших солдат, и только иностранцы допускались в средину огороженного места, а на перекрестках по всему городу стояли отряды войск.

Книга третья

Сословие подданных и нравы

Глава 1. О многочисленности народонаселения

Всем в достаточной степени, и даже более, известно, как много разноименных народностей и сколь обширные пространства пространных областей заключает в себе Московское государство. Нельзя, однако, скрывать и того, что количество обитателей гораздо меньше, в

сравнении с этим большим количеством земли, ибо оно, во-первых, также покрыто крайне густыми лесами, рядом непроходимых болот по направлению к востоку, незаселенными равнинами и ледяными пустынями на севере. Мало того: многие места наводят тоску своим необработанным видом и поныне, вследствие постоянных боевых схваток и гибельных набегов татар, а в особенности вследствие многократных грабежей и уводов людей в рабство и чумы, которая во времена Дмитриев гибельно свирепствовала. Если духовенство обладает третьею частью поверхности всего государства, то монастыри, в свою очередь, отнимают немалое количество людей от общества. Немало способствовали малочисленности жителей также и до сей поры еще не достаточно правильно установленные внешние сношения и строжайшее изгнание чужестранцев, хотя в настоящее время по всей Московии, говорят, рассеяно, кроме поляков и греков, около восемнадцати тысяч немцев. Весьма значительную часть людей отнимают стражи, повсюду от набегов многочисленных злейших врагов расположенные, а также и те громадные колонии, которые царь с достойной столи величества заботливостью посыпает в Сибирь и другие, еще более отдаленные места, освободившиеся в последнее время вследствие ухода татар. Это дело и поныне ведется с таким усердием, что не так давно мосхи предложили духовенству на обсуждение вопрос: можно ли, не преступая христианской веры, разрешить колонистам в Сибири сожительство с двумя женами одновременно? Духовенство, однако, взвесив тщательно всякие доводы, сочло это никоим образом не благоразумным. Как бы то ни было, все-таки, кажется, число жителей в Московии достаточно велико, ибо они без всякого затруднения по первому же призыву могут вывести в поле триста тысяч солдат. Одних татар у них находится под властью более двенадцати орд, или племен, значительно различающихся по языку даже между собою. Что столько же и различных наречий существует у столи же многочисленных народностей московских - это недавно неосновательно выдумано неким французом. Правда, Пермь, Устюг, Печора, Обдория, Мордва и Югория (от которых происходит народ и язык венгерский) и другие некоторые области имели некогда каждая свое особое наречие, подобно тому как и ныне мосхам подвластные татары и лапландцы, хотя даже и последние так начали учиться русскому языку, что забывают мало-помалу родной. Так как царь прилагает всяческое старание к установлению одного языка, то и общераспространенная о русских поговорка (един царь, едина одежда, едина вера, одни деньги и один язык) в высшей степени, кажется, справедлива.

Глава 2. О боярах и знатных людях

Вследствие того что царь пользуется высшей и снисходительной властью над подчиненными, права дворян и народа почти одинаковы. Все зовут себя его рабами и смиренно прикрепленными к земле. Длинные родословные записи не выставляются ими ни в домах, ни снаружи; им даже не дозволяется иначе, как по особой милости, иметь у себя дома изображение царя. С пользою для себя никто в Московии не выставляет заботливо древность своего происхождения, ибо самый последний в роде легко может достигнуть высших, каких только пожелает, почестей, если проявит особые достоинства, по одному исключительно решению царя, не прибегая к происхождению или покровителям. Впрочем, в частном кругу, а особенно в глубине души, они гордятся длинным рядом знатных предков, если таковой у них есть, усердно справляются о том даже у иностранцев и превозносят их хвалами. Поэтому занятие торговлею или какими-либо иными пристойными ремеслами дворяне почитают ниже своего достоинства. Так как их имущество и земельные владения, как наследственные, так и в новейшее время государем пожалованные и составляющие третью часть государства, оцениваются точно так же, как и прочие, то ежегодные подати и налоги платят все одинаково, все одинаково поставляют для войны, каждый смотря по своему состоянию, солдат, иногда даже и сами бывают обязаны двинуться в поход. Царь предоставил им только право завещания, дабы они не умирали совсем как бесправные, и право суда в так называемых гражданских делах над своими рабами, но, впрочем, до известной степени ограниченное. Право ловить рыбу и охотиться на дичь дано немногим, но преследовать хищных зверей могут одинаково все. В остальном дворяне не пользуются никакими, хотя бы малейшими,

преимуществами, кроме разве того, что держат многочисленную прислугу, носят более пышную одежду, нежели прочие граждане, да еще то, что слуга, когда они едут верхом по городу, несет впереди кожаный чапрак, или когда они едут в санях, то кругом них стоят торжественности ради несколько слуг.

Обыкновенно дворяне подразделяются на следующие: князья, называемые также и удельными, т. е. особо стоящими, ведущие свой род по большей части от старинных московских мелких князей, но утратившие прежнее богатство и могущество. Они служат ныне царю совершенно наравне с другими. Бояре - советники, сидящие также выше и ниже: первые участвуют в тайных совещаниях царя, вторые - почти что носят только название этой должности. Сыны боярские, т. е. дети и внуки бояр, занимают частью разные должности при Дворе или же в областях в военное и мирное время, частью же служат за жалованье у царя во время войны. Они-то собственно и носят название дворян, или придворных солдат. Все они в знак своего дворянского достоинства по вошедшему в общее употребление привычке оканчивают последний слог своего проименования не на "ов", как прочие граждане, а на "вич". Это проименование есть только "отчество", хотя некоторые более древние роды имеют, кроме него, еще и другие прозвания. Но в письменных прошениях, назначаемых ими для подачи царю, они ради большей почтительности подписываются собственными уменьшительными именами, признавая себя вполне зависящими от согласия или отказа его одного.

В наше время из знатнейших дворянских родов выдавались следующие: князь Юрий Ромодановский, князь Воротынский, князь Яков Синкелевич Черкасский, Милославский, Проскуров, Кирилла Полуэктович, тесть царя, Артамон Сергеевич, Салтыков, Богдан Матвеевич, Куденетович, Морозов, Собакин, Колесов, Хитров, Хованский, Нащокин, происходивший из нашей Курляндии, из старинного рода фон Сакен, и Долгорукий, главный начальник над войсками. Название это дано было роду следующим, как рассказывают, поистине удивительным образом: царь Иван Васильевич отправился как-то ночью, переодевшись в чужое простое платье, с целью лично, будучи неузнаваемым, выведать мнение приближенных к нему лиц, и нечаянно попал в какой-то гнусный притон воров. Обходясь с ними по дружески, он (сам царь) стал отпускать на счет царя непристойные шутки. Одному из воров эти его остроты не понравились, и он закатил злословящему увесистую пощечину. Иван Васильевич, столь тяжко проученный за свою отвагу, благоразумно поспешил домой и велел тотчас же схватить этих воров. На другой день он их, заключенных в темнице, поодиночке осмотрел и, узнав своего вчерашнего наставника, промолвил: "Долга поистине у тебя рука, что достал вчера вечером до главы царя твоего и дал ему пощечину. Не падай, впрочем, духом! Повелеваю - да будет навсегда имя тебе и твоему потомству - Долгорукие". После сего он его возвел в дворянское звание, пожаловал богатства и осипал почестями. Не менее достойный удивления случай положил начало знаменитому роду Дохтуровых, принадлежащему к наиболее выдающимся в Москве. Некий лекарь, из немцев, при Дворе царя, собрал несметные богатства и пожелал вернуться на родину, дабы спокойно наслаждаться ими. Когда царь через доносчиков узнал об этом, то пожелал воспрепятствовать его отъезду, упредив его законом, и издал следующий указ: если он хочет уезжать, то пусть оставит в Москве либо все свои богатства, либо одного из сыновей заложником. А так как тот, стремясь к богатству и отдыху, продолжал настаивать на выезде из России, то и предпочел оставить царю сына, который и был воспитан по-московски при царском Дворе, достиг впоследствии высших почестей и стал основателем нового, далеко не бесславного рода.

Глава 3. О войске и способе ведения войны

Об отважных деяниях русских подробно и последовательно рассказывают не только их собственные, но и иноземные летописи, и, действительно, они совершенно справедливо приравнивают своих героев и героинь, принадлежащих, вообще говоря, к невоинственному полу, к наиболее прославившимся у других народов. Это как нельзя более ясно доказали

Визинни, Владимиры, Василии, Иваны и другие, отличавшиеся богатырским сложением тела и отважным духом мужи и те знаменитые покорительницы мужей, мужеподобные амазонки, Ольги и другие женщины давно прошедших времен. Я не буду говорить здесь о давних, равно как и о новейших военных походах русских против отдаленных скифов, литовцев, поляков, турок, шведов, греков, римлян и других народов, в которых они всегда сражались весьма храбро. Поистине, они, нисколько не ставши менее отважными, и по сию пору так усердно поддерживают войною свою прежнюю славу, что, кажется, питаются боевыми стычками и более занимаются суровыми военными делами, нежели златоносными мирными занятиями. Не вполне, действительно, успокоились еще они после последних волнений, и не достаточно еще побежденные дикие татары и казаки, прославившиеся чуть не ежегодными возмущениями, предались мирным занятиям и образу жизни, так что Московское государство может скорее пострадать от мирного положения, нежели от военного. При таких обстоятельствах русские даже в мирное время содержат более 100000 войска. Большая часть его несет службу в пограничных городах в виде охраны, много войска расположено постоянными лагерями на границах. Пятнадцать тысяч из них, называемые опричниками, отправляют караульную службу в Москве, охраняя царя. Почти все они женаты, и дети, рожденные ими, получают от царя ежегодно вс помоществование, дабы воспитанные, таким образом, наставлениями и примером отцов молодые солдаты со временем могли бы заменить стариков.

Главная сила русских заключается в пехоте и, совершенно справедливо, может быть уподоблена турецким янычарам. Солдаты женятся, более, впрочем, по приказанию царя, нежели по собственному желанию, и, будучи посланы в отдаленные и незаселенные области, не только несут там охранную службу, но и основывают там поселения по образцу римских военных поселенцев. Кроме них, почти постоянно пребывают в Москве много отрядов той могущественной конницы, состоящей из дворян, которая по одному знаку царя может выставить более 100000 вооруженных, а равно и большие и средние дворяне, а также и дети, т. е. сыновья, боярские и жильцы, которых можно уподобить турецким тимариотам. К ним присоединяются, засим, и те весьма значительные отряды, которые обыкновенно составляются духовенством и боярами из их рабов. Дворяне, впрочем, особенно более богатые, в случае войны, во избежание военных тягостей под благовидным предлогом ссылаются по большей части на мнимую болезнь, но тщетно: ибо царь поручает все дело придворным лекарям, честность коих никакими никто подарками не может подкупить, пусть-де они решают - пригоден ли такой-то или нет. Третий род войска - двоякосражающиеся, обучены по немецкому образцу конной и пехотной боевой службе, и их ставят на одну доску с лучшими войсками, где бы то ни было. Ибо будучи обучены немцами, они, благодаря лучшему теоретическому военному образованию, а может быть и вследствие долголетнего упражнения, так усовершенствовались, что, кажется, превзошли самих себя. Те же иностранцы поставили и пешее войско у москов и артиллерию в настоящие времена так, что русские уже сами ежегодно отливают пушки в большом количестве и весьма ловко управляют ими. Видя таковую пользу от иностранцев, царь с благодарностью повелел им никогда не служить в Московии рядовыми, но занимать исключительно почетные места в награду за эти услуги. Раньше иностранцы получали также и громаднейшее жалованье, но несколько лет тому назад оно, по завистливому ревнованию неких купцов, было сильно урезано и сокращено. Царь, правда, извлек из сего обстоятельства себе пользу, но оба ревнивца потерпели убыток. Русские солдаты получают жалованье деньгами также гораздо меньшее, но зато царь обильно снабжает их одеждой, хлебом и иными, нужными для войны припасами. Каждому роду войска назначен свой, совершенно особый приказ, или управление. В случае же крайней необходимости царь, обыкновенно, призывает к оружию десятого, седьмого, иногда даже и третьего человека из всего числа подданных, а также набирает несметное количество солдат из калмыков и татар, питающихся исключительно сырьим мясом, из черемисов, у которых оба пола одинаково воинственны, из черкесов, кои никакой опасности не страшатся, и, наконец, из казаков, частью находящихся под его властью, частью же союзных с ним, преимущественно ради их проворства, достойных высшей похвалы.

Вследствие разнообразия в способах сражаться, все эти воины употребляют и разного рода оружие: большинство конницы вооружено кривыми короткими саблями, стрелами, копьями и одето в железные кольчуги. В пехоте стрельцы не дают врагу приблизиться, посредством сабель и самопалов, называемых ими колесчатыми; остальные вступают в бой с легче переносимыми огнестрельными орудиями, какие в большом ходу и у нас. Зимою у них в большом употреблении деревянные лыжи, загнутые кверху спереди и сзади; подвязав их к подошвам ног, они с неимоверною быстротою несутся по глубокому снегу и по льду и нападают на врага, который не в состоянии двигаться. Четыре тысячи человек солдат из Норботнии и северной Московии действовали успешно таким образом в 1610 году, когда были призваны шведским военачальником Яковом Делагарди против поляков. Делая общую оценку московскому воинству, должно считать его пехоту несомненно лучшею, нежели конницу, ибо она более старается о завоевании и защите городов, нежели об удачных стычках в открытом поле. Вполне справедливо выразился царь Иван Васильевич, что для русских на войне нужны шпоры, а для поляков - узда, так как он воочию убедился, что они более обладают способностью к повиновению и перенесению невзгод, нежели страстью к сражениям. Хотя они в начале нападения действуют горячо, как большинство народов скифского происхождения, однако не могут долго устоять в сражении, и если бегство где-либо началось, то их нельзя удержать никакою высшею властью.

Поэтому они, скрывая свои намерения, охотно прибегают к сражениям на расстоянии, притворным отступлениям, разделениям, расстройствам рядов, засадам, хитростям и обманам. Значки или военные знамена они употребляют с разными на них изображениями - орлов, драконов, всадников и креста. На том из них, которое есть собственно царское знамя, находится изображение Иисуса Навина, останавливающего своим молитвами бег солнца, как бы наложив на него руки. Главные начальники войск в знак своей власти привешивают конские хвосты и гривы, окрашенные в красный цвет, к копьям (этот обычай существует в Польше и поныне). Из средств, возбуждающих к бою, главным образом употребляются многочисленные трубачи, которые, дуя по-азиатски в рога и трубы, похожие на пастушеские, издают для изнеженного европейского слуха крайне нестройные звуки, преимущественно в то время, когда солдаты с дикими криками бросаются на неприятеля, дабы устрашить его. Употребляют они также и бубны, деревянные и металлические, обтянутые кожей, очень небольшого размера. Некоторые всадники возят их с собой, привязанными к седлу, как это делают татары. Рассеяввшись по лесу, они бьют по деревьям стрелами и тем подают друг другу весть о себе. С собою они не берут никакой тяжелой поклажи и носят за плечами только на один день рассчитанное пропитание - сухари, сушеную рыбу и толокно, т. е. овсяную муку, которую они смешивают с молоком или сырою водою в густую кашу. Благодаря, однако, слишком длинной и неудобной для ходьбы одежде они подвигаются вперед только шагом. Отличившихся царь по большей части награждает золотой медалью с своим изображением и каким-либо нарядным платьем; более знатным предоставляется иногда прибавлять себе прозвище по побежденным неприятелям. Некогда они праздновали победу неслыханным образом и пятнали добытую доблестно славу жестоким кровопролитием, но в настоящее время от этих неистовств не осталось и следа. Состоящие на службе иностранцы носят те же военные чины, которые в употреблении вне Московии, да и русские не много отличаются от них в этом. Полуголова - я опускаю здесь более низшие чины - значит то же, что прохилиарх, т. е. подполковник (как любят выражаться новейшие писатели), а голова - хилиарх. И тот и другой имеет под своим начальством несколько тысяч солдат. Остальных, следующих за этими главными, военачальников зовут воеводами. Главный начальник всего войска имеет ближайшего себе помощника, который называется, так как он заведует выбором места и разбитием лагеря, гулевым, от слова Гуляй - или подвижной - город, т. е. того деревянного укрепления, которым мосхи обыкновенно окружают свое войско, главным образом против нападений татар и их стрел. То же самое, нечто вроде переносных стен, было, говорят, некогда в употреблении у персов. Особому, далее, начальнику, опытному в военном деле, поручаются пушки и все нужные к ним принадлежности, а четыре вождя, имеющие каждый при себе двух помощников, предводительствуют каждый над одной четвертой частью войска.

Первая часть носит название правого крыла, вторая - левого, третья - разведочного и запасного, четвертая - сторожевого; последнее охраняет остальные, выставляя со всех сторон многочисленных караульных. Военную дисциплину, главное условие для успешного ведения войны, русские поддерживают столь строгими законами, что во время похода им никогда не приходится прибегать к наказаниям, кроме разве что это случится по достижении ими неприятельской страны, или же наказывать слегка за небольшие проступки. Дорогие всякого рода принадлежности, оружие, палатки, могущие возбудить у неприятеля желание завладеть ими и придать ему храбрости, русские держат как можно далее от лагеря, хотя если присутствует случайно царь, то они являются в пышном убore. Мы с великим изумлением видели превосходный образец этой военной пышности в 1670 году на окружающих Москву полях, когда Алексей Михайлович, во время бунта Стеньки Разина, в течении восьми дней производил смотр 60000 дворян. Поистине, едва ли кто, не видавший сего собственными глазами, может себе верно представить вид воинов, блиставших, одинаково, богатою одеждой и оружием. В двух милях от города, близ рощи, предназначеннной для охоты, среди обширного поля возвышался дом, весь обтянутый внутри пурпурными и златоткаными настенными коврами, а снаружи - красным сукном. С трех сторон устланные также драгоценнейшими коврами крыльца в 12 ступеней вели ко входу в него, а все это сооружение было ограждено на большом расстоянии кругом, для сдерживания толпы, деревянными перилами, обернутыми красною тканью, а около них, также кругом, стояли в большом количестве пушки; в виде как бы подкрепления была протянута еще цепь солдат. Недалеко от сего бросалась в глаза некая круглая, искусно из дерева выстроенная, с окнами во все стороны и обитая разноцветным шелком башня, в которой весело играли трубачи и литаврщики. Против царского престола было выстроено до пяти тысяч пехоты с развевающимися знаменами; между ю и выше описанным домом проходили знатные военачальники с своими конными отрядами, приветствуя царя низким наклонением головы и, спешиваясь, представляли ему без замедления донесения о своем отряде, каждый особо. Богатое убранство солдат, бывших на этом смотре, хотя и уступало в изяществе убранству, употребляемому в Европе, но зато превосходило его дороговизною тканей и азиатскою роскошью. Все зрители с изумлением останавливали взоры на всадниках, из которых исключительно состояло все это войско, не только из-за их блестящего разнообразного оружия, но и вследствие красивого вида их одежд. За каждым из них вели разукрашенных коней, без седоков, а в поводу, в сопровождении многочисленной свиты рабов. У коней не только грива, шея, голова, ноги и копыта блистали серебром, золотом и драгоценными камнями, но и уздечки, попоны, нахвостники и чапраки были до того отягчены драгоценностями, что лошади насилиу могли двигаться. Но впрочем, дабы не сказали обо мне, что я слишком отдался от своего предмета, я предоставляю каждому самому великолепную эту картину, согласно с тем, что я выше сообщил.

Глава 4. О гражданах и городских жителях

Опыт целых веков показывает, как страшны бывали часто владельцам, вследствие частых гибельных мятежей, большие города, уздою закона еще не сдерживаемые, но так как они чересчур надеялись на себя, то большею частью их могущество и богатство быстро подрывались. Точно так же и у московитов: Новгород, Тверь, Псков и многие другие города, некогда пользовавшиеся громадными вольностями и обладавшие большими военными силами, ныне находятся в таком рабском подчинении у царя, что не смеют даже и помыслить о прежнем благополучии. Итак - в настоящее время горожане в Московии мало чем отличаются по своему положению от деревенских жителей, так как они стали рабски подчиняться знатным людям и находятся в презрении у собственных рабов. Они совершенно лишены права выбирать правителей из своей среды и собираются на народные собрания и обязаны постоянно повиноваться царским чиновникам. Мало того, все города (как мы говорили при описании Москвы) имеют свое особое судилище, называемое земским приказом, в котором, впрочем, разбираются председательствующим в нем воеводою лишь более незначительные и обыденные тяжбы, которые не могут решаться судьями низшего

разряда, т. е. судьями-гостями, или квесторами, старостами-сотниками, т. е. центурионами, и десятниками, т. е. декурионами.

Не имеют горожане также права приобретать имения для передачи их по духовному завещанию своим наследникам, - мало того, им гораздо легче лишиться всего, что они имеют, в пользу чужих.

Количество же их (горожан) во всей Московии поистине велико донельзя, ибо города благодаря обилию лесов выстроены во всех удобных для сего местах, большую частью обширны и густо населены. Наиболее выдающимися из них почитаются: Москва, знаменитое местопребывание царей, Новгород, некогда член ганзейского союза, Псков, граничащий с Литвою, знаменитая, во имя св. Михаила Архангела, гавань на Белом море, а также и Казань, Астрахань, Тобольск в Сибири, Белозерск, Нижний Новгород, Белгород, Киев, Смоленск, Могилев, Тверь, Вологда, Великие Луки, Холмогоры, Великая Пермь, Владимир, Ярославль, Рязань, Калуга, Тула, Холопий город, Переяславль, Галич, Ростов и многие другие. Из них некоторые, хотя и сильно обремененные ярмом тяжкого рабства, подняли несколько лет тому назад оружие против царских чиновников, так как подати и налоги были сверх меры увеличены. В Пскове в 1649 году вспыхнул упорный мятеж, потому что было приказано царем уплатить Швеции большое количество денег и пшеницы, и порядок был восстановлен лишь тогда, когда город осадили и силою принудили исполнить царское повеление. В самой Москве в 1646 году, в самом начале царствования нынешнего царя, происходили дерзкие волнения, когда по причине чрезмерных своеволия и жадности некоторых бояр весь город пришел в такое негодование, что горожане, схватив под уздцы коня, на котором случайно проезжал царь, стали скорее требовать, нежели просить, выдачи головою народу бояр. Царь, находившийся тогда еще в незрелом возрасте, устрашенный необычайным сим делом, пообещал народу, что будет произведено строгое следствие над каждым боярином отдельно и, укрывшись во дворце, велел выдать мятежникам судью Плещеева, на которого народ был более всего зол, дабы хоть сколько-нибудь успокоить раздражение в народе, готовом, пожалуй, на что-либо худшее. Не дождавшись палача, толпа в отмщение в одно мгновение ока растерзала сего на части, Морозову же, второму обвиняемому, она охотно простила его злодеяния, так как царь на другой день обратился к народу с речью, в которой просил за него, как за своего наставника.

Глава 5. О

купцах, ремесленниках, деньгах и металлах

Международные сношения, благодаря которым, обыкновенно, в значительной степени становятся более мягкими грубые и дикие наклонности, стали в последнее время вновь оживляться в Москве. Ибо до того, как португальцы, с целью помешать усилинию Турции, открыли большим окольным морским путем нынешнюю дорогу в восточную Индию, товары китайские, индийские и персидские большей частью шли через Астрахань и Тану, города на Черном море, и отсюда уже распространялись по всей Европе. Гораздо же раньше сего наши мосхи вели в Колхиде и по всей Греции широко распространенную торговлю высоко ценимыми собольими мехами, не говоря уже о знаменитой торговле Новгорода и Киева. Впрочем, в древнейшие времена торговые дела шли далеко не вполне правильно, благодаря постоянным войнам, пока приблизительно со средины XVI века английская торговая предприимчивость, при короле Эдуарде VI, благодаря тому, что жители балтийского прибрежья, воюя между собою, преградили обычные торговые пути, не перенеслась благополучно впервые на московские берега Белого моря и получила от царя Ивана Васильевича право торговать в Московии, платя небольшую пошлину. Царь Алексей Михайлович, узнав, что англичане убили своего короля, лишил было их сего права, но потом возвратил им его, хотя с некоторым ограничением.

В настоящее время эта гавань ежегодно посещается также кораблями из Голландии и

Гамбурга и других более просвещенных народов Европы с большею выгодою для себя, ибо мосхи, татары, финны, лапландцы и самоеды стекаются туда большею частью исключительно сухим путем. Вышеназванные же заморские пришельцы бывают вынуждены в короткий промежуток времени скорее спешно, нежели основательно, покончить свои дела и поторопиться, как можно скорее, возвращением к себе, дабы они могли совершить свой длинный путь при благоприятной еще погоде и избежать неприятной задержки суровой зимою. Кроме того, Москва, Новгород, Псков, Смоленск, Киев, Астрахань и многие другие города ведут круглый год весьма прибыльную сухопутную и морскую торговлю со шведами, поляками, турками, армянами, персами и татарами. А так как они производят торговлю почти исключительно лишь обменом товаров, а не уплатою денег, то обыкновенно бывает так, что привезенные из Италии, Франции, Германии, Турции, Персии, Татарии и других стран товары продаются в Москве за ту же цену, что они стоят у себя на месте, а часто и за меньшую.

Нет сомнения, что многие области Московии могли бы с великою выгодою пользоваться этими многочисленными торговыми сношениями, если бы можно было в точности расследовать тот северный путь в Китай вокруг Новой Земли, которым тщетно до сей поры пытались проплыть англичане, батавы и датчане. Совершить это дело может всего легче сам царь, у которого оно, так сказать, всецело в руках: ибо ему известна и подчинена вся та северная полоса, простирающаяся далеко по ту сторону реки Оби до самого Татарского моря (которого еще никогда не бороздили европейские корабли). Весьма легко было бы, посему, исследовать положение тех мест, как на суше, так и на море, начиная с реки Оби и Вайгачского пролива, и свойства самой почвы, лишь бы Бог внушил царю мысль приступить к сему, или кто-либо из европейских государей, одушевленный теми же, как и он, намерениями, прислал в Москву план образа действий и людей, хорошо знающих это дело. Таким образом была бы, так сказать, распахнута новая дверь не только для того, чтобы могли сойтись купцы с той и другой стороны, но и к лучшему изучению учеными этой, далеко не заслуживающей презрения, части мира, а также и к распространению среди многочисленных невежественных народов священнослужителями Христа, Бога нашего, Евангельского вечного света. Если бы это не увенчалось успехом, то желательно было бы, чтобы, по крайней мере, плавание по Каспийскому морю было, наконец, сделано удобным для торговых сношений с Персией и Индией, или же чтобы царь согласился на то, чтобы дорога сушею в Китай и Персию, через Московию, гораздо более короткая, нежели указанная знаменитым иезуитом Афанасием Кирхером в его книге о Китае, была бы открыта и для европейцев. Хотя в 1632 году голштинский герцог пытался установить этим путем торговые сношения с Персией, однако все попытки оказались неудачными, вследствие страха пред азиатскими разбойниками или, вернее, по неблагоразумию послов. Таковое же предложение сделал, во времена папы Льва X, Николай Белл, но оно также не состоялось. В настоящее время, однако, кажется, все эти прежние препятствия большею частью устраниены. Впрочем, царь чуть ли не один ведет все наиболее важные торговые дела в государстве или иногда входит в товарищество с своими подданными или с чужестранцами ради обоюдной выгоды. Мало того, если мосхи заключат как-нибудь с чужестранцами какой-либо договор, то царь, как бы постоянный опекун их, по желанию может все нарушить и все утвердить. Не имеют подданные также права продать что-либо, раньше чем будут разобраны царские товары, разве что он кому-нибудь дарует преимущественное особое право свободной продажи. Благодаря этому они не могут спокойно заниматься беспрепятственной наживой, а те, к которым счастье было более благосклонно, те принуждены наслаждаться своим богатством лишь в тайниках, среди сундуков, ибо в Московии подданным можно безопасно хвастаться всем иным, кроме богатства. Что касается торговли драгоценнейшими собольими мехами, то сами русские обязаны покупать их не иначе как у царя из Сибирского приказа по цене, какую будет ему угодно назначить. Иностранцам, впрочем, предоставлены кой-какие незначительные преимущества: они покупают товар у продавцов из первых рук, как кредиторы, они предпочитаются русским, из которых приходится долги выколачивать, и пользуются разными льготами от царя при уплачивании пошлин и таможенных сборов. Могут, однако, и русские купцы выезжать за пределы отечества, но непременно с разрешения царя и с обязательством вернуться

обратно. Они имеют даже вне своего отечества несколько складочных мест, пользующихся необычайною свободою, как, например, в Гольме, в Швеции, в Вильне, в Литве, в Ревеле и Риге в Ливонии и других соседних городах, куда они свозят товары и продают их без всякого стеснения. Для вывоза в разные места морским путем своих товаров они обыкновенно нанимают за большую цену иностранные суда, так как у них судов, сделанных у себя дома, немного, да и те непрочны. Для поездок по суще, которые они зимою совершают как нельзя более кратким путем и быстро, служат главным образом резвые наемные лошади, расставленные по всему пути, по всем большим дорогам. Ими-то и пользуются для совершения чрезвычайно быстрых поездок не только одни купцы, взнося за это небольшую плату, но и гонцы, развозящие царские указы. Благодаря этой быстрой езде гонцы с самых отдаленных границ государства в короткое время поспеваю в столицу, что весьма удобно для царя. Стоянки этих Пегасов, называемые ямами, находятся на расстоянии семи или десяти германских миль друг от друга. Крестьяне или ямщики, несущие этот род службы, освобождены навсегда от всяких других повинностей. Подъезжая к которой-нибудь из этих стоянок, они издают при помощи зубов пронзительный свист, услыхав который ямщики ближайшей деревни тотчас приводят свежих лошадей, дабы проезжие могли, не теряя времени, продолжать путь, если пожелаю.

Что же касается до нравов московских купцов, то они весьма способны к торговым делам и крайне искусны во всякого рода хитростях и обманах, особенно там, где дело идет о их собственной выгоде, но об этом нам удобнее будет говорить в другом месте.

Монета, которая в настоящее время обращается в торговле, довольна чиста и тяжеловесна. В прежние времена, когда у русских еще не было чеканной монеты, они употребляли вместо нее мордочки и ушки белок. Потом они стали делать продолговатые серебряные слитки безо всяких клейм на них, а затем, наконец, вошла в употребление и нынешняя. Так как первоначально вся торговля велась исключительно меновая либо на вес серебра, то во времена Венцеслава, короля венгерского, чешского и польского, который впервые ввел в этих государствах кожаную монету, московиты стали употреблять такую же монету с 1290 года, при великом князе московском Льве Даниловиче, а с течением времени, разбогатевши, заменили ее серебряной и золотой. Наблюдая постоянно строжайше за ее доброкачественностью, они всегда чеканили ее из совершенно чистого серебра. Медные же деньги, прежде по необходимости бывшие в употреблении, теперь уже изъяты из обращения по приказанию царя. Некогда какие-то купцы якобы для того, чтобы помочь государственной нужде, но имевшие в виду удовлетворение собственного корыстолюбия, обманули соседей шведов, в высшей степени недобросовестно, низкопробною монетою, но этот нечестный поступок обошелся им крайне дорого, ибо шведы, заметив обман, частью потопили сих мошенников в расплавленном металле, частью же повесили. Серебряная монета (ибо золото чеканится здесь крайне редко) имеет форму гладкого овала шириною не более чем в ноготь, на одной стороне которого оттиснуто изображение царя, а на другой - всадник с копьем. Впрочем, если исключить монеты памятные, или торжественные, как их называют, то все они сводятся к двум образцам, именно: к копейкам, пятьдесят штук которых, обыкновенно, составляют один немецкий талер, и денежкам, составляющим половину копейки. Прежде были еще в большом ходу полушки, стоявшие полденежки, но теперь их более не видно. Сто копеек составляют рубль, равняющийся венгерскому червонцу, пятьдесят копеек - полтину, двадцать пять копеек - полуполтину, двадцать - гривну, десять - полгривны, три - алтын, две - грош. Эти монеты, так как они очень невелики, простой народ носит во рту, так что зачастую они, имея во рту сотню копеек, разговаривают, однако, совершенно свободно. В настоящее время монету чекают почти исключительно в Москве, хотя раньше встречались монеты, чеканные в Твери, Новгороде и Пскове. Таким образом, отсюда как бы растекаются по всем направлениям по всему Московскому государству деньги, за исключением лишь некоторых сибирских народов и лопарей, которые блаженно относятся к таким золотым и серебряным деньгам как бы философски, с насмешкою, презирая их.

Число искусственных мастеров, некогда весьма небольшое в Московии, в наше время сильно увеличилось, и самые мастерства в высокой степени усовершенствовались. Этого русские достигли благодаря становящемуся с каждым днем все более свободным обращению с иностранцами, а также и природной понятливости и способности их ума. И действительно, они не только радушно принимают иностранных мастеров, европейских и азиатских, являющихся к ним по собственному желанию, но и приглашают их к себе, предлагая через послов и письменно большое вознаграждение, причем так успешно подражают им, что нередко превосходят их новыми изобретениями. В кузачном мастерстве, в искусстве приготовлять порох и тканье сукна они уже стали весьма опытны.

В более сложных же и требующих знания и опытности делах, как то добывание металлов и приготовление их на дело, они более полагаются на знание и опытность французов и немцев, чем на свои собственные. Последние добывают в округе города Тулы, расположенного близ источников р. Волги, и в иных местах железо, а близ Новгорода - медь с большою выгодою для государства. Не так давно царь послал некоторых из них за Казань, по направлению к Сибири, откуда незадолго перед этим были доставлены в Москву прекрасные образцы скрытых там сокровищ, для обстоятельного исследования недр тех гор, что отстоят недалеко от Рифейских и заключают в себе серебряную и золотую руду. Я полагаю, что, без сомнения, из глубины холодной московской земли можно вырыть обильнейшие богатства, если только для этого будут призваны несколько опытных иностранцев и сами русские отнесутся к этому делу с большим рвением.

Что касается прочих ремесел, то мосхи обладают особенно им свойственным наследственным умением строить чрезвычайно изящные деревянные дома, вытачивать из дерева разного рода утварь, искусно ткать полотно, идущее на исподнее платье, и некоторыми другими, требующими усидчивости. Не буду здесь говорить о мастерствах, требующих постоянного сидения, но живопись у них совершенно своеобразна, обращена на священные предметы, ибо кроме некоторых цветочков и животных, они пишут исключительно одних давно умерших святых, по греческим образцам. Мало того, считается поступком не только неблагочестивым, но заслуживающим наказания, если торговец изображениями блаженных небожителей выставит на продажу рядом с ними картины светского содержания. В случае желания иметь изображения светских лиц они поручают иностранным художникам написать такие (зато этим последним строго запрещено писать изображения святых), хотя мосхи, не знаю почему, кроме изображений святых, не любят изображений человеческих лиц и иных картин. Цирюльники (дабы не подумали, что я умолчал о них из презрения, ибо я много раз видел их в Москве не без ощущения тошноты) сидят на рынке, где торгуют старыми вещами и потому называемы Вшивым, в низеньких лавочках, крытых древесною корою, и обрезывают простому народу волоса на голове теми же ножами, которыми разрезают хлеб и прочую пищу. Бороды мосхи, считая ее украшением, не бреют, а напротив, как бы она ни была длинна, постоянно желают, чтобы она была еще длиннее.

Глава 6. О крестьянах и рабах

Деревенские жители в Московии называются крестьянами или черным, или лесным, людом, ведут хотя и самый простой образ жизни, но далеко не самый счастливый, ибо, являясь собою наружно, в пище, одежде и ежедневных трудах как бы образец простоты золотого века, они до настоящего времени при этом находятся в глубочайшем невежестве относительно Божественного Откровения, и нравы их до того грубы, что нет возможности вполне достойно оплакать их. Они проводят жизнь совершенно по-детски, чтобы не сказать чего худшего, безо всяких необходимых сведений о Законе Божьем, не умея молиться и только раз в году принимая Св. Тайны. Когда мы ехали в Московию, то мы вдосталь насмотрелись на возбуждающее сожаление невежество их. Ибо когда мы спросили у нескольких попавших нам по пути землемельцев, между другими некоторыми вопросами касательно вероисповедания, знают ли они также что-либо об Иуде-предателе, то все они стали переглядываться между собою, и один, более остальных смышленый, отвечал, что говорят, дескать, у нас, что он

изменил Иисусу Христу и предал его врагам, но что он не вполне твердо уверен, что это было действительно совершенно так. Да не удивится никто таковому их незнанию Священной Истории, ибо все их христианские упражнения и молитвы заключаются в возможно частом осенении себя крестным знамением и повторении слов “Господи, помилуй”, т. е. “Боже, скалься надо мною”. Будучи обречены на тяжкую работу и прикрепощены к земле, эти люди безнаказанно оскверняют праздничные дни, благодаря снисхождению законов, работают на самих себя, дабы не пропасть, так как в течение всей недели они обязаны в поте лица трудиться на своих господ. Тяжелыми податями они доведены до такой бедности, что ничего не имеют кроме кое-какой изорванной одежды и коровы с подойником. Мужчины по большей части работают летом в поле на быках, хотя местами, вследствие мягкой почвы, они пашут плугами в одну лишь лошадь, но во время жатвы и сенокоса женщины трудятся в полях гораздо более, нежели мужчины. Зимою же обыкновенно они занимаются рубкою леса, плетением обуви из липовой коры и рыбной ловлею, а иногда бывают вынуждены, за неимением каких бы то ни было средств, таскаться толпами по городам и просить милостыни. Вследствие дороговизны хлеба, чрезмерного постоянного холода и голода это, конечно, случается чуть не из года в год. А иногда они прокармливаются и дома крайне скучно пищею. В Перми, Самоедии и других, с ними соседних областях они и по сию пору ни разу не пробовали даже хлеба, а питаются рыбой, сущеною на солнце, и не лишенным вкуса корнем багуна или же сырым мясом диких зверей и кобыльим молоком. Во всей остальной Московии голод утоляют хлебом пшеничным, ржаным, бобами с чесноком, а жажду - водою, в которой заквашена мука, или свежезачерпнутой из колодца или из реки. При таком-то скучном питании они жадно, как никто другой, пьют водку, считая ееnectаром, средством для согревания и лекарством от всех болезней. Когда они захотят устроить роскошный пир, то варят похлебку из воды и нескольких изрезанных листов капусты; в случае, если это блюдо им не приходится по вкусу, то они наливают в него много кислого молока. Они доят коров, с которыми живут вместе в одной избушке только ради этого, не умея совершенно приготовлять сыр, хотя бы в малом количестве. Коровье масло (которое они приготовляют также жидким, так что оно никогда не твердеет) они отдают в пользу своих господ. Для одежд они употребляют грубые шерстяные ткани, а зимою овечьи шкуры. Летом они носят легкие рубахи, холщовые или шерстяные, большею частью белого цвета. Вместо обуви они обертывают ноги снятою с деревьев корою или невыделанною бычьей кожею, разрезанной на ремни, а голени обматывают обрывками грубой шерстяной ткани. Приспособлений для спанья у них нет никаких, так что даже кровати у них отсутствуют, а печи и скамьи служат вместо кроватей, а обыденная одежда - вместо тюфяков и одеял. Женщины носят на голове не шапочки с завязками для ушей, как городские и знатные, но повязки с полукружием из шерсти, девушки носят род венка из древесной коры - прочие же части одежды у них те же, как и у остальных женщин.

Праздную свадьбу, они ради веселья пронзительно играют на волынках, напиваются до потери сознания и пляшут в хороводах с уродливыми, даже крайне непристойными телодвижениями. Домашняя утварь у них вся деревянная, да и та очень немногочисленна, железного же у них почти что ничего нет. Живут они не разбросанно, а разделенные на огромные деревни, под начальством старост, т. е. старших своих, которые играют у них и роль судей. Если они случайно увидят чужестранцев, то они скорее боятся их, нежели ненавидят; их удел от рождения - бичевание и рабство.

Кроме земледельцев, в Московии есть также и рабы - редкое и несправедливое явление между христианами, - из которых некоторые несут рабское иго до самой смерти, а некоторые - в течение известного срока. Дело в том, что многие добровольно продают самих себя в рабство, многие делаются таковыми или из-за долгов, или по какой-либо другой причине. Мало того, отцы имеют право, полное и законное, продавать своих сыновей четыре раза на известный срок, а мужья - жен (это называется кабалою), причем сыновья освобождаются из-под родительской власти и становятся сами полноправными лишь после четвертой продажи. Но вышеупомянутые и многие иные, будучи отпущены на волю по заявлению их

владельца или другим каким-либо способом, снова отдают себя во власть новых господ, так что, переходя постоянно из одной рабской зависимости в другую, не становятся свободными никогда. Таким образом у знатных и несколько зажиточных людей кормятся по домам целые полчища рабов обоего пола, у коих нарождаются дети, имевшие быть также под властью хозяина; они служат посыльными, управляющими, надсмотрщиками за работами всякого рода. Они же поочередно караулят, в то время когда господа их крепко спят, извещают ударами дубины, который час ночи, и высматривают с домовых вышек, нет ли где пожара. Кормят же их обыкновенно пищею до того гнусною, что в издевательство о них говорят, что они питаются похлебкою из яичных скорлуп. Если же они, в свою очередь, позволят себе что-либо дурное, то их господа, с разрешения закона, могут назначить им какой угодно род наказания, за исключением только смертной казни.

Глава 7. О телосложении мосхов

Мосхи весьма способны переносить всякого рода трудности, так как их тела закалены от рождения холодом. Они спокойно переносят суровость климата и никак не страшатся выходить с открытою головою под снег или дождь, равно как и на зной, словом, в какую бы то ни было погоду. Дети трех-четырех лет от роду, зачастую, в жесточайшие морозы, ходят босые, еле прикрытые полотняю одеядою и играют на дворе, бегая взапуски.

Последствием сего являются знаменитые закаленные тела, и мужчины, хоть и не великаны по росту, но хорошо и крепко сложенные, из которых иные, совершенно безоружные, иногда вступают в борьбу с медведями и, схватив за уши, держат их, пока те не выбываются из сил; тогда они им, вполне подчиненным и лежащим у ног, надевают намордник. Калек или возбуждающих жалость несчастных, обладающих каким-либо природным недостатком, между них встречается крайне мало. Волоса у них, по большей части, русые или рыжие, и они чаще стригут их, нежели расчесывают. Глаза у них, большою частью, голубые, но особенно ценят они серые с неким огненно-красноватым блеском; большая часть их смотрит исподлобья и дико. Голова у них большая, грудь широкая, руки весьма длинны, живот, благодаря стягивающему его внизу поясу, выдается сильно вперед, бедра же и голени очень малы; вообще же все тело у них весьма полно, так как, действительно, и одежда их не стесняет, и едят они просто, но обильно, а также и много спят. Цвет лица у них такой же, как и у европейцев, благодаря холодному климату, исправившему первоначальный темный, азиатский. Внешний вид женщин несколько более изящен, но лицо у них круглое, губы выдаются вперед и брови всегда подкрашены, да и все лицо разрисовано, ибо они все употребляют притирания. Обыкновение румяниться считается, в силу привычки, столь необходимым, что женщину, не пожелавшую покрасить свое лицо, сочли бы за надменную и стремящуюся отличиться пред другими, ибо она-де дерзко считает себя достаточно красивою и нарядною и без краски и искусственных прикрас. Большинство женщин посвящают поэтому сему пустому занятию много труда, но в возмездие за эту поддельную красоту они, приближаясь к старости, имеют лица, изборожденные морщинами, так сильно они белят и румянят его, некрасивое в естественном своем виде, хотя не могу отрицать того, что и у русских встречаются свои Венеры. Впрочем, они прикидываются скромными, выступают прямо и очень медленно по причине высоких каблуков. Руки у них, говорят, очень нежны и, пожалуй, мягче ваты, так как они, действительно, едва ли производят какую-либо домашнюю, мало-мальски грубую работу.

Глава 8. О душевных качествах

Если можно приписывать душевые наклонности влиянию климата родины и постоянному рабскому состоянию, то, конечно, мосхи, главным образом по этим причинам, являются грубыми и трусливыми, ибо жестокость они почти не относят к числу пороков, но считают ее вполне дозволенною и необходимою, а также следуют все и иным, еще более необузданным страсти. Так же сильно подчиняются они и чувству страха, которое постоянно присуще им вследствие сурового закона о повиновении, хотя они наружно выказывают некоторую надменность, дабы скрыть внутренние душевые треволнения. Ведь, действительно, легко

впадать в противоположные крайности, когда пороки не избегаются тщательно. Не говоря об их наклонности к пьянству и сладострастью, о которых я скажу в своем месте, у них в большом ходу рабская уловка, и они умеют быстро, как никто другой, облекаться в лисью шкуру, когда львиная кожа оказывается не достигающей цели, придумывать обманы, обойти ласками, в торжественную присягу поместить нечто свое, лживое, и скрывать многое, то под лициною ненависти, то под лициною любви. Жители же города Москвы считаются еще более хитрыми, чем остальные. Что касается всего более возвышенного, то они в этом и поныне оказываются тупыми и неспособными, и эта тупость поддерживается в них климатом и весьма грубым напитком - водкою, которою они постоянно напиваются. Засим они подозрительны, пропитаны, так сказать, подозрением, ибо, будучи вероломными по отношению к другим, и сами не могут верить кому бы то ни было. К лести они столь склонны, что у них вошло в постоянный обычай придавать лицу приятное выражение, простираясь всем телом по земле, покрывать руку бесчисленными поцелуями и подкреплять льстивые ложные речи клятвою. Для друзей они делают многое даром, но всегда с каким-либо расчетом для себя, особенно же крайне дерзко полагают, что иностранцы обязаны им всем, и стараются извлечь пользу, каким бы то ни было образом, из них всех. Уж воистину у этого народа, каковы уста, таковы и похвалы. Все же русские не настолько отреклись уже от всех хороших качеств, чтобы не обладать совершенно, наряду с своими пороками, и некоторыми добродетелями. Они отличаются в особенности беспримерною благотворительностью по отношению к бедным: для их просьб у них всегда открыты уши и разжаты руки, так что в Москве зачастую можно видеть не без изумления, как целые толпы нищих получают около домов богатых людей пищу или иную какую-либо милостыню. В несчастье они также всегда тверды духом, не поддаются скорби, а к счастью, которое служит самым верным средством для испытания душ, они относятся равнодушно; мало того, они, не впадая ни в чрезмерную печаль, ни в чрезмерную радость, постоянно, что бы ни случилось, утешают себя следующими словами: так Богу угодно, Он так устроит все к лучшему.

Глава 9. О почитании царя

Не мала общераспространенная похвала русским, что они с большим трудом выходят из повиновения, оказываемого ими царю, хотя бы и находились под гнетом жестокого правления, ибо они не только считают себя его подчиненными и клятвенно связанными с ним до последнего вздоха, но полагают даже, что спокойно терпеть тирана есть дело богоугодное и предписывается верою. Превосходный поистине образец сего явили двое московских воевод, Татев и Воронцов, а именно: когда московское войско было рассеяно поляками, то они, хотя и могли спастись бегством, предпочли отиться в руки врагам, дабы нельзя было подумать, что они покинули вероломно те военные орудия, кои были препоручены им царем. Мало того, при этом самом случае несколько пушкарей (как их называют), видя, что враги одерживают победу, в отчаянии сами наложили на себя руки, дабы смертью удостоверить, что они никому не намерены служить, кроме царя. Поэтому нечего удивляться, что мосхи постоянно открыто всюду заявляют, что Богу и царю все возможно и все известно, что только Богу и царю они готовы отдать все, что только имеют наилучшего, и даже самую жизнь. Затем, если кому случайно удастся побывать с царем, то тот, по принятому при русском Дворе способу выражения, хвастается, что видел ясные очи царевы, народ же зовет и знатных людей свет-государями, т.е. блеском от царя, из лести, а также и из почтения.

Приказания царя, какого рода они бы ни были, хотя бы и влекущие за собою смерть, исполняются всеми быстро, невзирая ни на какие преграды, дружно и с каким-то совершенно слепым повиновением. Понесенные наказания называются царской милостью и нередко, и поныне, за таковые благодарят с плачем и стонами. В письменных просьбах подписываются уменьшительными именами, называя себя рабами царя. При провозглашении где бы то ни было царского титула все падают на колени, касаясь лбом земли, и всякий, насколько у него хватает сил, старается, чтобы повсюду оказывались царю такие великие почести, какие только может придумать ревностное желание угодить ему и безгранична покорность.

Глава 10. О ругательствах и издевках

Русские наши в обыкновенных разговорах не прибегают, когда бранятся, как это обыкновенно делается у многих народов, к заклятиям небесным и подземным богам, но доходят почти до богохульства, пользуясь постоянно бесстыдными выражениями. Рассерженные чем бы то ни было, они называют мать противника своего жидовкою, язычницею, нечистою, сукою и непотребною женщиной. Своих врагов, рабов и детей они бесчестят названиями щенят и выблядков или же грозят им тем, что позорным образом исковеркают им уши, глаза, нос, все лицо и изнасилуют их мать, каковой род браны они удержали от венгров и татар, с коими долгое время жили вместе. Поистине, таковые смешения всегда вредят добрым нравам, так как народы либо заимствуют друг у друга пороки, либо насильно навязывают их, либо незаметно заражают ими. Если же кто-либо у мосхов, не снеся поношения горчайшею бранью, позовет обидчика в суд, то дело, по-отечески, решается тем, что взведший клевету, позорящую добрую славу кого-либо, присуждается к уплате денег, а если он не в состоянии платить, то к наказанию кнутом. На удовлетворение оскорбленной чести с виновного взыскивается сумма, равная годичному жалованью или доходам обиженного, и, кроме того, еще половина; говорят, что он уплачивает "бесчестие", т.е. цену за лишение доброго имени. Иногда от слов переходят к крайне оскорбительным поступкам. За оскорбления, нанесенные священникам, уплачивается плата пять рублей, т.е. червонцев. Такая незначительная плата установлена, быть может, с тою целью, чтобы лица, принадлежащие к духовному званию, помнили, что им подобает терпеливо и смиренно переносить обиды. Если кто вырвет у другого бороду, то его считают нанесшим величайшее оскорбление, за которое судья должен строго наказать: в этом отношении русские сходятся с древними римлянами, которые также считали прикосновение к чужой бороде, даже поглаживание ее, поступком, требующим искупительной жертвы. Впрочем, русские, не стесняясь, задирают и иностранцев всяких, в особенности же немцев, бесстыдными речами и если встретятся случайно с ними, то громко обзывают их глупейшею бранью "шишами": ведь право, этим шипением обыкновенно пугают птичек. И хотя эта легкомысленная дерзость языка нередко наказывается тяжким бичеванием, все-таки русские от нее нисколько не исправляются.

Говорят, что начало этому издевательству положено неким патриархом, который в начале текущего столетия, ревнуя к вере, впервые убедил царя издать приказ, наделавший много шума: чтобы все иностранцы, до сего жившие вместе с русскими, оставили бы город и поселились там, где они живут и поныне. Мысль об этом, как рассказывают, была ему внушена какими-то бабенками из лютеранок, которые перед дверями храма подняли спор о том, кто займет высшее место.

Глава 11. О распутстве и пьянстве

Мосхи хотя и проводили некогда жизнь менее пышно, чем другие народы, в настоящее время, однако, видимо, значительно подчинились влиянию греков и в одежде неразумно чрезмерно подражают азиатским народам, несмотря на то что закон их сдерживает в этом. В пище они крайне невоздержанны и с жадностью набрасываются на нее, а в чувственных удовольствиях и пьянстве могут потягаться с кем угодно. Ибо, не допуская ни под каким видом публичных домов и преследуя даже строжайшим наказанием всякое распутство, они, тем не менее, до того дошли в необузданном увлечении этим грехом, что не разбирают, принося жертвы Венере, ни пола, ни способов. Погруженные в глубочайшее невежество, они, по правде сказать, не в состоянии понять тяжести этого преступления и полагают, что исполняют все, что требует праведность христианина, если снимут с шеи крест или закроют изображения святых, прежде чем приступят к совокуплению с блудницею или мальчиком, ее заменяющим. Женщины питают особенное расположение и страсть к иностранцам, несмотря на то что их родственники и мужья крайне тщательно берегают их от всякого общения с ними и даже лицезрения. Невоздержанность в пище, которую они грешат, как у себя дома, так и на торжественных пирах, до того обуяла их, что они этот гнусный порок считают удовольствием или необходимостью. Они думают также, что невозможно оказать гостеприимство или

заключить тесную дружбу, не наевшись и напившись предварительно за одним столом, и считают поэту наполнение желудка пищею до тошноты и вином до опьянения делом обычным и делающим честь. Большая часть богатых людей проводит день в спанье и еде и, благодаря бездействию, всю жизнь откармливаются. Такой образ жизни, пожалуй, освобождает их, как они довольно заманчиво выражаются, от душевных скорбей и расстройств, но на деле они, потопляя заботы, тонут и сами. В праздники им позволено, даже дано преимущественное право, напиваться безнаказанно допьяна; тогда можно видеть, как они валяются на улицах, замерзнув от холода, или развозятся, наваленные друг на друга, в повозках и санях по домам. Об этот камень часто спотыкается и слабый пол, а также и непорочность священников и монахов. История прошлого показывает, что из-за этого же порока нередко погибало войско и многие города, а именно: когда Стефан Баторий, знаменитый непобедимый король польский, вел войну против царя Ивана Васильевича ради возвращения себе Ливонии, то он, хорошо зная природу русских, послал весьма вместительную бочку с водкою московскому гарнизону в осаждаемой им крепости Динабург, как бы в знак своего к ним сострадания. Когда же гарнизон, опорожнив ее, лежал весь распростертый и безопасный, король приступом взял крепость без битвы. Хотя русские и стараются извинить свое постоянное пьянство, ибо они предпочтительно пьют водку и днем и ночью, тем, что кроме давнишней привычки (весь север-де уже сыздавна много пьет), оно им еще необходимо для защиты от холода, но все-таки им не удается вполне смыть с себя позорное пятно пьянства.

Глава 12. О приверженности к древним обычаям

Дабы открыто явить себя ревностными хранителями стародавних обычаев, русские не допускают всех, без разбора, чужестранцев вовнутрь страны, а тех, кои допущены и кои начнут говорить об изменении существующего порядка, тех они выслушивают неблагосклонно, не выезжают, наконец, за пределы отечества с целью попутешествовать. Мало того, говоря об иностранных делах, они обыкновенно упорно твердят: хорошо это у них делается, да только не по нашему обычаю. Ибо они легковерно ласкают себя льстивым убеждением, что кроме Московии нигде ничего хорошего не делается, и что людям хорошо только у них. Конечно, своим свой Ферсит кажется красавцем, а полное незнание чего бы то ни было лучшего не допускает, понятно, никакого сравнения.

Обычай же москов, кажется, по большей части произошли от смешения греческих со скифскими, ибо, действительно, они с этими народами вели постоянные войны с древнейших времен. Более утонченное они переняли у греков, более грубое у скифов, хотя и поныне у них оказывается мало европейских черт, а преобладают азиатские. Покрой одежды, пышность при общественных торжествах, обычный способ ведения хозяйства, приемы управления государством, весь, наконец, строй жизни отзывается у них более азиатской необузданностью, нежели европейскою образованностью. И никогда до сей поры они не могли решиться оставить этот образ жизни, сыздавна, в течение столь длинного ряда веков существующий. Поэтому, признаюсь, я, во время моего добровольного скитания, всего более убедился во время путешествия в Московию, что то, что у большинства европейских народов производится всюду одинаково, то все у москов происходило иначе, совершенно отлично от народов всего земного шара.

Глава 13. О грубом обращении русских и о развлечениях их

Скромность, украшение всех возрастов, до того мало свойственна русским, что они, вернее, ее совершенно не знают. Вежливого и изящного обращения у них нет совсем: они не считают даже неприличным говорить грубо, икать, рыгать и совершать еще кой-что иное, более гнусное, во время торжественных собраний. А если случайно иностранцы станут смеяться над ними за это, то стыд не вызывает у них никакой краски честной и строгой благопристойности. За столом они, следуя обычаю предков и нисколько не заботясь о том, что выходит за пределы пристойности, хватают пищу с блюда пальцами, опираясь на локти,

пользуются постоянно на пирах грязнейшей посудой, не употребляют ни салфеток, ни тарелок, засыпают среди обеда между едою. Они обязательно предаются послеобеденному сну, к которому склоняет их не столько потребность во сне, климат или обилие работы, сколько лень и пьянство, ибо за обедом они, большею частью, так много пьют водки, не говоря уже о других напитках, что от стола с трудом добираются, если не совершенно в состоянии бесчувствия, то во всяком случае сонные, до кроватей.

Способ приветствования у них одинаков с некоторыми азиатскими народами: стоя неподвижно на ногах, они протягивают вперед руки и опускают обнаженную голову до самой земли. Приветствуя же царя, они обыкновенно распростираются ниц всем телом по земле. Желая оказать друг другу взаимную дружескую любовь, они целуют друг друга в голову или же прижимают, обнявшись руками, друг друга к груди. Еще большим почетом считается также, если кто поспешит бегом другому навстречу. Согласно с этим они находят, что человеку высшего круга неприлично посещать дом человека низшего; если же последний на коне въедет во двор к первому, то его обзовут невежею. При входе в дом русские, прежде чем сказать что-либо, осеняют себя крестным знамением, а если увидят образ какого-нибудь святого, то трижды преклоняются перед ним, приветствуют присутствующих, сколько бы их в комнате ни было, кланяясь головою каждому особо, и тогда, наконец, начинают говорить. То же самое они проделывают, когда собираются уходить. Кроме того, в важных, иногда, случаях, желая подтвердить что-либо или опровергнуть, они тоже крестят лоб.

Разговаривают они, в частной беседе, зачастую без всякого отвращения о наигнуснейших вещах, так как-либо не знают ничего лучшего, либо же не интересуются им. Беседы свои они всегда ведут сидя и называют наши разговоры на ходу вертопрашеством. С целью доказать особенную приязнь чужестранцу, пользующемуся их расположением, мужья и отцы иногда приказывают жене или дочери, наряженным в драгоценнейшее платье и окруженным многочисленно прислугою, предстать перед взорами гостя и поднести ему водки в серебряном кубке, причем усерднейше приглашают гостя, в залог дружбы, поцеловать жену, причем он должен непременно, низко поклонившись, бегом приблизиться к ней, неподвижно стоящей, и напечатльть легкий поцелуй, ни на рот ее, ни на губы, а только на обе щеки, и так же отойти от нее. При взаимных посещениях они радушно угощают водкой, присоединяя к ней также и медовые пряники, орехи, яблоки и иные плоды и закуски. Подарки, которые они обыкновенно посылают своим друзьям, они называют гостинцами, т. е. дарами для гостей. Если они кого застанут за едою, то они кричат ему священные слова: "хлеб да соль", каковым благочестивым изречением отгоняются, по их убеждению, злые духи. Так же выносят крестьяне хлеб и соль царю по пути его следования, когда он отправляется в деревню, как знак гостеприимства. К этому же обряду они прибегают и при переселении своем в новый дом после других торжественных обрядов и молений о благополучии. Этот обычай, говорят, сохранился от Сергия, монаха великой святости, который, подкрепляя себя как-то вместе с царем Дмитрием пищею в одной келье, именно этими словами: "хлеб да соль", прогнал беса.

Они гораздо меньше, чем мы, заботятся о духовных развлечениях и телесных упражнениях. Музыку они производят на трубах, бубнах, рожках, дудках и волынках, наигрывая весьма нестройно, не любят какого бы то ни было пения в сопровождении струнных инструментов и приятного сего соединения разнородных звуков и не терпят органов даже в церквях своих. Хороводы у них водятся чрезвычайно редко, почти исключительно одними крестьянами на свадьбах, и крайне безобразно, с сладострастными в высшей степени телодвижениями. Упражнением в верховой езде и стрельбе из лука они занимаются весьма усердно, так как это часто бывает им нужно, более же сего они отдыхают в благородном бездействии или за игрою в разбойники или шашки. За эту игрою, которая некогда была в большом употреблении не только у персов и других азиатских народов, но и у исландцев и шведов, в настоящее время проводят почти все время и старики и дети на всех улицах и площадях Москвы. Кроме того, в известные времена года молодежь из простонародья устраивает кулачные бои и борьбу или же пытает счастья, играя в кости. Женщины разгоняют скуку от бездействия песнями, или же, поочередно, подбрасываются вверх бревном, положенным

поперек на пень, либо же летают по воздуху взад и вперед на канатах, привязанных к поперечному бревну. Мальчики играют заостренными кусками железа, норовя попасть в лежащее на земле кольцо, или быстро бегают по снегу на лыжах, или деревянных подошвах, упираясь палками. Этот способ передвижения, общеупотребительный у сибиряков, самоедов и лапландцев, некогда принес финнам весьма большую пользу даже на войне, так как, по словам Саксона Грамматика, они, быстро скользя на гладких деревяшках, неожиданно нападали на врагов.

Глава 14. Об одежде

Оставляя в стороне разные необыкновенные одеяния самоедов, лапландцев и татар, о коих будет сказано ниже в своем месте, я теперь кратко расскажу лишь об обыкновенной одежде русских. В Московии, вследствие закона об одежде, каждый должен одеваться по назначенному ему образцу. Если люди низшего сословия, или вообще бедные, оденутся немного пороскошнее, то общественное мнение считает это позорным, и кроме того их обзывают и изменниками вере и отечеству. Покрой одежды один и тот же у всех, но материю они употребляют различную. Мужчины носят на голове зимою и летом высокие, опущенные мехом шапки, которые у людей побогаче зачастую украшаются жемчугом, золотом и различными драгоценными каменьями. Штаны у них устроены так, что одновременно защищают и живот и ноги. Верхняя и нижняя рубашки - довольно коротки и туга стягиваются, одинаково как у мужчин, так и у женщин, ниже живота поясом, ибо мосхи не привыкли подпоясывать верхнюю одежду, как поляки. Поверх этих рубашек они затем надевают короткую шерстяную или шелковую тунику с длинными широкими рукавами, а сверх нее еще другую, доходящую до пят и более узкую. Выходя из дома, они, наконец, надевают третью одежду - длинную и широкую шубу, по большей части меховую или опущенную мехом, с очень широкими рукавами и воротом, разными узорами вышитую и украшенную драгоценными камнями, с шариками и застежками на груди. Для одежд они употребляют всякого рода материи, как шерстяные, так и шелковые, какого бы цвета они ни были, кроме черного, так как они вообще избегают черных и пестрых одеяний, предоставляя первые - монахам, а вторые - телохранителям царя и персам. Впрочем во всей одежде русских нет ни полотна, ни лент, хотя на ней, тем не менее, много драгоценного. Сапоги, или котуры, которыми прикрываются ноги и голени лишь до колен, снабжены у них более высокими, нежели у поляков, каблуками, обитыми железом, причем они красят их то в зеленый, то в голубой, то в красный, то в черный цвета. Бедные же люди большею частью плетут себе - дело нелегкое - лапти из липовых лык. У женщин одежда немного теснее, однако не настолько, чтобы обрисовывались отдельные части тела. Рукава рубашек, которые они у кисти рук и у ворота украшают золотом, шелком и драгоценными камнями, до того длинны, что руку не только нельзя прямо продеть в них, но даже, с трудом, собрав в складки, можно натянуть их на руки. Это неизбежное постоянное изобилие складок до того способствует сохранению рук в тепле, что даже зимою на руки не надевается никакой дополнительной одежды. Верхняя одежда у них спускается до самых ног, застегивается шариками, а длинные висячие рукава ее оторочены также золотом, серебром или, по крайней мере, шелком. Собираясь идти в церковь или куда-либо в гости, они надевают на эту одежду, как бы вместо плаща, еще другую, такого же покроя, украшенную золотым вышиванием или мехами. Чулки они носят из грубой, косматой шерсти, по большей части, просторные и без подвязок, а каблуки у их башмаков так высоки, что ходить весьма трудно. Эти каблуки, изобретенные некогда венетами и ныне весьма распространенные, имели, думаю я, лишь ввиду поудобнее удержать черезсур бесстыдных и безрассудных женщин от бесполезного праздношатания. На свадьбах или в иных каких торжественных случаях они прибавляют к своему наряду еще оплечье, род короткого плаща, густо унизанного золотом и драгоценными камнями, под которым они обыкновенно держат неподвижно руки. Замужние женщины носят на голове

шапки, прямые, без полей и опущенные дорогими мехами, причем либо прячут волосы под них, либо остригают их совсем. Девушки украшают себя красивыми венками из золотых шнурков, драгоценных камней и кораллов, а волосы носят искусно заплетенные в косу, куда вплетают пучок золотой или шелковой бахромы, дабы коса была подлиннее и красивее бы ниспадала до средины спины. В ушах все без различия (за исключением вдов) носят красивые серьги с драгоценными камнями: для этого матери обыкновенно прокалывают уши еще совсем маленьkim девочкам в бане. Считается у них также щегольством носить много колец на пальцах, а выходя из дома на улицу, они закрывают лицо, постоянно нарумяненное и набеленное, фатою, в высшей степени тонкою, - конечно, для того, чтобы видеть и быть видимыми.

Глава 15. Об утвари и наружном виде зданий

Согласно первобытному, по большей части и в других отношениях, образу жизни русских и домашняя утварь их весьма малочисленна и неизящна. Несколько ложек, роговых, деревянных или оловянных, нож, глиняные кастрюли и горшки, подойник, солонка да стол без тарелок и скатерти - вот и весь столовый прибор их. Повозки во всем государстве употребляются весьма простой работы, и одной лошади вполне достаточно, чтобы без труда везти их. Весьма немного лиц ездят в красивых, чужеземного изделия, крытых каретах на 4-х колесах, во-первых, потому, что царь не всем позволяет это, а также и потому, что считается неприличным для мужчин ездить в повозках. Женщин они сажают в совершенно такие же повозки, какие были у древних скифов, обитые красным или зеленым сукном, и возят в них по городу. Помещены эти колымаги столь высоко на осях, что влезть внутрь их можно лишь, приставляя лестницу; не могут они также, подобно употребляемым у нас висячим каретам, качаться в равномерном движении. Подушки, на которых русские спят ночью, они днем употребляют вместо сидений в повозках. Запрягают они одну лишь лошадь и, большую частью, белую, на которой сидит и правит мальчик, а многочисленная челядь из рабов идет впереди черепашьим шагом. Зимою они быстро развозят по всем направлениям товары на приспособленных для грузов санях, которыми иногда пользуются женщины, накрыв их сукном; мужчины же ездят в открытых, устланных медвежьими, черными и белыми, шкурами или коврами. Необходимые для плавания по морю и по рекам суда они сколачивают без гвоздей так, что нигде не видно хотя бы малейшего гвоздика, связывая все, чрезвычайно искусно, исключительно одними прутьями и лозой. Собираясь грести веслами, они садятся лицом к носу судна, тогда как другие садятся к нему спиной. Точно такие суда, совершенно схожие с русскими, мы видели у шведов в городе Гольме.

В Московии же заботятся и о домах меньше, чем где-либо. Дома там мало украшают и мало обращают на них внимания; возводя их, не прибегают к разного рода ухищрениям и отделкам, а почти следуют закону Ликурга, который приказывал лакедемонянам при стройке домов употреблять лишь топор да пилу. Но, пренебрегая каменными домами, они совершенно справедливо полагают, что гораздо здоровее, по причине сильных и постоянных холодов, запираться, подобно татарам и китайцам, в деревянные. Простой народ выводит дома лишь в один ярус, остальные - не выше двух. Многие дома даже среди города, не имея дымовых труб, выпускают дым через крайне узкие окна и не заключают в своих стенах ничего другого, кроме печи для варки пищи, стола со скамьями и небольшой иконы какого-нибудь святого. Бояре живут также очень тесно и в деревянных тоже, по большей части, домах, а рабы укрываются в маленьких, расположенных на том же дворе вокруг дома их господина, домиках, кои в других странах были бы сочтены за свиные хлевы. У ворот они, следя обычаю древних мозинохов и тирренцев, возводят небольшие деревянные башенки, где, как мы уже выше упоминали, рабы обыкновенно содержат стражу и извещают о каждом часе ночи ударами дубины по бревнам. Богатые люди присоединяют к городским домам своим садиками, засаженные пахучими растениями, и бани, в которых они чуть не ежедневно моются и сильно потеют, причем хлещут себя березовыми вениками. Такого же рода бани существуют и общественные, назначенные для пользования тому и другому полу, где, за небольшую

плату их владельцу, народ моется, по крайней мере, два раза в неделю, и откуда люди часто из сильнейшего жара выбегают на реку или на снег, для охлаждения, без всякого вреда для их голого тела. Ворота, ведущие во двор около дома, они строят высокими и широкими, дабы хоть этим выказать свое великолепие. Крыши - деревянные или соломенные, промазанные глиною. Церквам, однако, повсюду оказывается должный почет, ибо они большею частью строятся высокими и изящными из кирпича, хотя никоим образом не могут сравняться с нашими по великолепию и величине. Почти все они увенчаны несколькими маленькими круглыми башенками и одною побольше, которые мосхи весьма изящно украшают разного рода резьбою, если храм деревянный, и наполняют многими и большими колоколами. Внутри сами храмы не имеют ни одной скамейки, лишь алтарь в них окружен решеткою и бесчисленными изображениями святых, и освещается он лампадами и очень маленькими и узенькими окнами. Кроме того, эти храмы часто так малы, что, не выходя за пределы названных башен, находятся с ними под одною крышею, состоящей из разноцветных черепиц или свинцовых или медных листов, иногда покрытых золотом.

Глава 16. О питье и пище

В Московии, как почти во всех северных странах, люди питаются очень простою пищею, так как вследствие великой праздности женщин домашние и семейные заботы лежат исключительно на мужчинах, которые далеко не так сильно подчиняются прихотям желудка. Обычную пищу у них составляют, кроме большого количества рыбы и, в особенности, свиного мяса, молоко и икра, т. е. посоленные рыбьи яйца. Первое они большею частью употребляют скисшимся, вторую - в весьма разнообразном приготовлении: так, есть икра красная, свежепосоленная, есть черная и жидкая, уже в достаточной степени пропитавшаяся солью, есть белая - самая свежая, и, наконец, отжатая тисками и сгущенная, которую вывозят нередко и за границу. Прочие блюда, весьма простые, подаются без всякой иной приправы, кроме соли, и обыкновенно совершенно разнородные даже кушанья приготовляются в одном и том же горшке. Если же русские поставят на стол в трех небольших сосудах соль, перец и уксус, то считают, что живут уже на большую ногу. Телятины все упорно сыздавна, не знаю по какой причине, избегают до того, что царь Иван Васильевич приказал бросить в огонь рабочих, строивших крепость в Вологде, за то, что они, вынужденные голодом, купили и зарезали теленка. Такое же отвращение, доходящее до тошноты, питают они и к зайцам, ракам, голубям и ко всему, убитому посредством удушения, при чем кровь застаивается. Бедные люди скорее умеряют, нежели утоляют голод хлебом, который ими печется трех родов - из пшеницы, ржи и ячменя, - и водою, либо похлебкою из изрубленной капусты, либо жидкую кашею из овсяной муки, подобно ирландцам и шотландцам. Многие с жадностью пьют рыбий рассол, если как-нибудь раздобудут его, или макают в него хлеб, а уж если им достанется немного хотя бы и протухшего сала, то они считают себя воистину блаженными. Столы у богатых людей обыкновенно завалены громадным количеством несоленых мясных и рыбных блюд, но кроме того, еще пирогами, блинами и разного рода печениями и солениями. Из всех отраслей поваренного искусства русские действительно хорошо владеют одним, именно: готовить холодные кушанья. Овощей они, за исключением капусты, никаких и по сию пору в пищу не употребляют, но зато постоянно с удовольствием едят орехи, сливы и разного рода яблоки, как свежие, так и вареные в меду, огурцы и дыни, к которым они присоединяют еще знаменитые громадные астраханские арбузы, варенные в меду, каспийский виноград и татарскую корицу, хотя пальма первенства среди излюбленных и ценимых русскими плодов принадлежит луку и чесноку. Приготовляют русские также и пряники медовые для умерения горечи водки, но не посыпают их никакими пряностями.

Яблоки и некие темно-зеленые сливы они постоянно варят в меду и либо раскатывают это месиво в длинные листы, либо скатывают из него шары. Коровье масло они употребляют редко, чаще же масло, выжимаемое ими дома из льняного семени и лесных орехов. Между разного рода напитками первое место у них занимает, как я уже сказал, водка и пиво, которые они в большем количестве гонят, посредством огня, из хлеба, хотя сильно увеличивают этим

цену на него. Правда, мосхи утверждают, что им необходимо употреблять этот огненный напиток, который они пряностями и травами делают более приятным на вкус и более полезным для желудка, как средство против холодного климата своей страны. Один род медовой сыты они пьют сырым, другой - с прибавкою холодной воды и меда, третий - еще лучший - варенный на огне. Пиво они варят из овса, ячменя и хмеля, но оно крайне мутно и слабо, так что необходимо большое количество его, чтобы опьянеть. Простейшее и самое легкое питье, называемое на их языке квасом, они приготовляют из ржи и других сортов хлеба, совершенно без хмеля. Летом они пьют воду, настоенную на яблоках, вишнях, малине и других вкусных ягодах и подслащенную медом.

Вина, выписываемые ими в большом количестве из Испании, Франции, Германии, Греции, и астраханское они пьют редко, вполне довольствуясь своим медом и водкою. И хотя по всей Московии один лишь царь продает с громаднейшим барышом для себя мед, водку и пиво, предоставляя прочим подданным доход от виноградного вина и напитков, однако более знатным русским и иностранцам он, в виде милости, разрешает свободно варить пиво и иные питья для домашнего употребления. Если же кто вздумает воспользоваться этой милостью слишком широко и ради корыстных целей, то в первый раз он наказывается палочными ударами, во второй раз у него, сверх наказания, отбирается и напиток, им приготовленный, а совершивший этот проступок в третий раз платит пятьдесят рублей пени или же отправляется в ссылку в Сибирь.

Глава 17. О языке и науках

Так как считается, что все потомки Иафета говорили на греческом, латинском, славянском и немецком языках, то между этими четырьмя, распространеннейшими, основными языками Европы, славянский язык, как уже показывает само название его, должен считаться далеко не последним, ибо и в настоящее время он в употреблении на большом протяжении у народов, живущих между Каспийским, Евксинским, Адриатическим, Балтийским, Белым и Татарским морями. Произошел он, по-видимому, от неоднократного смешения древнего скифского языка с готским, но так, что первоначальные корни его принадлежат скифскому. Ибо, зародившись первоначально в Иверии и Алании, родине и первоначальных местах жительства всех скифов, он постепенно вместе с выходящими оттуда народами разбивался на различные наречия, которые благодаря войнам, времени и невежеству до того исказились на разные лады, что в них еле заметны незначительные следы их происхождения. Действительно, Геродот говорит, что скифы пользуются языком савроматов, смешанным со скифским, но весьма испорченным, и приводит этому действительному обстоятельству неверную причину: что, наверное, амazonки искони уже знали его в искаженном виде. Немало внес в него своего и готский язык, так как уже в первые века мироздания готские племена владычествовали над русскими. Кроме того, Прокопий свидетельствует, что готы вне своего отечества употребляли алансскую речь, и Страбон, по этому же самому, приписывает готский язык дакам, а по свидетельству Лукиана, древнейшие скифы говорили по-алански, и, наконец, все шведские историки согласны в том, что готы некогда господствовали над иноземцами и что готы имели почти тот же язык и нравы, как и скифы.

Этот вопрос мог бы лучше всего разъясниться, если бы что-либо из названных древних языков сохранилось вполне целым и неиспорченным: потому что, воистину, на основании того, что мы знаем о нынешних языках, нельзя вполне правильно судить о различии их в древности. Ибо одно достоверно, что в первобытные времена они настолько же были схожи, насколько теперь, наоборот, различны и тем явственнее обнаруживают следы близкого родства, чем дальше они удалились от своего начала. Это чрезвычайно ясно видно, например, в нашем древнем германском языке: язык, общеупотребительный в ближайшее к Карлу Великому время, в настоящее время понятен лишь благодаря большим стараниям ученых и гораздо более схож со славянским, нежели теперешний. Но распространяться ли об этом? Ведь если даже кто по словарям, хоть несколько внимательно, сравнит несколько языков, тот легко заметит и общее у них всех происхождение, и сходство одного с другим.

Некоторое время даже, по-видимому, древнелитовский и вандальский язык занимал средину между славянским и скифским, как язык финнов и гуннов между славянским и готским. Финский язык был в употреблении на большом протяжении между рекою Вислою, Балтийским и Гиперборейским морями, ныне же он, говорят, в наиболее чистом виде сохранился в Тавастии. Эсты же говорят на отличном от финнов наречии, корелы - на языке, отличающемся от финского лишь немногими словами.

Буквы и их начертание, если не все, то большую часть их, русские заимствовали, по всей вероятности, създревле у скифов, т. е. у готов, ибо и готовы получили просвещение из той части Азии, которая лежит между берегами Каспийского и Евксинского морей. А так как мосхи обитали посреди и весьма часто, с переменным успехом, вели войну с готовами, то едва ли возможно, чтобы они все это время обходились без письмен. Приняв, посему, греческие буквы, они дополнили число их рунами, так как греческих букв не было достаточно для того, чтобы вполне верно писать на их языке. Кто сравнит русскую азбуку с древнеготскою, тот легко это заметит. Добавлю еще, что в московской области Мордве, а также и в Вятке и Перми, или Беармии, граничащих с лапландцами, долгое время держалась своя особая азбука, в общежитии называемая азбукой епископа Стефана. В настоящее время народы, принадлежащие к славянскому языку, употребляют, главным образом, три рода букв: поляки - латинские, иллирийцы или болгаре - буквы св. Иеронима и мосхи - свои собственные, немного разнящиеся от них. Болгарские буквы, заимствованные у греков, называются глаголицей; по словам одних, болгарский князь Крунн получил их вместе с другими дарами, в 810 году по Р. Х., от императора Михаила Куропалата, как бы в знак примирения, когда осаждал Византию, другие же полагают, что они были позже приняты, в 845 году, Богером, царем болгарским, вместе с христианской верою от императора Михаила, сына Феофила. Русские буквы, мало отличающиеся от вышеназванных и имеющие более сорока различных начертаний, были приняты в 958 году русскою царицею Ольгою вместе с христианской верою от императора Константина Львовича, или же, скорее, они (так как это в точности неизвестно) были присланы Владимиру в 980 году от императоров Василия II и Константина X вместе с их греческими священными службами, которые не так-то давно были, наконец, напечатаны к большому удобству и пользе подданных. Но, без сомнения, эта азбука была при печатании умышленно искажена по образцу славянской, ибо русские имеют, кроме того, еще другую, немало отличающуюся от первой, и которую они употребляют в царских указах и грамотах, рассылаемых по всем направлениям, и эта азбука, кажется, более древняя. Таким образом, изучить язык московитов - дело весьма нелегкое уже вследствие необыкновенного количества и разнообразия букв. Впрочем, они в школах учатся только читать, писать и считать, а больше ничему.

Поэтические произведения у них хотя и не отсутствуют совершенно, но грубы и неизящны, и поныне и поэты у них, подобно царям, не делаются, но рождаются. Пишут они почти все с изысканными оборотами речи и хранят свои писания не так как мы, т. е. в виде отдельных и нитками сшитых листов, но склеивают их в длинную полосу, свертывая ее в трубку (как это делается и поныне у евреев).

Считают они, наподобие татар и китайцев, посредством камешков и кораллов, нанизанных на проволоку и расположенных в два ряда. Прочими науками и прежде всего, в значительной степени, философией они, кажется, никогда занимались вместе с готовами и скифами, которые из всех варваров постоянно восхищали греков своею ученостью, хотя вследствие неблагоприятных обстоятельств эти их просветительные занятия либо часто прерывались, либо совершенно прекращались. Поистине, если бы скифские наречия гиперборейского жреца Авара, прославившегося во времена Гомера, скифские законы Анахарзиса, пришедшего из Скифии к Солону в Афины, и сочинения других древних сарматов сохранились до настоящего времени, то мы дивились бы блестящим доказательствам учености сих народов. При летосчислении они, по сию пору, согласно со счетом 70 толковников считают года с древнейших времен, с начала мироздания, и начинают год с

сентября месяца. Не так давно еще они не имели ни малейшего понятия об астрологах и математиках и провозгласили Олеария, знаменитого составителя истории московской, чародеем, когда он, будучи в Москве, показал так называемую камеру-обскуру. Теперь, впрочем, и те, и другие не только терпимы, но даже по приказанию царя ежегодно составляют на московском наречии подробные календари с предсказаниями и распространяют их в народе посредством печатания. Недавно русские открыли в столице и школу для обучения латинскому языку, но опасаются, как бы занятия учеников не вышли за пределы изучения языка; поэтому государь разрешал беспрепятственно учиться лишь тем, которые намерены в будущем служить переводчиками, но и это столь полезное учреждение, как я узнал из писем некоторых лиц, по вине учителей опять упразднено. Предмет обычного обучения их на родном языке составляют книги Св. Писания, сборники молитв, некоторые богословские сочинения и, кроме того, многие творения св. отцов Златоуста, Василия, Григория Назианзина, Иоанна Дамаскина и других, собрания летописей и законов, всеобщая история, достославные деяния Александра Великого и жития святых, преимущественно русских, к которым должно присоединить еще несколько других книг, частью переведенных на русский язык по приказанию царя, частью же, с его дозволения, сочиненных некоторыми греческими и польскими монахами применительно к народному духу.

Между учеными, которые живут в Московии на блестящем царском годовом содержании, по справедливости первое место должен занять Паисий Лигарид с острова Хиоса, некогда митрополит фессалоникийский, а теперь - бывший митрополит Газы иерусалимской, не менее почтенный годами, нежели опытностью и ученостью, который в молодости прожил немало лет в Риме, а в бытность мою в Москве составил краткие записки о предметах веры. В 1666 году он же по просьбе некоего шведского посла написал исследование о вере греков и московитов, относительно таинства св. причащения; это рассуждение, так как его далеко не везде можно найти, мы прилагаем в конце настоящего повествования. В Московию же Паисий приезжал (как уверяет Лев Аллаций в письме 1645 года к некоему Нихузию) для того, чтобы найти помочь у надлежащих людей для своей церкви, впавшей в бедность и в долги, но по приказанию царя остался в Москве. Другой писатель - монах Базилианского ордена по имени Симеон в высокой степени преисполнен латинской учености. Есть также несколько греческих монахов, проживающих также благодаря своей учености в Москве на иждивении царя, не говоря уже о прочих переводчиках с разных языков. Из вельмож много и усердно занимается латинскою наукой боярин или царский советник Лукьян Тимофеевич Голосов, которому в наше время царь поручил заведывать врачебною частью, но которому, говорят, его ученость неожиданно причинила много беспокойства и несчастья. Нащокин младший, прославившийся сыном великого отца, много лет путешествовал и обозрел почти всю Европу, превосходно владеет, один из всей русской знати, не только латинским, но и французским и немецким языками, хотя эта ученость послужила ему не ступенью к почетному возвышению, а, скорее, препятствием.

Глава 18. О вере

Самое сложное и, естественно из законов природы вытекающее, поклонение единому Божеству держалось ненарушимо у народов с начала мироздания до тех пор, пока невежество и пороки не одержали верха над всеми, и весь почти земной шар не создал себе с ужасающими суеверием и тупостью многочисленных, бессильных и смертных богов. О готовах же и скифах держится слава, что они дольше, нежели прочие народы, хранили в совершенно целом виде и первобытную веру, и первобытный язык, так как они ведь, в самом деле, двигаясь из Армении на Север, долгое время не вели войн с чужеземцами и не попадали под их владычество. Но когда у них начались внутренние раздоры и соседние народы вступили в сношение с ними, то они также стали не только создавать себе разных своих богов, но и

поклоняться чужестранным идолам. Из этих пугал они поклонялись следующим, называя их по-скифски: Весту - Табитою, Юпитера - Паппеем, Гею - Апиею, Аполлона - Этосиром, Венеру - Артимпазою, Нептуна - Тамимасадом, а в честь Марса и Геркулеса они совершали воистину изумительные и жестокие обряды. Кроме того, говорят, некто Отин прибыл в 3174 году от сотворения мира из Азии в страну готов и принес с собою новые веру и законы; впоследствии же он был смеха достойным образом обоготворен готовами и причтен к сонму богов-покровителей. Изображение его, снабженное золотым оружием, они поставили в знаменитом Упсальском капище вместе с главным идолом, Тором, и богинею Фрикой. Громадная золотая цепь опоясывала башню этого капища. Поклонение этим богам готовы при знаменитых своих, за пределами отечества, царях далеко распространяли вместе с своим владычеством. Едва ли можно сомневаться в том, что, действительно, у мосхов были те же божества - в старину называвшиеся кумирами, - как и у готов, хотя с течением времени и переменою места они также изменялись.

Вместе с другими славянскими народами мосхи поклонялись Усладу, Хорсу, Даж-богу, Стрибе, Симергле, Мокошу и Перкуну или Перуну, украшенному серебряной головой, в честь которого постоянно горел костер из дубовых поленьев. Верховный жрец, называемый Криве и обитавший в городе Ромове, долгое время служил им. Позднее, в другие времена, они воздавали божеские почести другим богам, Ладе, т. е. Плутону, Лелю и Поделю, т. е. Кастроу и Поллуксу. И в настоящее время, по сию пору, лапландцы богохульно поклоняются каменным изваяниям и огню, а сибиряки - своей Золотой бабе, т. е. старухе, сделанной из золота, принося ей в жертву драгоценнейшие меха и сырье внутренности оленей. А так как у этого идола-старухи один ребенок находится на руках, а другой - на коленях, то это и послужило причиной к тому, что некоторые гадают по ней кой о чем неизвестном.

В древности родоначальники мосхов до того не терпели нарушения священных своих обрядов или малейшего внесения в них чего-либо чужеземного, что ученейший их философ Анахарзис был умерщвлен царем Савлием за то, что по возращении своем из долгого путешествия домой вздумал совершать жертвоприношение по греческому образцу, а царь Скила был изгнан борисфенитами из своего царства за то, что принимал участие в празднествах Вакха. В иные еще времена божества и жрецы готовы и скифов находились под сильным влиянием византийцев и других греков. Поэтому, рассказывают, некогда гиперборейские девы прибыли в Грецию для жертвоприношения Аполлону, также как и скифский философ Аварид, во времена Креза, посланный своими земляками для произношения обета ради избавления Скифии от чумы, свирепствующей в ней. Когда же, наконец, Всеблагой и Всемогущий Искупитель мира возвратил, ценой собственной смерти, людям вечную жизнь и благодетельно возвестил всем истинное Богопочитание, то некоторые московские племена, по их же словам, были научены спасительной вере Христовой самими апостолами, хотя они после сего постепенно утратили ее, так как подпали под владычество других народов (а также огрубели вследствие взаимных войн). Это мнение поддерживается преосвященнейшим кардиналом Баронием и точным смыслом и ходом apostольской истории.

Кем же именно из апостолов было научено вере Христовой то или другое скифское племя (а многие утверждают, что она была возвещена в Скифии и словесно, и письменно), трудно решить вследствие последовательных переселений этих племен в разные места. Я, впрочем, убежден, что св. Фаддей, память которого русские чтут особенно перед другими, а также и св. Варфоломей, от которого они, по их словам, приняли многие основные положения христианства, как бы то ни было, но распространяли свет Евангельский в восточной Московии, чрез соседние с нею народы, ибо они оба проповедовали в северной (передней) части Персии и в Армении. А то, что говорится о св. Филиппе, который, по свидетельству Авдия, Винцентия, Бергамаса, Петра де Наталибус и других, в течении двадцати лет проповедовал Евангелие скифам, а также о св. Андрее, который учил по обоим берегам Евксинского Понта, по свидетельству Евсевия и Никифора, - это, я полагаю, касается более

западных русских. Сократ замечает, что в 363 году на Антиохийском соборе присутствовал и подписал соборное послание к императору Иовиану русский епископ Антипатр, однако некоторые считают, быть может ошибочно, что Антипатр был епископом не русским, а города Рес в Малой Азии. Как бы то ни было, но в 325 году на Никейском соборе действительно присутствовали какой-то скифский епископ и Феофил, епископ готский. Или, если кому угодно, пожалуй, скажем, что в 369 году, когда св. Никет, епископ даков, обращал в христианство готов, скифов и гуннов, то большая часть москов уже была принявший христианство. В это же самое время, говорит св. Иероним, имя Христово стало известно и народам на Нервийском побережье Ледовитого океана. После того же, как сей Божественный пламень неоднократно, как бы, был на некоторое время заглушаем мрачными гуннскими полчищами, он снова в 867 году - некоторые ошибочно относят это к 886 году - стал разгораться, когда во времена Рюрика, князя русского, император константинопольский Василий Македонянин, как свидетельствуют о том Зонара и Никифор, отправил архиепископа к русским, и этот на виду у москов, ожидающих чуда, бросил в огонь св. Евангелие и вынул его оттуда нисколько не поврежденным, чем и обратил в христианство громадное количество людей, хотя об обращении самого Рюрика у этих писателей ничего определенного не находится. Но даже это чудо недостаточно прочно укрепило корни вновь нарожденной веры, так что потом царица Ольга и внук ее Владимир снова стали распространять ее.

А именно, в 958 году Ольга, как говорит Цедрен, будучи уже вдовою, отправилась в Константинополь к Константину, сыну Льва, с немалой свитою из русских вельмож и там крестилась в святой купели и приняла имя Елены. Возвратясь домой, она после многих тщетных попыток к обращению своего народа послала в 973 году послов к Оттону, императору римскому и германскому, с просьбою прислать епископов в Россию. В следующем году прибыл св. Адальберт с целью проповедовать Евангелие в пределах России, но был так неожиданно прогнан невежественной толпой, что едва ушел живой. Иные полагают, что это произошло в 959 году, что, насколько мне это известно, менее верно. Когда же Восточная империя после Цимисхия досталась Василию, сыну Романа, то Владимир, наисклучивший князь русский, во время войны принял в Херсонесе Таврическом св. крещение и вместе с тем женился в 980 году на сестре императора, как я выше в рассказе о нем несколько подробнее уже сообщил. Он распространил с громадными усилиями и, в особенности, благодаря трудам Льва, первого митрополита киевского, Евангелие широкою волною по всему пространству России, а с течением времени мосхи обратили в христианскую веру, ими принятую, даже и соседние, им подвластные народы. Таким образом научились почитать Христа, частью благодаря грубой проповеди русских священников, частью же по принуждению, вследствие царского приказания, Мордва, Вятка, Пермь, Печора, Сибирь и другие области. А между тем в 997 году св. Бонифаций, сын Богуслова, короля в Славонии, посланный папою Григорием V, явился к остальным, пребывающим еще в язычестве, русским племенам и, пройдя по приказанию какого-то царька невредимым сквозь огонь, блестяще доказал этим чудом превосходство христианской веры; об этом подробно рассказывает Петр Дамианский в жизни св. Ромуальда.

По истечении приблизительно одного столетия пытался, кажется, не без некоторого успеха обратить в христианство тех русских, кои ныне частию подчинены полякам, а частию - москам, также и св. Бруннон. В древние времена мосхи, по свидетельству Зонары, постоянно были подчинены киевским митрополитам, зависевшим от константинопольского патриарха, как высшим блюстителям священных обрядов; когда же поляки захватили Киев, то мосхи испросили себе у константинопольского патриарха особого митрополита, а по расширении их государства и усиливании их власти они даже избрали одноплеменного себе патриарха, с тем чтобы он постоянно пребывал в Московии. В 1074 году сын одного из русских князей, Димитрий, отправился в Рим и принял царский венец от папы Григория VII, открыто исповедуя римскую веру. Свергнутый братом с престола, он в следующем году бежал к императору Генриху искать у него помощи и, по словам историка Ламберта, принес с собою неисчислимые богатства, состоящие из золотых и серебряных сосудов и драгоценнейших

одежд. Император, правда, отправил в Россию, с целью попытать примирение, Бурхарда, архиепископа трирского, на сестре коего был женат брат Димитрия, но дело остановилось в самом начале, ибо ему помешали не только столь же драгоценные дары со стороны захватчика, но и, кроме того, то, что Генрих был опутан внутренними междуусобицами.

Что касается основных положений веры московитов, то в настоящее время они исповедывают то же учение, как и греки, и читают чуть ли не все книги последних в славянском переводе, хотя в предшествующие века они придерживались многих обрядов, совершенно не согласных с греческими и усвоенными ими либо по удобству их, либо же благодаря невежеству. Кроме греческих у них, правда, есть несколько и собственных сочинений, например: каноны Иоанна Митрополита, которого они считают пророком; чудеса св. Николая Барского и какого-то св. Филиппа; вопросы Кирилла Русского к Нионту, епископу новгородскому; постановления царей - Владимира и Ивана Васильевича; приговор над действиями кардинала Исидора на Флорентийском соборе и, наконец, новейшее - приговор патриархов константинопольского и александрийского, которые были призваны в Москву десять лет тому назад и лишили русского патриарха, за некоторые его нововведения в делах веры, сана. На этом собрании главным образом, кажется, был обсуждаем вопрос о некрещении вторично христиан, несогласных с russkimi, и о том, чтобы папа римский не обзывался бы всенародно, как это раньше делалось из году в год, гнуснейшими, нарочно для сего подобранными именами. Также была прекращена и ересь тех, кои пытались свести все иконопочитание к поклонению лишь Христу, Пресвятой Богородной Деве и св. Николаю. И до того свято и ненарушимо соблюдают russkie все предписания веры, что никто не смеет, под страхом жесточайшего наказания, вымолвить что-либо не согласное с ними. Этим они одни достигли того, чего лишены почти все остальные христиане, - незыблемого единомыслия в вопросах веры.

Глава 19. О духовном сословии и его силе

Высшая забота об охране веры почти поровну разделена между самим царем и главным епископом и патриархом. Хотя верховная власть во всем государстве, как в церковных, так и светских делах, принадлежит исключительно одному царю, все же он оказывает духовенству и патриарху некоторое уважение, и поэтому-то и нынешний царь, намереваясь лишить патриарха Никона сана, призвал с громадными издержками вышеупомянутых патриархов в Москву, дабы они, конечно, наилучшим образом обсудили бы все это дело и постановили справедливое решение. Действительно, дабы показать, как почтительно они относятся к своим патриархам, цари всенародно оказывают им в торжественных случаях большие почести и позволяют им иметь свои особые присутственные места, в которых разбираются духовные тяжбы, не первой, впрочем, важности. Первое из них называется разрядом, и в нем хранятся деловые бумаги духовенства и список всего церковного имущества, второе - судным приказом, где разбираются обыкновенные духовные тяжбы, и третье - казенным, который ведает казну патриарха и доходы его. И хотя некогда московские митрополиты назначались константинопольскими патриархами, однако с начала нынешнего столетия, когда mosхи получили свое особое патриаршество, они ни за каким делом к ним, вследствие сего, не обращаются. В настоящее время при избрании патриарха епископами царю одновременно предлагаются два базилианских монаха, из которых он одного, подходящего, и избирает, вручая ему епископский посох с следующими словами:

“Пресвятая Троица, вручившая нам верховную власть, ставит тебя в патриархи”. Немедленно после сего такие же свои russkie епископы совершают торжественный обряд посвящения. Прочие лица духовного звания до архимандритов включительно также сперва представляются царю, но утверждаются царем вместе с патриархом. Десятину взимают со времен Льва, первого митрополита, только епископы. Раньше, когда russkie находились под владычеством поляков, она взималась последними одинаково со всех через каждые семь лет, но потом, по занятии Киева, они имеют своего особого митрополита. Духовенство владеет по всей Rusi весьма обширными и богатыми поместьями, составляющими третью

часть всего государства, кои в силу сего освобождены от налогов. Известное количество солдат, впрочем, духовенство обязано поставлять. Что касается степеней важности духовных особ, то по сию пору многие сообщали о сем разноречивые и неверные известия, либо потому, что недостаточно подробно разузнавали об них, либо потому, что с течением времени они изменялись. Я здесь в точности приведу по порядку тот перечень их, который я видел в Москве.

После патриарха и его архидиакона первое место занимают митрополиты, которые называются по именам тех областей и городов, коими они управляют, и которые разбирают жалобы подчиненных им епископов. Вот их перечень: новгородский и великолукский, тобольский и всей Сибири, казанский и свияжский, астраханский и терский, галицкий и киевский, ростовский и ярославский, сарский и подонский, муромский и рязанский, белгородский и обский; архиепископы: смоленский и дорогобужский, вологодский и белозерский, псковский, тверской и кашинский, сузальский и юрьевский, черниговский и нижегородский; епископы, называемые мосхами господами или владыками, - вятский, коломенский, архангельский и несколько других, недавно назначенных архимандритов, или аббатов, будет числом едва ли более пятидесяти. За ними следуют протопопы, т. е. старшие священники, и попы, т. е. священники, при отдельных церквях; в одном городе Москве их находится, говорят, четыре тысячи. У каждого священника есть свой помощник - дьякон, так как без него попу нельзя было бы вполне правильно совершать богослужение. Начальники монастырей называются у русских игуменами, а охранители их или стражи - келарями. Монахи и монахини следуют уставу св. Василия и весьма усердно упражняются в разного рода похвальных добродетелях. Монахини остигают волосы в знак того, что свергли с себя всякие мирские оковы, и зарабатывают только сколько нужно для пропитания вышиванием по сукну. Монастыри, все без исключения, отличаются богатством и красотою построек. Наиболее знамениты монастыри в Москве: в память чудес Алексея и, недавно освященный, во имя Господа Христа, а во Владимире - в память Рождества Христова, далее - Белозерский, Епифановские леса, а также и Горицкий-Воскресенский и самый богатый из всех Свято-Троицкий, отстоящий от Москвы на расстоянии двух миллиарев, не говоря уже о монастырях в Новгороде, Пскове и многих других.

В последнем, т. е. Свято-Троицком монастыре, говорят, хранится нетленным до сей поры тело некоего Сергия, тамошнего игумена, умершего в 1563 году. Сюда царь приезжает два раза в год для поклонения находящимся тут святыням, и в течение нескольких дней архимандрит великолепно угождает его и всех его придворных. Есть в России и приверженцы уединенного образа жизни, называемые столпниками, т. е. отшельниками, крайне скучно питающиеся хлебом и редкою и зачастую обучающие язычников вере Христовой. Кроме того, некогда в Московии существовал крайне нахальный разряд людей, называемых халдеями, более похожих на диких, нежели на святых, которые во время рождественских праздников должны были представлять историю о трех юношах, вверженных в пылающую печь, и напоминать об обращении древних руссов посредством огненного чуда и которые всех идущих в церковь и попавшихся им на пути опаляли огнем из трубок. Так как они за это почитались нечистыми, то в праздник водоосвящения они всенародно очищались посредством погружения в воду. Вследствие этого у некоторых явилось неверное мнение, что халдеев подвергают вторичному крещению. Просвирни - суть вдовы, не желающие идти вторично замуж и главное занятие которых, так как они ведут более благочестивый образ жизни, нежели другие женщины, заключается в приготовлении священных хлебов, употребляемых в церквях. Священники, если они только не монахи, женятся только раз и на девственницах, а ночь перед тем, как им приходится совершать богослужение, они спят непременно одни. Мало того, в случае смерти первой жены они не женятся вторично и не совершают более таинств, если не поступят добровольно в монастырь, а только прислуживают другим священникам в храме или же совершенно возвращаются в мирское звание, как бы в прежнее свое состояние. Священнослужители низшего разряда по большей части так мало почитаются, что если они принесут судье жалобу на кого-либо в оскорблении

их, то при малейшей с их стороны провинности они сами скорее, нежели истинный виновник, терпят наказание. Все, с кем они затевають ссору, безнаказанно колотят их палками по всему телу, кроме головы, но если кто собьет у них с головы митру, возложенную епископом, тот подвергается тяжкому наказанию. В одежде они мало отличаются от всех остальных, кроме того, что носят волосы распущенными и не стригут их. В вопросах, касающихся учения веры, они крайне невежественны и нередко подвержены пьянству, предпочитая лучше казаться святыми, нежели быть таковыми действительно. Говорят, что некий митрополит московский, прежде чем выходить из дома, обкуривал свое красное лицо серою до бледности. Монахи же изнуряют себя крайне скучно пищею, часто едят и рыбу, но постоянно воздерживаются от всякого рода мяса и во всем остальном ведут, под суворейшим управлением настоятелей, образ жизни, несколько более просвещенный и святой. Поэтому мосхи, приветствуя, называют их "батюшками", т. е. отцами, и целуют у них при встрече руку и просят у них благословения в виде осенения крестным знамением, хотя бы даже мимоходом.

Глава 20. О церковных службах и обрядах

Хотя мосхи продолжают питать к латинской церкви ненависть, унаследованную ими от греков, однако в основных учениях веры они почти во всем согласны с нею, но так как у них все подчиняется личному чувству, а общественное благо и согласие все более и более пренебрегаются, то и самое это сродство служит к еще большему раздражению.

О тайне Пр. Троицы они рассуждают не вполне верно, полагая, что Св. Дух исходит от одного Отца через Сына, хотя в настоящее время, кажется, они и об этом вопросе имеют более верное представление, нежели раньше. Детей они крестят на восьмой день, так называемым малым крещением, причем назначают ему имя, и призыв для сего священников, а более торжественный обряд крещения откладывается до сорокового дня, когда детей помазывают также миром, хотя это совершается только патриархами и епископами. При самом св. крещении не одна только голова окропляется водою, но ребенок весь погружается в нее, а священник произносит: "Крещается раб Божий во имя Отца и Сына и Св. Духа", причем состригает у ребенка ножницами волосы на макушке и, закатав их в воск, прячет где-нибудь в церкви. Затем он трижды помазывает ему лоб миром, трижды натирает ему рот солью, надевает на него чистую рубашку, вешает на шею крест и назначает ему покровителя из святых. Восприемников, или свидетелей крещения, по большей части бывает шесть, того и другого пола, которые плюют на землю, когда священник произносит отречение от сатаны. Если случится, что ребенок умрет раньше, чем начнется крещение, то русские согласно с католиками полагают, что он будет находиться в ином, особом месте. Священнейшее и спасительнейшее таинство причащения они совершают под обоими видами, т.е. хлеба и вина, и верят в действительное превращение, или претворение. Вино они разбавляют теплую водою, дабы вернее изобразить воду, истекшую из божественного бока Спасителя. Они употребляют хлеб не пресный, но кислый, т.е. перебродивший, и дают его вместе с вином на ложке детям до семилетнего возраста, ибо уверены, что именно с этого возраста люди начинают грешить; большинство же обыкновенно причащаются только перед праздником Пасхи, а многие - лишь в последние минуты, перед самою смертью. Больному, если нельзя иначе, дают только освященный хлеб, смоченный тремя каплями вина; если же он не может проглотить и его, вследствие болезни глотки, то ему, по крайней мере, вливают вино; сумасшедшем же дают только прикоснуться губами к хлебу, напитанному вином. Хлеб, который дают больным, они большею частью освящают в Вербное воскресенье на Страстной неделе и хранят его в серебряном ковчеге, имеющем вид голубя или башни; когда этот ковчег впоследствии проносят по улицам, то народ поклоняется ему, падая на колени. Обедня служится по определенным, праздничным дням и, кроме того, каждый раз, как кто-либо предложит священнику плату за совершение ее; во время обедни священник, стоя перед дверями в алтарь, показывает народу чашу с вином и блюдо с хлебами, а в конце обедни раздает эти хлебы, иначе называемые антидором, из которых вынуты частицы для освящения.

Кроме обычной, русские иногда служат на славянском языке и более длинную обедню св. Григория. Проклятий, произнесенных кем бы то ни было из священников, они ужасно боятся и считают их одинаково пагубными и для тела, и для души. Во всех поступках и грехах своих, какие только за ними водятся, они признаются, о каждом отдельно, священнику на пороге храма, и тот назначает им искупления за них. Более тяжкие грехи, заключающие в себе оскорбление величия Божеского, могут быть, по их мнению, также смыты водою, освященною в праздник Богоявления. С этою же целью они прибегают к длинному ряду усердных молитв и совершают пешком весьма длинные и утомительные путешествия. После смерти душам отводится некое мрачное место, в средине между раем и адом лежащее, где они и пребывают вплоть до Страшного Суда, отягченные грехами, ибо, говорят они, человек не может попасть в рай или ад, прежде чем будет произведен над ним суд, так как он совершает и добрые дела и злые, и не особенно тяжкие и тайные, но в ожидании суда они, преимущественно по субботам, молятся за умерших, произносят обеты и делают пожертвования. В ночь накануне всеобщего поминовения покойников они выставляют в церкви бобы с медом, которые потом раздают нищим. Помазание св. елеем (они признают так же, как и католики, семь таинств) они совершают над умирающими, после чего считают противным вере давать больным какое бы то ни было лекарство, даже если они, оправившись, вновь впадут в болезнь. В первое воскресенье Великого поста патриарх в присутствии царя с особого возышения предает в Кремле отлучению от Церкви еретиков, не согласных с греческою верою и виновных в мятежах. Если кто из русских усомнится в вере, того немедленно, как мы уже выше говорили, живого ввергают в костер или лишают жизни посредством иной какой казни.

В наше время царь и патриарх велели объявить двум знатным женщинам, чрез их мужей, что им будут перебиты голени, если они не обратятся к более подобающему образу мыслей, так как они, более, чем следовало бы, изучая Св. Писание, полагали, что многое в обрядах следовало бы исправить. А дабы уничтожить возможность ложных толкований и повод к какому бы то ни было сомнению, никакие поучения к народу отнюдь не допускаются. Они поэтому страшно ненавидят белорусов, сохранивших несколько более свободные обряды, и недавно еще запретили им объяснять Св. Писание народу в их церквях, имеющихся в Москве.

Крестное знамение они творят, сложив первые три пальца вместе, со лба на грудь и с правого плеча на левое. Молятся они на своем родном, т. е. славянском, языке и на нем же совершают все священные службы, причем поют псалмы Давида с некоторыми антифонами, читают Евангелия и молебны святым, для чего ежедневно утром до полудня и вечером после него призываются колокольным звоном в святой храм, а в праздники многие, по благочестивому усердию своему, встречают день в храме. Они хвалятся с большою гордостью, что они одни обладают Светом Истины. Освященная вода и благовонное курение у них в церквях в большом употреблении. Те, кто знает за собой тяжкие преступления или имевшие супружеское сожительство, молятся лишь на пороге храма, пока не получат прощения грехов или не очистятся в бане. Иностранцам всем безусловно запрещено входить в храмы; если же кто дерзновенно войдет туда, то его либо принудят принять веру московскую, либо же подвергнут какому-либо иному, не легкому, наказанию. Поэтому многие были удивлены, когда в 1672 году польские послы были приглашены русскими в церковь. Почести воздают русские святым, поистине, величайшие, так, что изображения Господа Христа, Пр. Девы, апостолов и других без различия святых они крайне невежественно называют "Богами". Пред живописными, а не резными, изображениями святых, кои они держат у себя на дому, они днем и ночью зажигают восковые свечи, кадят благовониями, воздевають руки, земно кланяются, осеняют себе лоб крестным знамением и самоуверенно препоручают себя им. Пр. Богородице, которой они приписывают свиту в 300 ангелов, и св. Николаю отведены первые места, по степени почитания их. Впрочем, кроме апостолов, они почитают немало и других св. первосвященников и даже нескольких римских пап, живших до разделения Церквей. Св. Николай происходил из города Патара и одинаково прославился, как при жизни,

так и по смерти, чудесами, так что в настоящее время Церковь его называет Великим; во времена императора Константина Великого он был епископом в Мирах Ликийских, откуда впоследствии его мощи были перенесены в г. Бар, в Неаполитанском княжестве. Про некоторых своих святых русские рассказывают много чудесного: одни, будто бы, переплывали море, сидя на жерновах, другие, будто бы, таким же образом летали по воздуху, и много и других чудес они-де являли в этом же роде. Многие поэтому полагают, что мосхи, увлеченные своим легковерием, неудачно приписывают многие черты, свойственные их героям, т. е. гигантам, своим святым.

В пище они весьма часто соблюдают строжайшее воздержание и не только по средам и пятницам не употребляют в пищу сахара, ничего молочного, яиц и мяса (в субботу они едят мясо), но строжайше соблюдают в году четыре важнейших, как они их называют, поста. Во время первого поста, перед Пасхой, продолжающегося 48 дней, даже самые знатные люди ничего не ставят на стол, кроме овощей, после того, однако, как предадутся необузданным пированием в предшествующую этому посту неделю, которую называют масленицей, а греки - сырною, хотя этот недостаток благочестия они большею частью стараются загладить тем, что три первых дня этого поста, три серединных и три последних они проводят без всякой пищи и пития. С праздника Св. Троицы и до праздника свв. Петра и Павла, приблизительно, в течение 40 дней они снова лишают себя мяса по причине второго поста. От 1-го до 15-го августа они добровольно терпят лишения в память Успения Девы Богородицы, поджиная новый год и обильную плодами осень. Наконец, во время четвертого поста, перед Рождеством Христовым и называемого Филипповским, они отказываются в течение шести недель от обычных своих блюд. Переходящие в русскую веру иностранцы постятся 40 дней, славяне - лишь 8 дней и наставляются, до принятия ими веры, в монастыре. Правда, есть весьма много русских, которые, питаясь лишь хлебом да водою во время общего воздержания, относятся к сему с досадою. Кто коснется женщины во время Пасхального поста, тот на целый год не причащается Св. Тайн. Иностранец, женившийся на русской, обязан принять также и ее веру, которую русские хотя и не навязывают никому против его желания, во что бы то ни стало, однако, неустанно убеждают к тому. А кого они переманили в свою веру, тому Москва станет вечною тюрьмою.

Торжественные шествия или церковные ходы бывают по всему городу, весьма пышные, причем и сам царь принимает в них участие. Во время праздника Пасхи русские в знак радости стреляют рано утром из ружей, что запрещено в обыкновенное время, и звонят в колокола, не переставая, только что не ночью, в течение всей недели. Рано же утром по прочтении того места из Евангелия, где говорится о Воскресении Христа, они в каждом приходе целуют в храме священника в плечо и, кроме того, целуются во храме друг с другом. Как мужчины, так и женщины, при встрече целуются и обмениваются пасхальными яйцами, окрашенными в красный цвет; они говорят, что это, по преданию, с первых веков христианства служило выражением христианской любви. Ибо тот, кто приветствует первый, говорит другому: "Христос Воскрес", на что тот отвечает: "Воистину Воскрес". Такими подарочками, яйцами, щедро также оделяет и царь своих служащих и гостей. Для того чтобы наравне с другими получить этот знак царской милости, и мы, сняв предварительно с себя, согласно обычая, перчатки, шляпы, плащи и шпаги, приветствовали царя, сидящего на великолепном престоле и окруженного длинным рядом приближенных, трижды низко кланяясь ему и касаясь пальцами пола, затем, преклонив колени, целовали его руку, в которой он нам протягивал два яйца каждому. В праздник Богоявления царь и патриарх отправляются блестящим шествием с великолепными торжественными обрядами вместе с знатными людьми и в сопровождении большого количества духовенства на Москву-реку для освящения ее. По всему пути от дворца до самой реки, так как он покат и скользок, устраивается гладкая деревянная лестница. Впереди несут изображения святых, сверкающие огнем от многочисленных восковых свечей, при неумолкаемом звоне колоколов, пении священных песней и каждении благовониями, а за ними следует царь с придворными, в великолепных одеждах. Стены, окна, крыши, река и оба ее берега на большом протяжении

покрыты бесчисленным множеством народа и красивыми рядами солдат. На реке, там где во льду вырезано отверстие локтя в 4 величиною, ставят деревянные решетки и разноцветные шатры. Посреди их виднеется небольшой легкий помост, спускающийся несколькими ступенями до самой воды, на который становятся царь с патриархом. Когда патриарх длинным молебствием освятит воду и все будет уже совершено по обряду, то, прежде всего, подводят царские сани, запряженные шестью белыми лошадьми, на которые и ставят несколько сосудов с освященною водою, для употребления ее в будущем, после чего и все наполняют свои сосуды тою же водой и бережно относят их домой. Иные, понабожнее, наперерыв друг перед другом бросаются в самую прорубь или только окунают туда голову, что, впрочем, для многих оказывается пагубным по причине большого мороза. С не меньшою торжественностью и пышностью празднуется и Вербное воскресение. Среди толпы прочих зрителей располагаются солдаты кругом на Царской площади, ближайшей к главным воротам в Кремле, там где находится большой каменный дугообразный выступ в виде луны, с красиво развевающимися знаменами и развернутым строем. Сюда являются сперва патриарх, облаченный в первосвященническую одежду, в сопровождении всего духовенства, а вскоре за ним сам царь со всеми своими приближенными, пред которым много священников несут образа и поют особые молитвы и некоторые псалмы, после чего происходит раздача пальмовых ветвей, часто настоящих, которые привозят русским из Персии. После сего царь пешком ведет лошадь, на которой сидит патриарх, за красный повод в Кремль к святым церквам. Впереди же всех едет повозка, везомая лошадьми в великолепных попонах, на которой стоят искусственные деревья, обильно увешенные цветами и плодами. На ветвях их сидят несколько маленьких мальчиков, наряженных ангелами и весело приветствующих пением "Осанна". Весь путь, по которому двигается шествие, устлан красным и зеленым сукном, которое потом снимается молодыми солдатами, идущими следом за боярами, и шутливым грабежом растаскивается ими по всем направлениям. Сам царь обыкновенно получает от патриарха двести рублей в вознаграждение за свой труд. Лошадь, покрытая белою шелковою попоной, на которой едет патриарх в этом торжественном шествии, постепенно получает все меньше и меньше корма, дабы она, оставив всякую горячность, более походила на осла, и, в течение нескольких недель до шествия, проваживается по этому пути, туда и обратно.

Глава 21. Об иноверцах в Московии

Хотя у мосхов почти совсем не было, или не осталось, еретиков из русских, однако они и поныне допускают, по необходимости, различные богопротивные обряды некоторых. Так, они, с одной стороны, постоянно отовсюду изгоняют евреев из Московии, но близ Ледовитого океана и Татарского моря в стране самоедов, Обдории и Сибири, в русских пределах, они и до сей поры допускают поклонение идолам и солнцу. У рек Танаиса, Волги и близ Каспийского моря им подвластны татары, срамящие себя свальным многоженством либо исповедующие лживую магометанскую веру; во многих городах России они даже, по необычайному попущению царя, построили свои храмы; лютеране же и кальвинисты не только в самом городе Москве, но и в Архангельске и других городах открыто отправляют богослужение по-своему, но не употребляют колоколов. Царь, из-за иностранцев-купцов и солдат, так милостиво относится к ним, что даже сам патриарх не решается присвоить себе какую-либо власть над ними. Так, в наше время лютеране по собственной воле представили одно дело по обвинению в двоеженстве на решение патриарха, но тот заявил, что это его вовсе не касается. Одним лишь римским католикам до сих пор не разрешено иметь своего священника в Москве, хотя немало католиков всех подразделений занимают у русских как военные, так и гражданские должности. Французский король Людовик XIII, ревностный христианин, вел в 1627 году через своих послов переговоры с царем о торговых сношениях и о свободе вероисповедания, но получил отказ, какого не ожидал. Пытались неоднократно сделать то же и непобедимые короли польские, но с таким же успехом. До того сильна была вражда между греческою и латинскою Церковью, что она, по-видимому, не поддается никакому человеческому врачеванию.

Глава 22. О браках и о власти мужей

Жених, собирающийся вступить в брак, при посредничестве знакомых или родственников, с невестою, которую он раньше ни разу не видал, прежде всего договаривается о приданом, с той и другой стороны. В день, назначенный для свадьбы, отец невесты приходит один к ней и острением стрелы разделяет ей волосы, распущенные ею по лбу, после чего она, сидя с открытым лицом, принимает подарки от друзей. Засим ее вновь накрывают и ведут в другую комнату, где она садится одна за стол с женихом, которому мальчики в белых одеждах подают соль, хлеб и творог, от которых отведывает один лишь священник, предварительно благословив их. Вслед за этим они отправляются, сопровождаемые свитою родственников, великолепно наряженных (причем почти все бывают сильно выпивши), в церковь для совершения обряда венчания. Здесь они, повторяя то, что им подсказывает священник, дают друг другу клятву в верности, и супруг обещает жене не бить ее, а жена мужу - не изменять ему. Засим священник, возлагая на каждого из них венок, плетенный из полыни, произносит: "Тех, кого Бог соединил, человек да не разлучает", и другие слова священной брачной клятвы и скрепляет весь обряд, давая поцеловать крест (брачующиеся дарят также при этом друг другу кольца в знак взаимной любви). Засим новобрачная, распостервшись у ног мужа, целует его сапог, а друзья, зажегши восковые свечи, подают, тем временем, священнику чашу с вином, которую тот предлагает новобрачным опорожнить с пожеланием им благополучия, и те, выпив все вино, растаптывают чашу ногами, причем обещают, что будут таким образом соединенными силами уничтожать тех, кто вздумает расстраивать их любовь. Вернувшись, верхом, в каретах или на санях, домой, садятся за пир, причем новобрачная притворно всхлипывает, вздыхает и плачет, а новобрачный после третьего блюда насильно уводит ее, несмотря на то что она все время ему сопротивляется, в спальню. Гости тем временем не забывают себя, угощаются из больших кубков, а свахи - женщины с продажным языком - усердно оплакивают в печальных стихах перемену в судьбе новобрачной. Час приблизительно спустя отец новобрачного выносит гостям из спальни стакан, полный вина. Если он дыряв, и вино каплет из него, - значит невеста оказалась не сохранившей целомудрия, и пир кончается печально: весь брачный договор считается расторгнутым, и мнимая девственница печально возвращается к своим родителям. Показывая же стакан, полный и целый, отец новобрачного дает понять, что невеста оказалась целомудренной и достойной уважения, и тогда все с пением и пляскою предаются неистовому пьянству, причем громче и более всех радуются благополучному исходу свахи. Способ удостоверения в целомудрии у них тот же, как у многих варваров, и представляется, не в обиду им будь сказано, весьма неосновательным нашим врачам. Если новобрачный увидит, что новобрачная обладает каким-либо телесным недостатком или пороком, что она хромает, слепа, стара или больна, то он может развестись с нею, но не иначе, как дав ей новое приданое. Впрочем эти обычай и подобные им у простого народа отчасти изменены, отчасти же не в употреблении. Воспрещается вступать в брак между собою родственникам по крови до четвертого колена, связанным духовным родством и тем, кто когда-либо были свидетелями в одном и том же деле. Вступающих в третий раз в брак они обзывают, женщин - неистовыми, а мужчины подвергаются не меньшему также наrekанию. Развод у них часто бывает из-за пустяков, по бракоразводным грамотам и по приговору священника. Знатные люди вступают в брак и поныне в незрелом возрасте, чуть не детыми, и научаются супружеской любви меж детских игр. Перед тем как лечь спать с женой, они, по старинному завету Кирилла Русского, сперва снимают крест с шеи и образа со стен, а на следующий день, если не успели еще обмыться, то молятся у дверей храма, где в старину стояли грешники; это они делают также и после других оскверняющих их действий. Дома у себя, согласно старинному русскому и нынешнему восточному обычаю, как, быть может, нигде еще на земле, мужья пользуются такой властью над женами, что могут даже продавать их другим в рабство на известный срок. Эта подчиненность супругу, кажется, по необходимости существует у русских, так как без нее не могло бы быть любви. Действительно: так как народу этому от рождения суждено рабски повиноваться, то отеческая власть одинаково сурова относительно слабого пола, дабы дочери приучались по примеру матерей исполнять

приказания и дабы склонное к разврату сословие бабенок находилось в постоянном страхе, а мужья только такого рода суровым обращением успокаивали бы ту ревность, которую часто возбуждают в них дерзкие созерцатели красоты. Поэтому у них на первом месте, около кровати, между другими предметами, необходимыми в хозяйстве, вешается и ременная плетка, называемая "дураком", и жены постоянно оказывают мужу почтение, с притворно скромным видом, с опущеною головой и наполовину закрытыми очами быстро исполняя все его приказания, так что по виду супруги скорее совершенно чужды друг другу, а не связаны брачными узами. Тем не менее, однако, и у мосхов встречается немалое количество Вулканов-рогоносцев и, притом, между знатью.

Глава 23. О воспитании детей и об опеке

их

Заботе о правильном воспитании детей, полезном в высшей степени как для всего государства, так и для частных лиц, мосхи отводят последнее место, так что дети подрастают у них на полной свободе и распущенности. Они не только не преподают им никаких правил пристойного образа жизни, но, напротив, считают нужным учить их, в банях и в постелях, многому такому, что должно быть окутано глубочайшим мраком. К школьным занятиям дети приступают поздно, так что нередко познают жену раньше, чем грамоту. Обращаясь постоянно между пьяными, они становятся лентяями, неотесанными, приобретают чудовищные привычки, никогда почти ничего честного не делая и не помышляя даже о лучшем образе жизни. Отцов они уважают весьма мало, матерей - едва ли уважают вообще. Пока отец жив, даже взрослые дети находятся в его полной власти: он имеет право наказывать различными способами непокорных и четыре раза продать их, на совершенно законном основании, если задолжает кому-либо. К сиротам назначаются опекуны, большую частью, царем, хотя нередко берут опеку на себя, по воле завещателя, ближайшие родственники, но и те и другие обязаны представлять точнейший отчет в приходе и расходе царю, как верховному опекуну над всеми.

Глава 24. О погребении

В старину мосхи хоронили своих покойников весною, а до этого времени хранили их на чердаках, может быть, для того, чтобы, в назидание всем домашним, напоминать каждому о его собственной смерти, или для того, чтобы, подобно китайцам, лучше выразить свою душевную признательность покойнику в его присутствии. Ныне они их предают земле - подательнице и принимательнице всего - по истечении суток, согласно изданному закону. Похороны происходят приблизительно в таком порядке: труп, положенный в гроб, относится на столе или на санях, в сопровождении большого количества плачущих, на кладбище. Похоронное шествие открывают несколько певчих и священников с зажженными погребальными факелами. За ними следуют родственники покойника, тоже с восковыми свечами в руках, с повязанными головами, ударяющие себя в грудь и небрежно одетые. Далее идут женщины-плакальщицы с распущенными волосами, в траурных одеждах, старающиеся вызвать сожаление притворным выражением лица и быстро высыхающими слезами, с воплями и рыданиями поющие похвалы покойнику. Засим, по окроплении покойника освященою водою, священники быстро прочитывают над ним молитвы и его немедленно - утром ли, или после полудня, это безразлично, зарывают в землю, причем медленно ударяют в один лишь колокол. Зимою тела людей небогатых сваливаются в кучу в особые небольшие дома и замораживаются, а при наступлении вновь весны извлекаются оттуда и хоронятся более тщательным образом, ибо зимою копать землю, обратившуюся от холода на большую глубину как бы в камень, и слишком трудно, и слишком дорого. Каждому покойнику надевают на ноги башмаки, а в руки дают грамоту о свободном пропуске, которую он должен показать св. Петру в доказательство того, что ему отпущены священником его грехи. Если случайно кто-либо будет убит, не имея креста на шее, то тому следует, по мнению русских, отказать в молитвенной помощи и погребальных почестях. Печаль

выражается у русских изорванною одеждой черного цвета, но по истечении шести недель всякие сетования прекращаются. Все время, пока последние продолжаются, доступ к царю запрещен. Но, дабы почтить память умерших поминальною трапезою, русские приносят по субботам пищу в маленькие хижины, выстроенные над могилами, и таким образом приносят жертву душам родственников. Описывая кратко эти похоронные обряды, москвитянин Кирилл в своих вопросах выражается так:

“Вели отслужить за душу умершего пять обеден и дай за это священнику гривну, т. е. десять оболов, а также ладана для каждения, пять свечей, вина и куты, приготовленной из трех частей сваренной пшеницы и одной - четвертой - части чечевицы, бобов, гороха и иных плодов, с прибавкою к ним меда и сахара”.

Книга четвертая

Естественные богатства государства и его обширность

Глава 1. Об умеренности климата

Почти по всей Московии климат весьма суров, а народы, живущие на крайних берегах Северного океана, не только терпят стужу и ежегодно бывают погребены снегом, наносимым целыми горами, с тем, чтобы впоследствии вновь ожить, но и блуждают почти постоянно во мраке, зачастую едва на час рассеиваемом дневным светом. Но, тем не менее, даже в крайних пределах Лапландии находятся огнедышащие горы и ключи кипящей воды, как в Гренландии, Исландии и на Канарских островах. Россия, лежащая у Каспийского и Черного морей, дышит более мягким воздухом, и в ней созревает виноград и другие плоды. В самой же середине страны, около города Москвы, воздух так уравнен, что насколько зима сковывает, настолько лето, хотя и не на одинаковое время, вновь оживляет. Девятимесячные морозы сменяются неполным трехмесячным жаром, достаточно, однако, сильным, и русские, по-видимому, успевают в этот короткий промежуток времени и посеять, и собрать жатву, причем хлеб скорее выпекается на солнце, нежели созревает. Поэтому они часто страдают от излишества того или другого. 1525 год от Р. Х. оставил по себе в этом отношении печальную память: тогда зима погубила зверей и людей, а лето сожгло своим собственным зноем все плоды и леса. В наше время свирепствовал такой холод, что воздух как бы отвердел, и выходившие наружу, утром и вечером, с трудом могли дышать; дым, встречая препятствие в воздухе, падал сверху и стлался по земле, и многие, отважившиеся выйти наружу, поплатились за это носами, руками и ногами. Тогда же видели, что птицы падали из воздуха, а многие находившиеся в пути странники лишились внезапно жизни, не чувствуя приближения смерти, а как бы цепенея во сне. Так, один поселянин, охваченный морозом, так неожиданно скончался, не чувствуя смерти, что въехал, мертвый и окоченелый, верхом на коне в город, держа в одной руке поводья, а в другой - хлыст. Защититься от столь сильного холода нельзя ни мехами, ни движением, ни обильным поглощением водки, ни даже огнем. Одним словом, в России господствуют: холод почти постоянный, зной - кратковременный, дожди - нередко проливные, снега - поистине глубочайшие, и только грозы бывают очень редко. И хотя, благодаря обилию лесов, озер и болот, большое количество паров часто заволакивает по утрам ясное небо, однако северный ветер легко снова расчищает его, и это обстоятельство так хорошо защищает эту страну от заразных болезней, что, насколько припоминают, болезнь чума за много веков только раз господствовала в ней. По этой же причине мосхи, сохраняя внутреннюю теплоту, долговечны и обладают телом плотным, белым, сильным и здоровым. Ибо, как некто остроумно заметил, изволением Всемогущего и Всеблагого Бога, воздух, местность, вода и пища управляют, до известной степени, как жизнью человека, так и его действиями.

Глава 2. О свойствах почвы

Хотя, сравнительно с прочими европейскими государствами, Московия кажется гораздо беднее предметами, доставляющими наслаждения, однако она значительно богаче их тем, что необходимо для пропитания и одежды. Мало того, если взглянуться тщательно, то она производит даже многое, служащее к развлечению и наслаждению, и чего лишена большая часть Европы, и в чем она открыто завидует москам. Как благодетельная ключница, она щедро раздает из обильных недр своих разного рода деревья, травы, овощи, плоды, древесные и полевые, драгоценные камни, соль, железо, медь, серебро и многое другое.

Леса, которыми почти вся страна покрыта сплошь, хотя и не плодоносны, но доставляют величайший доход всему государству, так как из них - чего только не добывается, кроме бревен на постройку кораблей и зданий и громадного количества поташа. Даже сами медоносные птицы - пчелы, складывают здесь в дуплах деревьев в огромном количестве мед, собранный ими в других местах. Говорят, что особенно в Нижегородской области и у мордовы, в лесах, из тую набитых верхушек сосен мед так обильно сочится, что даже у медведей является сильное желание поживиться столь сладкою добычею, и они не обращают никакого внимания ни на боль и укусы пчел, ни на преследования пчелинцев. Из деревьев особенно славится одно, растущее в окрестностях города Калуги, внутри от природы как бы источенное червями, из коего делаются очень красивые сосуды для домашнего обихода, а также еще и другое, красноватого цвета, которое, будучи положено в горячую воду, подобно воску делается гибким, тянучим и вновь опять выпрямляющимся. А на одном из островов реки Борисфена растет дерево, называемое местными жителями таволгой, с корой красного цвета и твердое, как черное дерево, и которое, говорят, обнаруживает свойство способствовать мочеиспусканию у лошадей, вследствие чего казаки, татары и русские обыкновенно привязывают ременные плети к палкам из этого дерева. На островах Волги, и особенно близ города Чернояр, растет куст, увешанный стручковыми плодами, красноватые семена коих пахнут, как аромат, и поэтому русские женщины набивают себе ими рот, ибо если раскусить их зубами, то они издают весьма приятный запах. Там же в немалом количестве произрастает и душистый тростник, и некая трава, называемая татаркой, которую много употребляют, примешивая ее к водке, а также и известнейший врачам корень ревень. А между Волгой и Танаисом у самарских племен водится знаменитое овцевидное растение баранец - иные неправильно пишут борамец, - кора которого походит на овечью шкуру; это руно тщательно снимают, и знатные люди обыкновенно подбивают себе им платья и рукавицы, дабы было теплее. Оно обладает такою способностью сушить и согревать, что высушивает всю траву вокруг себя, прежде чем завянет, почему некоторые, плохо осведомленные, предполагали, что оно обладает разумом и питается близ находящимся травою. Из этих же приблизительно местностей получается в изобилии также и шафран, солодковый корень, перечная трава или чабер, не говоря уже о винограде, дынях и других плодах, перечисленных в другом месте. Во многих местах можно видеть на зеленоющих лугах траву, обильно покрытую медом (который по каплям падает в нее с неба, как жемчужина в раковину). Эту, росе подобную, манну, довольно, впрочем, плохую и лишь как приправу к рыбной пище, они собирают в сите до рассвета, ибо по восходе солнца она либо быстро осыпается и всасывается, либо испаряется.

Коноплею и льном преимущественно пред остальными областями изобилует область Ярославская. Черкасия и Киевская области славятся плодами всякого рода и названия, хотя там нет, как в других, более счастливых частях света, деревьев, приносящих плоды дважды или трижды в год. В самом городе Москве растут весьма вкусные арбузы и дыни и яблоки с такою нежною кожицею и мясом, что видны семена, в самой глубине их находящиеся. Громадное количество зернового хлеба доставляет ежегодно жатва почти везде во всем государстве, а из прочих областей Рязань отличается таким плодородием, что часто из одного зерна вырастают на одном стебле два-три колоса. Большая часть остальных областей также обильны и плодоносны. Несмотря на то что они очень долго бывают покрыты снегом,

последний не только нисколько не вредит им, но, напротив, превосходно защищает их от большого холода. Дальше же к северу находящаяся земля плоха и почти не родит ничего, и ее трудно обрабатывать, а местные жители, как я говорил уже, приобретают хлеб у голландцев и ливонцев, хотя в настоящее время они делают всевозможные попытки и упорным трудом начинают все более и более торжествовать над нею. Недостаток этот зависит не только от необработанных полей, но главным образом, естественно, от войны и производства водки.

Соль получается в изобилии из нескольких областей сразу, но лучшая, чем где-либо, добывается в Астрахани из воды: здесь имеются шесть озер или болот, в которых она из года в год постоянно оседает наподобие льда. Ошибаются те, которые думают, что в этом месте есть соляные горы, где соли снова вырастает столько же, сколько ее было взято. Всякая вещь, брошенная в эти озера, немедленно покрывается как бы жидким сахаром. На дне их, в иле, скрываются кусочки в виде плиток, которые называются корнями соли, которые не растворяются в воде и которые можно разбить на мелкие куски лишь с величайшим трудом. В Старой Русе, в Галиче и иных местах соль выпаривается из воды, а в Нижнем Новгороде и на острове Соловки добывается из недр земных.

Недалеко от Астрахани из земли выбрасывается нефть, род земляной смолы, и притом так сильно, что сжигает все, что только достигнет, и никакой влагой не может быть погашена. Ее-то, некогда, грубые армяне бросали из военных снарядов на римские когорты, когда вели войну против Лукулла. Железные рудники разрабатываются на счет и трудами немцев близ города Тулы. Само железо русские не только перерабатывают в разные орудия, но и вывозят в необработанном и совершенно сыром виде за пределы государства, а оттуда получают железные изделия. По берегам реки Двины добывается из скал слюда, или прозрачный камень, употребляемый, главным образом, для окон, а близ Великого Новгорода недавно, несколько лет назад, найдена медь. Из Самоедии туземцы в наше время привозили царю не только горный хрусталь, лед, обладающий твердостью камня, и соль, осевшую из воды от солнца и холода на приморских утесах, но и необработанные слитки серебра. По этой причине некоторым не без основания пришло в голову предположение, что в тамошних горах, составляющих часть Рифейских, природою скрыты богатейшие жилы серебряной и золотой руды. И конечно, Москву по справедливости пришлось бы назвать живым источником хлеба и металлов, если бы величине площади страны соответствовала численность народа населения, а ее плодородию - умственное развитие последнего. Некоторые говорят даже, что знаменитый королевский, Елизаветы Английской, мореходец Форбиссер в 1578 году нашел в Гренландии или, вернее, близ татарского мыса Табина горы, в которых просвечивало золото. Удивительно, однако, что это известие, столь близкое к нашему времени, уже считается за басню, так как мосхи и поныне не ожидают такого богатства от своих земель.

Глава 3. О вывозе и ввозе товаров

Россия не только имеет в самой себе достаточное количество всего, но даже ведет меновую торговлю с иноземцами большую частью своих произведений. К числу таковых кроме соли, железа относятся еще скот, зола, смола, лен, конопля, рыбий жир, мед, воск, икра, меха и кожи, которые она доставляет народам, и соседним с нею, и далеко живущим. Татарам русские продают попоны, уздечки, сукно, ножи, топоры и много другого в том же роде, что они сами по большей части покупают у других. Леса доставляют в громадном изобилии разного рода золу, пригодную для приготовления подзола и иных дел, а также и пушных зверей, именно: соболей, куниц, рысей, бобров, бывшей, диких кошек, лисиц, пахучих бобров, белок, горностаев, зайцев, волков, белых и черных медведей, оленей, коз, лосей, зубров и многих других зверей, коих меха и кожи в большом употреблении и дорого ценятся. Для их покупки не только вся Европа, но и Азия и Африка постоянно высыпают купцов, которые имеют большое влияние на московские государственные доходы, ибо они платят громадные пошлины и часто определяют стоимость денег. Меда у русских набирается, как я уже

упоминал выше, такое количество, что они не только заготовляют его для собственного употребления, но и услаждают им и иноземцев. Воска они также производят многие тысячи фунтов, хотя значительная часть его расходуется у них дома, при богослужении. Не говоря уже о других еще товарах, мосхи, также за небольшую цену, продают иностранцам пахучую кровь известного индийского животного, обыкновенно называемую мускусом, которую им привозят издалека татары. Сюда же должно, по справедливости, присоединить и бобра речного, шулята которого доставляют известное врачебное средство и вывозятся в громадном количестве из России за границу. Немалый источник дохода составляют громадные рога, или носы, рыбы нарвал, выдаваемые некогда датчанами, привозящими их из Гренландии и Исландии, за рога земноводного зверя, единорога, пока мосхи не увидали у себя на Новой Земле, в чем дело. Сюда же относятся и тюлени, из которых добывается в большом количестве жир, и моржи, морские чудовища, обладающие большими, похожими на слоновую кость клыками, из которых делают рукоятки для ножей и мечей.

Из товаров, привозимых в Московию из чужих стран, главнейшие следующие: сукна, шелковые ткани, пряности, разного рода вина, масло, железные изделия, драгоценные камни, жемчуг, золото в виде проволоки и даже монета, золотая и серебряная. Привозятся эти товары частью сухопутным путем поляками и ливонцами, частью же морем ежегодно приезжающими англичанами и бельгийцами. Лишь от табака, как одурманивающего растения, царь велит своим русским воздерживаться, дабы вернее избежать опьянения и пожара от него. Из Персии, Бактрианы и северной части Китая привозятся, главным образом, хлопчатая бумага, шелковая парча, драгоценные камни, пестрые завесы, дорогие ковры, обои, тонкие полотна и свалянные из татарской шерсти сукна. В большом количестве, наконец, присылают русским ежегодно: Татария - сильнейших лошадей, Калмыкия - быстрейших, Персия - чистокровнейших, хотя и у себя русские тоже разводят весьма хороших. Это животное считается у них необходимым не только на войне, но и в мирное время, более чем где-либо, так как в России люди, хотя бы чуть-чуть позажиточнее, считают унизительным ходить пешком и привыкли ездить по городу на лошадях, или же чтобы впереди их шла лошадь, ведомая слугой.

Глава 4. О диких и домашних животных

В России, соответственно тому, как в селах и городах повсюду виднеются многочисленные стада домашних животных: овец, свиней, быков, коров, лошадей, и большие стаи голубей, куриц, уток, павлинов и гусей, - так и в лесах встречается очень много диких зверей. Зайцы белые и серые доставляют мосхам более меха для одежды, нежели мяса для пропитания, так как в силу привычки они считают осквернением себя есть их. Ни в каком другом месте не ловится большего количества белок, белых и рыжих, бобров водяных с пахучими хвостами, горностаев, этих беленьких, с темными пятнами, зверьков, кроликов всевозможных цветов, диких лесных кошек, куниц, соболей и лисиц - белых, красных и черных, - рысей, отличающихся острым зрением и красивыми пятнами. Предметом охоты служат, далее, дикие козы, бобры (а особенно белые медведи, живущие на ледяных горах Кандинии и которые более свирепы, нежели другие), а также рыбы в водах и иные звери: олени, лютые зубры и лоси, знаменитые своими копытами и непроницаемо для ударов шкурой. Медведи же эти, иногда заходящие и на Шпицберген, отличаются от тех, что водятся в наших краях, головою, похожею на собачью, длинною шею и большою подвижностью в телодвижениях; волоса, коими они покрыты, длинны и мягки, как волна, нос и когти у них черные, и они чрезвычайно ловко ныряют в воде. Фридрих Мартенс из Гамбурга говорит, в своем путешествии на Шпицберген в 1671 году, что зубы этих медведей, истолченные в порошок, восстанавливают обращение застывшей крови, а жир из-под подошв их в растопленном виде вызывает пот, ускоряет роды и утоляет боль в суставах. Таким образом, Россия во всей совокупности своей представляется как бы неким громадным зверинцем. Ко всему этому надо еще прибавить неисчислимые полчища разных птиц, как-то: гусей, уток, диких голубей, лебедей, предвестников собственной кончины, орлов, коршунов, выпей, фазанов, драхв,

тетеревов, рябчиков, перепелок, серых дроздов, курочек и других, более мелких, подробно перечислять коих я считаю здесь излишним.

В местностях, лежащих близ Белого моря и Северного, животные большей частью имеют шерсть и перья белого цвета; мало того, привезенные сюда издалека, в несколько лет теряют первоначальный цвет свой и приобретают цвет белоснежный. Поэтому в этих местностях очень часто встречается птица, редкая в других краях, именно - белый ворон. Некоторые полагают сами до сей поры и других уверяют в том же, что аисты не живут в Московии. Поистине, этого никак нельзя утверждать относительно всего государства, ибо хотя они и не появляются в некоторых серединных местностях по причине густых лесов и сильных морозов, однако в других местах, более открытых и близких к морю, они большими стаями вьют свои гнезда на верхушках деревьев и на дымовых трубах. В Сибири водится белая птица, которая по величине тела равняется лебедю, но с более короткой шеей; снятая с нее кожа, покрытая пухом (в других краях это же самое производят с лебедем), служит для подшивки перчаток и нагрудников и дорого ценится иностранцами. У угличан славятся более всего белые соколы, главным образом преследующие цапель, которых некоторые называют иродовыми соколами или священными. На Новой Земле, говорят, мерзнут многочисленные дикие гуси, а также и пестрые утки и неизвестного рода птицы, высиживающие птенцов из яиц в гнездах, свитых из их собственных перьев и моха. Многие не без основания полагают, что эти птицы и шотландские или зимние гуси - одно и то же. Ибо когда случайно как-то в Шотландии были найдены их яйца, то думали, что они сперва растут на деревьях, а потом уже, упав оттуда в воду, начинают оживать. Голландцы же видели в 1596 году, как эти утки сидели на этих своих яйцах зеленоватого цвета, и назвали их шотландскими; в настоящие времена достоверно известно, что эти птицы водятся и на Шпицбергене под названием горных уток. В Астрахани, этом пороге в Азию, являются между другими, залетными, птицами, некие черные птицы, крупнее ворона и во всем совершенно схожие с утками, которых русские называют бакланами, а также онокроталы с зобами, более крупные, чем лебеди, и называемые по-московски бабами. Последний род птиц получил свое название от Плиния за то, что они, опустив клюв свой в воду, ревут, говорят, по-ослиному; клюв, повторяю, огромный, продолговато-красный и имеет на конце вид ложки, а под ним у шеи висит зоб, наподобие мешка. Местные жители поэтому весьма охотно приручают этих птиц и обучаю их рыбной ловле, так как они рыбу, не умеющуюся более в желудке, кладут в это вместилище и хранят ее там на будущее, на случай голода. Хозяева же посредством легкого встряхивания достают эту рыбу оттуда, часто еще дышащую и извивающуюся. Очень много водится в России зверя росомахи или бырси с щетинистою кожею, которая долго сохраняется, вследствие твердости волос, и из которой мосхи шьют шапки и рукавицы. Это животное если нается случайно чрезмерно, то имеет обыкновение, дабы не порвать себе кишок, втискиваться между двух дерев и, таким образом, освобождаться от бремени, коего оно не в силах более снести.

В степях, почти совершенно не населенных, близ Борисфена и Танаиса, пасутся овцы, которых казаки называют сайгаками. В крайней Татарии, подчиненной мосхами, бродят, в меньшем, впрочем, количестве, нежели в Персии и Индии, знаменитые пахучие животные, по внешнему виду и величине похожие на коз, и испускают из себя кровь, приятно пахнущую, которая маленькими кусочками, обернутыми в кожу, вывозится к нам и продается за громадную цену. Однако не один пуп, исключительно, бывает полон столь искомой жидкости, но и поверхность всей спины, если ее умело посеять прутьями, источает под кожную сукровицу с таким же приятным запахом. Татары часто сами ее портят, примешивая к ней, когда она свернется, кровь плохого качества.

Наконец, в Лапландии, Самоедии, Печорский области и всей Кандии громаднейшую пользу местным жителям приносят многочисленные олени из рода северных, но меньше их ростом, которые заменяют им коров, лошадей и всякого рода богатство и доставляют им и одежду, ибо лапландцы их доят, запрягают в сани и повозки и приготовляют из их шкур, пока они

молоды, верхнее платье, а когда они достигают зрелого возраста, то шапки и нижнюю одежду. Подобным животным пользовался - читается в истории или, вернее, в басне о древних норвежцах - некий Гот Галоркапра во время своих поездок в разных направлениях из Лапландии в Гренландию, получая от него и пищу, и средство к передвижению. Северный олень обладает широкими ноздрями для дыхания и громадными ветвистыми рогами, которые он, входя в лесную чащу, вытянув шею, отклоняет назад на спину; весьма тонкие ноги с раздвоенными сверху копытами поддерживают его, причем передние снабжены крючковатым загибом, заменяющим ему подкову или двойные железные шипы, дабы они не скользили на льду. Питается он травою с бледно-зелеными и твердыми листьями, растущей на каменистых и бугристых местах, так что ни суровая погода, ни бесплодие почвы никак не могут вредить ему.

Глава 5. О разного рода рыбах

У мосхов не только одни леса изобилуют зверями, а поля - плодами, но и реки, озера и моря - многими рыбами, чрезвычайно приятными на вкус. В качестве обычных блюд подают лещей, щук, окуней, белорыбицу, краснобородок, форелей, мурен, семгу, поставляемую преимущественно из Архангельска, осетров или стерлядей и много других, которых у других народов желудок дорого ценят. Да что! В Москве зимою на рынке ежедневно можно видеть целые горы рыб, лежащих на снегу, причем особенно поразительное зрелище представляют собою, главным образом, длинные ряды астраханских осетров, как бы питающихся пустым воздухом, выставленных для замораживания и на продажу. Икру из них, приправленную солью, русские продают с громадным барышом во все страны, так что Московия поэтому может называться общим международным рыбным садком. В Каспийском море и в реке Волге, на всем их протяжении, водятся чрезвычайно вкусные рыбы, осетры и другие, а также и стерляди, т. е. молодые осетры, ростом очень небольшие, но почитаемые всеми за высшее лакомство, по причине их крайне нежного мяса. Не уступает им и белуга, которая ловится преимущественно в реке Оке, почти совсем не имеет костей, и мясо которой бело, как снег, а чешуя блестит, как серебро. Очень часто встречается в Московии рыба сом с громадной головой и жирным телом, из которой, так же как и из китов и тюленей, или морских собак, выпадает ягодь, т. е. жир. В Борисфене обыкновенно ловят сетями клювышей, называемых Плинием также и гузонами. Вокруг Новой Земли можно видеть морских собак (tüленей), противных чудовищ в шесть, семь футов длиною, одетых коротким пестрым мехом и, благодаря обилию в них крови, до того живучих, что они продолжают жить даже по снятии с них кожи и будучи разрублены на куски. Встречаются и знаменитые рогатые нарвалы, т. е. вернее, рыбы с хорошими зубами и шестнадцати футов в длину, а также и моржи, отвратительные чудовища величиною с быка, обладающие клыками, более ценимыми, нежели слоновая кость, и составляющими отличительный признак самцов, с головою рыси и кожей, более непроницаемой, нежели панцирь: убить их нелегко, разве что попадешь в висок. Эти моржи формою тела совершенно схожи с морскими собаками, но гораздо крупнее их, с шерстью более короткой и рыжей, двумя громадными клыками, красными и круглыми глазами, они свирепы и опасны, на ногах у них находится пять когтей, наподобие пальцев. Они, кроме того, крайне сонливы, и мореплаватели часто слышат, как они, одинаково на льду и в воде, страшно ревут, совершенно как быки. Если охотники нападут на одного из них, то остальные являются, скрежеща зубами, ему на помощь и предпочитают погибнуть все вместе, нежели изменить одному. Щетина, похожая на тростник и растущая у них в виде бороды, доставляет корабельщикам кольца, способствующие исцелению от судорог, а порошком, приготовленным из костистого мужского члена их, мосхи пользуются для изгнания камней из мочевого пузыря.

Остальные водяные чудовища, похожие на людей, а именно сирены, которых, говорят, можно видеть главным образом в Татарском море, не должны быть отнесены, безусловно, к числу вымыслов, так как в настоящее время достаточно известно, что в Индийском океане были тоже пойманы таковые, с круглой головою, но без шеи, с длинными, в два локтя, руками,

плоским носом и совершенно человеческими ушами, глазами и животом; грудь, покрытая очень белою кожею, у них раздвоена и снабжена сосцами, заключающими в себе молоко.

Глава 6. О гаванях и побережьях

Россию омывают разные и обширнейшие моря, а именно: Евксинский или Мавританский Понт, Меотидское или Темеринское море, Каспийское, которое арабы называют Богар-Корсунь, т. е. закрытым морем, парфяне - Бакан, татары - Хелугелян, русские - Хвалынским морем, затем Татарское и Белое или Гандвикское море, Северное море, некогда прозвывавшееся Амалхским, а на славянском наречии - Морем морозным, т. е. замерзшим, Финский или Пяткорикский залив и, наконец, Балтийское море. Правда, однако, что берега их, занимающие столь обширные и разнообразные пространства, обладают меньшим числом гаваней, нежели кто-либо мог это подумать, и пользуются не только у русских, но даже и у иноземцев дурною славою, как плохие стоянки для кораблей. На Гирканском море города Астрахань и Тарки обладают довольно хорошиими гаванями, хотя они до сей поры мало посещаются судами. Более частым поездкам по этому морю препятствуют не столько мелководные места, песчаные отмели и почти постоянные бури, сколько неукротимые татарские морские разбойники. Приморский берег близ Северной Татарии, говорят, совершенно изрезан мелководными реками, которые, хотя и текут сначала в глубочайших руслах, до того утрачивают свою глубину при устьях, что челноки с трудом двигаются по ним, вследствие наносного морскими волнами песка. Лишь в области Печора по реке того же имени русские довольно часто отправляют небольшие суда ради торговых целей в Верхнюю Тартарию, за реку Обь, причем они, будучи плохо снабжены всем нужным для мореплавания, нередко терпят крушения среди льдин и водоворотов. Одно только Белое море - счастливое, как бы уже по одному имени своему, - имеет в Архангельске гавань, более всех остальных ныне прославляемую в России. По причине мелководья суда больших размеров и нагруженные не решаются заходить далеко, даже по реке Двине, но становятся на якорь в море и там выгружают и нагружают товары. Поэтому и гавань св. Николая, которою пользовались прежде, предоставлена лишь небольшим судам, так как место для стоянки оказалось в Архангельске более удобным. Наконец, в Московской Лаппонии небезызвестны город и гавань Кола, недалеко от которых находится датская крепость Вартнин, и мыс Мотка, называемый Плинием Рубеасом. Сюда именно приезжают корабли с Востока за рыбью, золою, жиром и оленями. По Черному морю русские сами ездят по возможности реже, а чаще всего посыпают туда казаков, укрывающихся на островах в реке Борисфен и получающих от них годовое жалованье, не столько с торговыми целями, сколько для захвата добычи.

Глава 7. Об укрепленных местах в государстве

Хотя полагают, что мосхи проявляют гораздо более воинской доблести при защите городов, нежели в открытых сражениях, однако у них и по сию пору весьма немногие места хорошо укреплены. Причина этому заключается не только в незнании военного зодчества, но и в самой обширности государства. Если, поэтому, они строят где-либо укрепление, то оно по большей части бывает либо громадно и неуклюже, без всяких искусственных, твердых опор и утверждений, либо выстроено главным образом из дерева, непрочно, с тонкими стенами, и не могущее устоять против пушек или огня, при первом же нападении. Укрепления из кирпича они строят обыкновенно лишь перед весьма немногими городами, причем большей частью устраивают в защиту его валы, рвы и бревенчатые заборы.

Кроме столицы Москвы, лучшими меж крепостями справедливо считаются Киев, Калуга и Белгород южный, воздвигнутые против беспокойных татар и крымцев, как бы в соседстве с ними. Весьма сильную защиту мосхов представляют в этой местности приблизительно 40000 запорожских, или днепровских, казаков, состоящих на годовом жалованье у царя; это, как говорят, народ, образовавшийся из гнусного соединения изгнанных некогда отовсюду и собравшихся здесь разбойников. Разъезжая неустанно по Черному морю, они часто пробираются до самого Константинополя ради его ограбления и держат все соседние народы

в страхе. Против лютости и мощного своеволия восточных татар выставлены главным образом Казань и Астрахань, в Сибири - Тобольск, и другие города. С ними мосхи более всего боятся воевать, так как они, не имея постоянного места жительства, кочуют то здесь, то там, и, опасные уже одной своей численностью, быстро совершают нападения на соседей, не столько по воинственности духа, сколько по крайней необходимости. А так как совершенно покорить их нельзя никоим образом, то русские обращают их к мирным занятиям тем, что часто делают им подарки и отводят им для населения новые земли, и этим как бы умиротворяют их. Лежащий у Каспия городок Тарки стоит на страже, рядом с персами и узбекскими татарами, и как бы хранит у себя ключи от кавказских ворот, ибо узбеки, союзники мосхов, охраняют знаменитую дорогу в 8000 шагов длиною, проложенную в кавказских теснинах до города Темиркапи, крайне опасную и ведущую в Мидию. Засим Смоленск и Могилев, кроме других менее важных городов, защищают от поляков, а Псков и Новгород Великий, а также и снег и непрерывные пустынные леса - от шведов. Поистине, все государство сильно охраняется не столько крепостями и громадными сооружениями, сколько естественными преградами - обилием и глубиною рек, болотами, затрудняющими способы сообщения, длинными цепями лесом поросших гор и самой обширностью страны. Поэтому и русские, видя себе пользу от сего, нарочно оставляют неустроенными дальние окраины государства и особенно те, в которых живут народы, дружески относящиеся к городам.

Глава 8. О знатнейших озерах, реках, лесах и горах

Московия несомненно более, нежели какая бы то ни было страна на земном шаре, орошается реками и озерами, покрыта лесами и усеяна горами и немногими пустынями. После Меотидского самое обширное из всех русских озер есть Ладога или Ладожское озеро, в пределах Финмаркена, в которое впадает река Вуокса, шумным, оглушающим слух близживущих, водопадом, и обтекая весьма многие острова, которые чуть ли и не поныне принадлежат Швеции. С ним соединяется посредством реки Свири другое - Онежское, а по соседству находятся озера Кивияри, Выгоозеро, Энаре, Улеотраск и другие. Равняется им Белоозеро, находящееся близ шриккфиннов и русских лапландцев, богатое рыбами и птицами разного рода, а еще более известное как местопребывание князя и казнохранилища, в древности. Около города Пскова лежит также обширнейшее озеро Пейпус, которое латиняне зовут Пелас и Бицис, русские - Псковским или Чудским, т. е. достойным удивления. Далее, близ Новгорода на громадное расстояние в длину и в ширину тянется другое озеро, Ильмень, около которого живут племена Водской и Шелонской пятины. Обхожу здесь молчанием озера - Рязанское, Ивановское и другие, коим конца почти нет и которые легко можно видеть на географических картах.

Между выдающимися в России реками по справедливости, по-видимому, должно считать первыми: Борисфен, Волгу, Танаис, Двину и Обь. Борисфен (это название сохранилось за ним с древнейших времен), столь известный и изобилующий рыбою, берет начало в области Белой и, свершив отсюда длинный путь, вливает свои пресные воды, благодаря коим его также превозносят, как Нил, в Черное море, на расстоянии пятидесяти тысяч шагов ниже Киева. Но до сего он встречает на пути пороги, т. е. скалистые места, или вернее обрывы, более десяти футов глубины, и, став поэтому вследствие каменистых препятствий, воздвигающихся среди течения его, менее стремительным, омывает своими водами немалое количество островов - отчество запорожских казаков.

Волга, или Ра, которую татары называют Итиль, армяне же - Тамат, составляет восточную границу между Европой и Азией, вытекает в лесу Фряново из Волконского болота (откуда вытекают также реки Борисфен, Двина и Ловать) и, протекши громадными извилинами шестьсот германских миллиариев, впадает в Каспийское море семью громадными рукавами. Танаис, называемый русскими Доном, или Конскою Водою, берет начало в Рязанской области из озера Иван-озера, в лесу Оконицком, т. е. лесу монахов, и, описав большую дугу по направлению к востоку, сворачивает опять на запад, захватывает с собою Донец, или Малый Танаис, и если не вполне образует Меотидское озеро, то в значительной степени

увеличивает его собою. Несколько лет тому назад перекопские татары, желая проложить себе дорогу в Каспийское море, попытались было при помощи главным образом турок соединить эту реку каналом с Волгою, но мосхи, уничтожив турецкий флот, разбили наголову также и их сухопутное войско, в котором насчитывалось 80000 татар и 25000 турок.

Двина вливается шестью рукавами в залив Белого моря, посвященный св. Николаю. Почти по всему течению ее на обоих берегах находятся поселения вследствие постоянного приезда сюда купцов, которые сплавляют отовсюду по ней товары к Белому морю.

Обь, или Карамбик, которую русские называют Нарынь, вытекает из какого-то китайского озерца, протекает мимо многих диких народов и соединяется широким устьем с океаном у мыса Литармина, причем течет здесь значительно медленнее.

В числе остальных выдающихся рек считается и Москва, которая, будучи к великой выгоде государства судоходною, вливается в Оку, реку гораздо больше ее, а Ока, в свою очередь, впадает в Волгу, и таким образом Москва совершаet громадный водяной путь от Москвы до самой Астрахани. После Москвы следуют почти бесчисленные, если не меньшие, то действительно менее известные: Нарва. Великая река или Турунту, Ловать или Хезин, Буг, Вага, Печора, Юг, Кама и, по направлению к древней Татарии и Китаю, Иртыш, Берес, Енисей, Пясида, Казым, Тахнин, а близ Кавказа - Пятиглав, которая некогда служила в области Пятигорье границею между кочевниками и грузинами, а ныне - между татарами и черкесами, и другие.

Что касается рощ и лесов, то я отказываюсь вдаваться в подробности по этой части, так как почти вся страна представляет собою сплошной лес, более Герцинского. Более других выдаются имена, кроме Епифановского или Оконицкого, еще Фряновского, Ивановского и Столпнинского, т. е. леса пустынников; остальным едва ли есть чем похвастаться.

Главные горы суть: западная часть Кавказских, или Ковкая гора, т. е. железная, некогда прозвывавшаяся Гогом, а ныне, обитателями Колхиды и армянами, Гогазаном т.е. крепостью Гога, а греками - Гогарене. Другая гора - Тавр, северный склон коего также занимают русские. Так как названные горы по величине своей занимают громадное пространство и до сей поры никем достаточно не исследованы, то русским и кажется, что их, под разными именами, гораздо более, чем кто-либо предполагает. Далее следуют Рифейские, или Гиперборейские, горы, которые Плиний назвал проклятыми душою мира и окутанными густым мраком. Относительно их недавно стали думать, что они богаты, пожалуй, и не приснившимся лишь или вымышенным золотом. Русские называют их "поясом земли", так как они тянутся на юг длинной цепью из самой области Печоры. К ним должно прибавить, по справедливости, Рогловские горы, лежащие между Танаисом и Волгою, а также и значительную часть Рымникских и Гималайских гор.

Глава 9. О границах Московии

В разные времена границы Московии обозначались различно, согласно изменчивому успеху в войнах. То она заключала в себе Эстонию, Карелию, Финляндию, большую часть Литвы, Мизию, Херсонес, Таврический полуостров и иные области, то, по утрате многих из них, ее границы суживались более тесно, - мало того, будучи одно время покорена готами и гуннами, она чуть не исчезла совсем. В наше время она все более и более распространяется по направлению с запада на восток и на север.

Если считать город Москву серединою страны, то границы ее, широко раскинутые, суть следующие: Лапландия, Швеция и Дания, Финляндия, Корелия, Эстония, Ливония, Литва, Польская Русь, Украина Казацкая и Польская, Подolia, Черное море и Херсонес Таврический, Крым и Азовское море, которое некий Мин-гарез, князь заволжских татар, завладев Трапезундским царством, соединил с Черным морем посредством канала,

прорытого с величайшим трудом, далее - Кабарда, Черкасия, подошвы Кавказских гор, узбеки, подвластные персам, Каспийское море, казаки-татары, тюменцы, китайцы, тунгузы, мангазейцы, река Пясида, Татарское и Ледовитое море, пролив при Новой Земле, Белое море и мыс Мотка. К такому необычайному, обширному пространству земель присоединяется еще то преимущество, что все они до того однородны и тесно связаны между собою, что так как между ними нет владений какого-либо постороннего властителя, то путешественникам предоставляется во всех направлениях совершенно открытая и свободная дорога. И поистине, это - государство самое обширное и самое могущественное в Европе! Географы насчитывают в нем 500000 германских миллиариев, т.е. 2500000 итальянских, в длину и столько же в ширину. В столь широких пределах оно заключает в себе: три пространнейших царства, пятнадцать княжеств и шестнадцать более крупных областей, а по величине поверхности оно равняется Германии, взятой вместе с Польшею, если не превосходит их.

Глава 10. Об отдельных областях русских, согласно их перечню в царском титуле

После того как мы, приводя выше царский титул, уже рассмотрели те наименования, которые главным образом указывают на величие царя, нам надлежит теперь внимательно изучить, каждую отдельно, те области, которые в нем перечисляются. При этом мы, по нашему мнению, должны поступить так, чтобы и о тех областях, которые не упоминаются в перечне титула, были нами сообщены краткие сведения, почертнутые из каких-либо иных источников. Ибо так как большая часть московских событий находится во мраке и еще недостаточно объяснена, то мы предпочли предоставить более ученым людям заботу о подробном их расследовании, нежели необдуманно и тщетно приниматься за трудную и сложную задачу. А между тем желательно было бы, чтобы кто-либо из государей, исповедующих христианскую веру, движимый чувством соревнования к отважным странствованиям древних на умножение научных сведений, соблаговолил послать опытных мужей для расследования многоного неизвестного и скрытого в московских странах. В награду за столь великий подвиг он, поистине, не только стяжал бы себе бессмертную славу и принес бы всеобщей торговле громадную пользу, но и вывел бы весь мир из глубокого невежества.

В царском титуле предполагаются остальным известные названия Великой, Малой и Белой России, обнимающие почти все царство, потому, конечно, что название "Россия" у москов считается самым древним и наиболее славным. Великая, называемая иногда и Западною, занимает громадное пространство земли около Пскова, Новгорода и Ярославля, Малая или Червонная, считающая своим главным городом Киев, чаще называется, более распространенным именем, Южною, а Белая - область больше остальных, но часть ее принадлежит Польше. Она, у некоторых писателей, стяжала царю прозвание "Белого", так как, действительно, обитатели ее по большей части носят белые одежды. Главным городом этой области был сперва Владимир, а потом Москва, и это звание остается за нею и в настоящее время.

Глава 11. О Московской, Киевской, Владимирской и Новгородской областях

Московское княжество не столько отличается пред другими русскими областями природными богатствами и величиною, сколько своим выгодным положением посреди страны, удобствами от реки Москвы и главенством, как местопребывание царей. Самый город, верный хранитель московского имени, был некогда, когда князья пребывали еще в Можайске, где и поныне еще видны остатки старинного царского дворца, вотчиною одной благородной семьи, но постепенно вознесся на ту высоту, на которой высится теперь. Область и город Киев весьма древни и также весьма прославлены, лежат под благоприятным небом у реки Борисфена и обильны всякого рода садовыми и полевыми плодами и всякими угодьями. Владимир, громадного протяжения, был некогда знаменитым местопребыванием царей и так роскошно плодоносен, что часто пять мер пшеницы приносят благоприятный прирост во сто крат. Город Новгород расположен под 62 град. широты, был некогда, с окружающею его областью, крайне велик и крепок (впрочем, он и в настоящее время не имеет вида умалившегося), так что в

древности русские смело говорили: кто может идти против Бога и Великого Новгорода? Река Волхов протекает посреди города и кремля и течет через озеро Ильмень, имеющее в ширину восемь миллиарев, а в длину двенадцать; по этой реке сплавляются разного рода товары в самую Нарву и Ревель. Главы храмов, находящихся в кремле, сверкают золотыми листами, весь город, тесно заселенный жителями, обнесен тройною белого цвета стеною, с большим трудом воздвигнутою. Некогда здесь находился рынок, знаменитейший на всю Европу, и за три века до 1477 года усернейше посещаемый немецкими, ганзейскими купцами. Любекские и шведские купцы вследствие сего и в настоящее время беспошлинно торгуют в нем и имеют свои, свободные от повинностей дома. Расположен город в крайне живописной местности, украшен многими садами и монастырями и, кроме прочих естественных богатств, славится чрезвычайно вкусною разного рода рыбою, плодами и медом, с необычайным искусством приготовленном с водою.

Глава 12. О Казани, Астрахани и Сибири

Главный город царства Казани, того же имени, Казань (что у татар означает медный кипящий котел) омывается рекою Волгою и защищается крепостью, поставленною на довольно возвышенной горе. Он обладает довольно красивыми зданиями и богат, главным образом, вследствие торговли мехами и разного рода скотом. Татарские князья, которые владели им несколько веков назад, носили название “царей”. В округе его есть сильно укрепленный город, называемый Стрелецким городком, где нет никаких других жителей, кроме солдат.

Астрахань, часть прежней Бактрии, протяжением не уступает Казани, с городом того же имени, и расположена по Волге и у Каспийского моря; некогда в ней также властвовали свои особые татарские цари. Город лежит на острове в реке, называющемся Долгим, на склоне холма и, по преданию, основан неким скифским царем Астром. Он хорошо защищен стенами от необузданной ярости татар, которым, хотя и покоренным, не дозволяется ночевать в городе, но по заходе солнца они высылаются в предместье, дабы город мог с большей безопасностью заснуть. В близком соседстве от города озера, от природы доставляют поистине изумительное количество соли, а немного далее пробиваются огненные источники нефти. Жители до того удовлетворены скотоводством, что почти совсем не засеваю полей. Виноград они также, приняв безумное учение Магомета, долгое время предоставляем лесным птицам, и только несколько лет тому назад там разведены, благодаря заботам и распоряжениям царя, виноградники. Кроме винограда, благоприятная почва в изобилии производит арбузы, дыни и иные подобные им плоды. А так как Астрахань находится на самой границе между Европою и Азию, то она постоянно посещается многочисленными купцами из Персии, Армении, Татарии, Бактрии и Индии.

Сибирь, некогда царство гуннов, а ныне обширнейшая русская область, широко раскинулась около реки Яика. У Плиния она, кажется, называлась Аваримоном, откуда вышла большая часть аваров и саверов, как их преимущественно называют греческие писатели. В ней находятся, как неверно рассказывает невежественная старина, быстро двигающиеся люди с загнутыми к голеням подошвами (конечно, от громадных деревянных лыж, или сандалий, которыми они пользуются очень искусно). Сюда отправляются для охоты, особого рода тупыми стрелами, на скифских соболей, в ссылку и заключение преступники со всей Московии, и здесь находится единственный во всем мире рынок драгоценных мехов. Зато хлеб или какие-либо плоды здесь почти нигде не растут, кроме разве тех, которые русские с величайшим трудом выращивают на небольших полях. Городов и населенных укрепленных мест в настоящее время, говорят, имеется здесь до сотни, тогда как столько же лет назад таких не было ни одного. Главнейшие из них суть: Тобольск, столица и местопребывание наместника, Верхотурье, Пелымъ, Тина, Березов, Манган, Шуйск, Тара, Нерчинск на реке Оби, Новинск и Томск, уже с более мягким климатом и очень короткой зимою. От этих мест русские в самое недавнее время, как мы слышали в Москве, дошли до реки Пясицы, очень широкой, которую они, однако, не отважились перейти, хотя с противоположного берега они, по их рассказам, слышали звон колоколов, а на самой реке видели корабли, очень похожие

на индийские или китайские. Те же лица гораздо раньше, иным путем, ведомые татарами и тунгузами, перешли реку Енисей, более крупную, нежели Обь, и сообщают, что живущие по этой реке близ огнедышащих гор люди безобразны, благодаря зобу, который висит у них под подбородком, клохчут при разговоре и шипят и ведут гнуснейший образ жизни в гнуснейших лачугах, присовокупляя, что Енисей, затопляя ежегодно, наподобие Нила, землю, делает ее плодородною и производящею все новые породы цветов и плодов. Раньше всех открыл Сибирь некий разбойник, сожержавшийся в Москве, который, дабы заслужить себе свободу и сохранить жизнь столь важным открытием, поддерживаемый только шестьюстами солдат, повел русских туда. Быть может, он и раньше, занимаясь разбоем по Казанскому царству, ушел в пределы Сибири, во избежание расставленных ему ловушек. Достойно, право, изумления, что такая горсть людей овладела таким громадным пространством земли! Что же, поистине, еще более удивительно, так это то, что и живущие далее племена подчинились царю не потому, что были покорены военною силою, но по убеждениям купцов и исключительно в надежде на выгоду в будущем от торговых сношений с московитами.

Глава 13. О Пскове, Смоленске, Твери, Югории, Перми, Вятке и Болгарии

Псков с пространнейшей областью расположен близ громадного озера Пейпуса, под 60 град. широты, и представляет весьма красивое зрелище, благодаря позолоченным круглым главам храмов и тянущемуся на громадном расстоянии поясу стен. Северную часть его омывает река Пскова, южную - река Великая, впадающая в озеро Пейпус и, по выходе своем из озера, впадающая в конце течения в Финский залив под названием Наровы. Неоднократно этот город достигал цветущего состояния под управлением народа, но, возгордившись вследствие безделья и растерзанный внутренними раздорами, подпал под власть московских царей. Поля его, окруженные густейшими лесами не менее других, весьма плодородны. Древнейших обитателей этого края, большую частью ливонцев, царь Иван Васильевич около 1500 года увел в Россию, а на их место прислал русских, дабы сделать город более послушным его указам, а расположен последний среди лесов. Поэтому-то и нам, когда мы двигались из пределов Ливонии по направлению к Пскову, вся Московия представлялась некою глубокою и мрачною долиною, ибо мы ничего другого не видели, кроме сплошного темного леса.

Смоленская область, особенно богатая хлебом, также имела особых князей и притом далеко не бессильных. Город, находящийся на довольно возвышенном берегу Борисфена, крепко защищен окружающими его стенами из кирпичей, а также хорошо охраняется воинскою стражею, потому что, подобно яблоку Ириды, и до сей поры переходит, попеременно, то во власть поляков, то во власть московитов. В 1654 году Алексей Михайлович принудил Смоленск сдаться. По направлению к югу высятся несколько холмов, и местоположение его довольно живописно, насколько нам это можно было заметить при поверхностном обозрении при проезде мимо его зимою.

Тверь, знаменитая кузнецким производством, которым она занимается более, чем остальными ремеслами, и обилием хлеба, орошается весьма удобно тремя реками: Махою, Тверцою и Волгою. Этот город очень долго имел своего отдельного князя, который нередко открыто военною силою отражал войско царя. К тому же он и не мал, хотя защищен деревянною только оградою. Мы видели его по дороге из Новгорода в Москву вместе с Торжком, соседним городом.

Югория, с городом Югра, представляет собой обширную область, простирающуюся до самого Татарского моря. Говорят, что в ней до настоящего времени не знали хлеба, кроме разве того, который случайно приносили туда пришельцы из Москвы. Дань царю она платит мехами различных зверей, коих в ней водится в большом изобилии. Древние обитатели ее, по большей части остатки гуннов и иных народов, заняли некогда многие московские области и главным образом Паннонию. Наводя ужас на весь земной шар, они образовали венгерский язык из соединения своего с языком гуннов. Доказательством сему отлично служит наречие, поныне употребляемое в Югории и мало чем отличающееся от венгерского. Мосхи, поэтому,

справедливо хващаются своими югорскими подчиненными, потому что знают, что они некогда были властелинами столь обширных царств.

Пермь - также громадная область, с городом Пермью, прозванная русскими Великою, и изобилует всем, кроме хлеба. Жители ее едят вместо хлеба сушеную рыбу и багный корень. Опираясь на палку, они быстро несутся по снегу на двух деревянных сандалиях в три локтя длиною, устраивают облавы и охотятся всегда удачно на скифских соболей, белок и прочих зверей. Кажется, это, как и самоеды, остатки древних финнов и земголы, которые в 830 году под именем беармийцев, умея колдовать и будучи совершенно, впрочем, безоружными, обратили в бегство датского короля Регнера с войском.

Вятка - тоже болотистая страна, но изобилующая разного рода зверями и питательным медом; в ней славятся особенно города: Орлов, Слободской и Котельнич.

Азиатская Болгария, знаменитая область по ту сторону Волги, есть настоящая родина древних болгар и некогда составляла часть Заволжского царства. Отсюда, несомненно, вышли болгары, которые, увлекая за собою все народы, говорящие по-славянски, распространили свое государство до самой Греции и Германии.

Глава 14. О Нижнем Новгороде, Чернигове, Рязани, Ростове, Ярославле, Белоозере, Удории, Обдории и Кандии

Нижний Новгород - город столь же богатый, сколько и заселенный, и который защищает, со своей высоты, крепость, воздвигнутая на скале при слиянии Оки с Волгою. Земля не только не изобилует солью и медом, но богата также плодами всякого рода. Город Чернигов, на дороге в Северию, обладает не столько тучными полями, сколько многими густыми лесами с дикими зверями; в прежнее время им владели свои особые князья. Одною частью этой области в настоящее время обладают мосхи и казаки, другою - поляки. Рязань - княжество с почвою столь плодородною, что на одном стебле часто вырастают два колоса. Производит она также и лен, и превосходнейший мед, и выкармливает бесчисленные стада рогатого скота, так что по ней как бы текут молочные и медвяные реки, да кроме того, и обитатели этой области имеют нравы более просвещенные, нежели какой-либо другой народ в России, чрезвычайно искусны в военном деле и способны.

Ростовское княжество обладает выдающимся, между прочими, городом Ростовом, местопребыванием архиепископа, и занимает область столь обширную и богатую, что считается величайшим и богатейшим из всех них после Новгорода. Некогда оно, вместе с Ярославским княжеством, переходило по наследству ко второму сыну царя, а последнее княжество, с главным городом того же имени, также не менее обильно одарено скотом, рыбой, льном, медом и плодами и заключает в своих пределах немалое пространство земли. В городе Костроме этого княжества приготовляется наилучшее и самое дешевое, к тому же, мыло, которое отсюда, вследствие большого употребления, расходится по всей России.

Белоозеро, главный город обширного княжества, выстроен на полуострове в озере того же имени, служил некогда местопребыванием русских князей, затем хранилищем их сокровищ, а под конец обратился в мрачную тюрьму для наказываемых ссылкою. Само озеро, шириной в двенадцать германских миллиариев, окружено стоячими болотами, принимает в себя многие реки, а выпускает из себя только одну - Шексну.

В Удории и Печоре, областях, границы коих также широко раскинуты, живет народ, соблюдающий в пище, одежде и во всем своем образе жизни величайшую простоту. По берегам реки Печоры тянутся длинным хребтом весьма высокие горы, которые русскими зовутся "Поясом земли". По этим горам водятся, говорят, совершенно черные соболи, знаменитые своим мехом, белые соколы и высокие кедры, похожие на можжевельник. Обитатели этих областей сохранили свой дедовский язык, но немного понимают и по-русски.

Особенно известны, между прочими, города: Папинов город и Пустозерск - тоже в прежнее время древнее укрепление против непокорных.

Обдория с рекою Обью, крайний предел европейской Сарматии, отличается почти постоянным холодом и грязью, и вогулы, угры и калмыки, т. е. волосатые татары, не столько живут оседло в ней, сколько кочуют по ней со всем своим скарбом. Кандиния, или Кандорская область, вдается в Гиперборейское море, получив название от мыса и острова Кандинских, и изобилует драгоценнейшими мехами. Здесь находилась Золотая баба, идол, почитаемый невежественными племенами за бога. Русские несколько лет тому назад нашли его и разбили, а оскверненный им холм, на котором туземные жители имели обыкновение развешивать разные меха и другие приношения и совершать гнусные жертвы, весьма удачно прозвали Чертовым приказом, т. е. канцелярией дьявола.

Глава 15. Об Иверии, Карталинии, Грузии, Кабарде, Черкасии и Горийской области

Иберия, область, известная с древнейших времен, тянется в кавказских теснинах к Каспийскому морю; недалеко от нее находятся Каспийские ворота, которые Александр Великий замышлял запереть окованными железом бревнами. Мосхи владеют большею частью ее с главным городом Тарки, который они сильно укрепили.

Карталиния есть татарская область, лежащая по направлению к Бактрии, или Бухаре, и ее цари или короли признают лишь изуважения власть москов над собою.

Грузия, в северной части Кавказа, обращена к Евксинскому Понту. Несколько лет тому назад ее князья подверглись разорению от турок и были доведены до такой крайности, что один из братьев перешел в турецкую веру и препоручил все свое владение охране оттоманцев, другой же, оставив армянское вероисповедание, принял московскую веру, перебрался с своей матерью в Москвию и уступил все свое владение царю. Нам неоднократно довелось видеть его в Москве, где он проживал, как частное лицо, с своею матерью, благороднейшей и умнейшей женщиной. Достойный сын ее, он обладает царственною осанкою и духом, нисколько ни умалившимися от злополучной судьбы его. При торжественных выходах он идет вторым после царя, который дает ему ежегодное блестящее содержание. От своих наследственных владений он дохода не имеет, а получает лишь временами оттуда подарки, главным образом, ковры, с персидской роскошью вытканные. Народ, грузины, обладает черными как смоль волосами, громадными кроткими глазами, орлиным носом, белою как снег кожею и весьма красивы вообще на вид. Женщины их, от природы уже весьма пригожие, носят к тому же еще пышные, по персидскому образцу, одежды и по привычке всегда сидят на земле, на коврах и подушках.

Кабарда, расположенная между Танаисом и Евксинским Понтом, недалеко от Ахиллова Бега, также некогда повиновалась своим собственным князьям; впоследствии же московский царь покорил их с помощью татарских набегов.

Черкасия, ближайшая к Грузии область, занимает северный хребет Кавказа и отгороженные им долины, вплоть до реки Койсу, одинаково соприкасаясь с Меотидским болотом и Евксинским Понтом. Вышедшие некогда отсюда племена заняли у реки Борисфена, на почве довольно плодородной, новую область, тем же именем названную, и основали город Черкассы, из которого при нас и на наших глазах привезли в Москву более 800 повозок, нагруженных водкою. Обитатели ее богаты, воинственные и благородного образа мыслей.

Область Горийская или Пятигорская, имевшая также некогда своих особых князей и притом одновременно очень многих, заслуживает похвалы лишь за ее леса, удобные для пастбищ, горы, стада рогатого скота и, главным образом, за город Самару, знаменитый обильным произрастанием спасительных целебных трав.

Глава 16. Об остальных московских областях и городах

Кроме поименованных в царском титуле областей, под властью русских находится еще немало и других, которые я пропускаю не столько вследствие их незначительности, сколько ради того, чтобы чужестранцам не опротивел длинный их перечень, хотя часть их входит в состав вышеприведенных под более общим названием. Посему я приведу их здесь лишь поверхностно и поименно. Углич обладает столь благодатною почвою, что поставляет белейший хлеб на всю Россию. Холопий город, т. е. город рабов, славится и в настоящее время главным образом своими ярмарками. Рассказывают, будто этот город выстроен рабами, выгнанными из Новгорода дубинами, а не оружием, их господами по возвращении домой за то, что они, пока те находились на войне, вступили в брак с их женами и дочерьми. Старая Руса, очень старинный город, поставляет в изобилии разного рода рыбу и поваренную соль. Рядом с ним находится область Вотская, в которой, говорят, животные, привезенные из других мест, мало-помалу белеют. Далее следуют: Великие Луки, прекрасный город на реке Ловать, Красный город, Волоколамск, Дмитров, богатейшая царская житница, и Александровская слобода, любимое некогда убежище царя Василия. Бельское княжество наводит ужас лесами и почти непроходимо по причине болот; в нем, говорят, берут начало Борисфен, Волга и Двина, текущие в три различные моря, находящиеся на большом расстоянии друг от друга. Могилев, громадный и высочайшею стеной защищенный город, занимается главным образом усердно торговлею с соседнею с ним Польшею. Далее мы встречаем Каширу и Тулу, которые превращают железо, в большом количестве добываемое из недр земли их, в огнестрельные и иные орудия для войны, а также и для домашнего употребления. Калуга славится удобнейшими седлами и сосудами, сделанными из дерева с жилками. В городе Козельске, находящемся по соседству с знаменитым вырубленным лесом между Москвой и Крымом, валяются шерстяные плащи или шинели, непромокаемые и теплые. Там же виднеются города: Орел, Рыльск, Кромы, Стародуб и Путивль, а также и Воротынск, заключающийся в далеко не тесных пределах, коего князья, подчиненные царю, обязаны жить постоянно в Москве во дворце вместе с другими. Далее бросается в глаза город Касимов, расположенный у реки Оки, некогда княжеская столица, с обширнейшим земельным владением. Женщины здесь почитают украшением для знати чернить себе ногти иходить с непокрытой головой и распущенными волосами, подобно тому, как это делается у мордвы. А Мордва - тоже обширная область и изобилует разного рода мехами и защищается более всего городами Муромом, Саратовом и Царицыном. Некогда в этой области новорожденные дети подвергались одновременно и обрезанию и крещению. В этих же местах, соприкасаясь с Казанским и Астраханским царствами, ведут среди скота, исключительно в кибитках и хлевах, зверский образ жизни татары, которые делятся на орды, племена или общины. Из них одни богохульственно поклоняются проклятому обманщику Магомету, другие - солнцу, луне или еще чему, первому бросившему им в глаза, когда они рано утром выйдут из шатра, - куску красного сукна, поднятого вверх на копье, и многому другому, пустому и ничтожному. Получая все от скота, они беззаботно пренебрегают полями, не приносящими посему плодов, и ненавидят, безумцы, города и ремесла. Цари их или мурзы, правящие всеми остальными, почитают московского царя за верховного высшего начальника. Они употребляют язык, родственный с турецким, но сильно искаженный бесчисленными наречиями. Одни из них суть ногайские или окские, от доблестного воина Окка, отца тридцати сыновей, так прозванные; другие, кочующие около Волги, где русские имеют несколько городов как бы для обуздания их, зовутся черемисами луговыми и нагорными, третьи - шибанцами, знаменитыми обилием скота и люда, а также и казаками-татарами, весьма известными своими заклинаниями; четвертые, наконец, - башкиры и калмыки, крайне отважные на войне, живущие близ сибирской реки Яика. Эти калмыки почти не обложены никакою данью, а только обязаны сражаться против врагов москов. Кочуя вместе с стадами, они постоянно питаются сырьим мясом и весьма часто меняют места из-за пастбищ. По этой причине они и во время нашего пребывания присыпали послов просить у царя себе нового отечества. Мало того, кроме этих есть еще много других, более диких из диких подчиненных России племен, около тюменцев и до самой Бактрии и Китая, но я не имею ни возможности, ни желания пускаться в дальнейшее расследование об них, так как распределение их на земной поверхности совершенно неизвестно. Прибавь к

названным еще область Лукоморье, с котою граничат дружеские с русским народом грусыны и серпеновцы, живущие близ китайского озера, из которого вытекает Обь, и которым индийцы привозят на продажу разные товары и драгоценные камни. Лукоморцы, по образцу самоедов, спускаются зимою на жительство внутрь земли, а раннею весною снова выходят на солнечный свет, и про них-то Гваньини и рассказывает, что они, подобно ласточкам и лягушкам, ежегодно умирают и воскресают. Сузdalь, служивший некогда достойным местопребыванием сыновьям царя, обладает также пространными пашнями. Недалеко от него - Переяславль, более всех остальных областей сохранившая верность московским князьям и изобилующая разного рода рыбою. Галич, некогда имевший также своих особых князей, не только обрабатывает тщательно свои поля, но и извлекает величайшую для себя выгоду из солеварения. Вологда, построенная при реке Двине, очень красива, служит местом жительства епископа и населена разного рода жителями, так как посещается усердно ради торговых дел; почва здесь не только покрыта обильно лесами и болотами, но и не плодородна и испорчена присутствием соли. Города Устюг и Холмогоры, лежащие у гавани св. Николая, также имеют значение не вследствие обработки полей, но по изобилию рыбы и частым приездам купцов. Каргополь - главный город богатейшей области, о доставлении которой всего необходимого для существования усердно заботится сам местный гений-покровитель. Воздвигнутый, наконец, в честь св. Михаила город Архангельск обладает знаменитейшей во всей России гаванью на Белом море. Если он, по малочисленности зданий, не может найти себе места среди тех городов Московии, что познатнее, то, несомненно, он стоит выше всех остальных по громадной торговле и удобному расположению, несмотря на то что в течение почти полугода он окутан густым мраком ночи.

Глава 17. Об области самоедов и лапландцев

Область самоедов широко раскинулась до Ледовитого океана и Вайгачского пролива, но, благодаря постоянному холodu и продолжительной ночи, она как бы погружена в глубокий сон. Ибо в течение нескольких месяцев мрак ее ночи слабо рассеивается на недолго временном светом, называемым северным сиянием, пока не наступит снова день, столь же продолжительный. Впрочем, она полна соболей, белок, лисиц, белых медведей и северных оленей. Жители ее постоянно обитают в подземных пещерах, в прекрасных, поистине, могилах мертвых и в то же время живых троглодитов. Наречие и выговор у них - единственные в своем роде, ибо они не говорят, а шипят, без сомнения потому, что холод вызывает хрипоту в горле. Питаются они дичью и рыбой, не жареными или вареными, а подвяленными на солнце. От человеческого мяса они, однако, всегда с отвращением отказывались, хотя некоторые, введенные в заблуждение значением слова "самоед", несправедливо приписывали им это звериное обжорство, ибо слово это скорее финское, нежели русское, и должно произноситься "сумайетти", т. е. остатки финнов, ибо и финны самих себя называют на своем языке сумалайзетами. Они часто пьют, по примеру гренландцев, ягодь, т. е. растопленный рыбий жир, как ради наслаждения, так и ради врачевания. Ростом они так малы, что полагают, что пигмеи, изображенные в древних поэтических вымыслах малыми сверх меры, были совершенно сходны с ними. Носа у них почти нет совсем, или он уж так мал и приплюснут, что они кажутся потомками если не пигмеев, то скорее всего скиров, которые имели на отвратительном лице вместо носа одни лишь дыры. Когда же они двигаются, закутанные с ног до головы в меха, то, глядя на них издали, их примешь не за людей, а за зверей. Иногда они совершенно закрывают лицо и всю голову кожами диких зверей, плохо сшитыми, так что одноглазые циклопы в настоящее время могут быть приравнены им по справедливости, а никому другому. Мало того: так как они часто надевают на себя цельные шкуры медведей, оленей и некоторых других морских чудовищ, потому что они не пробиваются стрелами (слегка смоченные, эти шкуры, благодаря холоду, быстро покрываются ледяною корою), то они и дали повод людям легковерным и неопытным рассказывать про них, что они имеют звериные головы и хрустальные, или льдом покрытые, тела. Старшие обыкновенно вооружены луком, для коего стрелы по большей части имеют острие из камней или рыбьих костей. Большинство из них пребывает и до сей поры в

язычестве, поклоняясь вместо Бога деревянным или каменным изображениям. А от Вайгачского пролива, разделяющего область самоедов от Новой Земли, до Татарского мыса, по словам русских, пять дней пути, и в известное время года можно это место переплыть на корабле. В этих местах живут мерекиты, мангазеи, бадаи, все жалкие народы, ограниченные северным поясом и упорствующие и поныне в своем невежестве. Итак, ничего не говорю здесь о Новой Земле; из сего уже ясно можно видеть, что мосхи владеют областями, примыкающими к самому полюсу и крайним пределам земли.

Лапландия, которую русские называют Заячьей областью, весьма похожа на область самоедов, и состоянием почвы, и жителями. Вся она заграждена горами, лесами и болотами, так что, за исключением немногих лишь мест, в ней до сей поры нельзя было сеять никакого хлеба. Одна часть ее, называемая Беломорской, подходит близко к Белому заливу, другая - Мурманской, к Северному морю, третья - Терскою, к Финмаркену. Дикие же лапландцы находятся в самой середине страны. Первоначально русские завладели ею всей, но потом у них осталась лишь некоторая часть ее, где находятся морская гавань Кола, Варзуга, Оленица, Сальница и несколько других, более известных, городов. В самой середине Лапландии близ озера Энаре, говорят, построены три хижины, куда в праздник Рождества Христова, преимущественно, вышеназванные дикие лапландцы обыкновенно приносят годичную дань начальникам - шведскому, датскому и русскому. Остальные же управляются несколько снисходительнее собственными начальниками. В одевании себя мехами, в употреблении рыб в пищу, в незнании хлеба, в употреблении такового же лука, да решительно во всем, они сходятся с самоедами. Деньги они не придают никакой почти цены, меняются на иностранные товары, часто не говоря даже ни слова, а объясняются только знаками. Греки и лютеране уже многих обучили своей вере, однако и те, благодаря условиям страны, весьма холодно относятся к ней. Язык их - наибезднейший из всех, так как они имеют представление о весьма немногом. Изучением истории, искусств, торгового дела и прочего в этом роде они не занимаются, даже питают отвращение к ним и неохотно расстаются с родиной. Свидетель-очевидец, ученейший Франциск Нери из Равенны говорит в своей "Скандинавии" (которую он благосклонно позволил мне просмотреть в Риме), что лапландцы в летнюю пору, вследствие обилия комаров и мух, а также и жары, поднимаются повыше на горы и с нетерпением дожидаются там осени, как мы ждем весну. Меняют они, подобно татарам, также часто и места жительства из-за пастбищ для оленей. Шалаши или хижины у них - деревянные, чрезвычайно низкие и темные, ибо они впускают свет через одно только единственное оконце или, вернее, продушину сверху в крыше, для дыма. Для согревания они поддерживают постоянный огонь, без всяких суеверий в него, а вместо свечей зажигают тончайше разрезанные куски соснового дерева. Обувь они носят, приготовленную из взъерошенной кожи оленей, а на пояс нанизывают для украшения медные кольца. Колыбели они подвешивают к бревну в потолке так, чтобы они качались в воздухе: и то и другое делают обыкновенно крестьяне и у нас в Курляндии и в Ливонии. Желая оказать кому-нибудь почтение, они не обнажают головы, а преклоняют лишь колена и низко кланяются. Воду они сдабривают можжевеловыми ягодами, дабы она была кисла на вкус. Водку и табак они употребляют с жадностью, предпочитая их всему остальному. Женщины вытягивают зубами свинец и олово в полосы, тщательно обматывают их нитками, приготовленными из оленых жил, и обшивают ими свои одеяния. Верхнюю рубашку они весьма искусно шьют либо из скользкой рыбьей кожи, либо из кожи оленей, пока она еще не загрубела. У мосхов происходят войны, то с шведским королем, то с датским, а лапландцы лишь меняют повелителей и спокойно живут постоянно в дружбе между собою. Охотою они занимаются постоянно, и из разных видов ее самая прибыльная есть охота на горностаев, которых они либо ловят живьем сетями, либо (так поступают и сибиряки с соболями) стреляют из самострелов деревянными тупыми стрелами, дабы не попортить как-нибудь меха. Краж они не знают, прелюбодеяние преследуют очень строго, а тому, кто придет к ним, оказываю всякого рода услуги, несмотря на то что живут совершенно уединенно и разбросанно. Так как им, по счастью, не знакомы бедствия всего мира, как то повальные болезни, голод, война и большая часть преступлений, то они могли бы быть названы

счастливейшими из смертных и уцелевшим образцом золотого века, если бы только большинство из них не предавались усердно занятию колдовством.

Глава 18. О Новой Земле и прочих русских островах

Новая Земля тянется по ту сторону Вайгачского пролива на двести германских миллиариев, а отстоит от мыса Табина, или Восточно-Татарского, на двести двадцать. Едва ли можно еще более сомневаться - остров ли это, лишь проливом от Гренландии или другой какой северной страны отделенный и более населенный дикими зверями, нежели людьми, по причине крайне сурового неприветливого климата. Русские, по счастливой случайности впервые увидев его, назвали его Новой Землей и в настоящие времена ежегодно отправляются туда летом, когда солнце обогреет его, на кораблях, а зимою, когда пролив замерзнет, на санях, за рыбьим жиром и зубом или за звериными шкурами. Большая часть его лишена деревьев и трав, и только кой-где виднеются кое-какие кустарники. Датчане, англичане и батавы много лет тому назад весьма отважно, но до сей поры тщетно, искали дороги на Восток в обход этому острову, и с северной и с южной стороны его, и убедились в том, что и с той и с другой стороны им без всякой надежды отрезан путь, благодаря непреоборимому препятствию - вечному льду, хотя находятся многие, которые убеждены в том, что в удобное время года морской путь через северные страны на Восток - открыт. Мне недавно сообщил некий заслуживающий полного доверия муж, что не много лет тому назад какой-то очень богатый гражданин города Амстердама, занимаясь ловлею китов около Шпицбергена, послал корабль ради сего и тщательно исследовал таковой путь, преодолев все северные преграды до 82 градуса, и, наконец, достиг открытого моря, по которому и спустился, приблизительно градусов на десять, по направлению к Востоку. Вокруг Новой Земли расположены, почти без конца, острова океана, ненаселенные и неустроенные. Да и в других местах в России не только озера и реки Волга, Обь и Борис-фен с Каспийским морем, но особенно Белое и Татарское моря имеют немалое количество островов, частью устроенных, а частью совершенно заброшенных. В Татарском и Северном морях рассеяны на большом протяжении: Белый Остров, Шараповы кошки, Сухоморье, Токсар, Колгуев остров, Торваки, Семь островов, Три острова, называемые также "матерью с дочерями". Олений, св. Матвея и Кильдин, полный жителей, а также и Оранский остров и еще другой, называемый островом Штатов, на котором голландцы, открывавшие путь на восток, ловили птиц руками, ибо те никогда, быть может, до сего не видавшие людей, нисколько не боялись ни их присутствия, ни захвата. Находят на них также и драгоценные камни, хотя и не высшей ценности, и горный хрусталь, не совсем плохой. Из островов, лежащих в Белом море, хотя они занимают небольшое пространство земли, особенно славятся Соловки, которые с большою выгодою продают в большом количестве соседям соль и хранят у себя мощи Филиппа, бывшего некогда священником и которого мосхи считают святым и чудотворцем, благоговейно почитают их и поклоняются им. Поэтому сюда стекаются во исполнение обета много богохульцев, неутомимо совершающих ради сего весьма длинные путешествия.